

САМИЗДАТ

БИБЛИОТЕКА «МЕМОРИАЛ»

САМИЗДАТ

(По материалам конференции
«30 лет независимой печати. 1950-80 годы».

Санкт-Петербург,
25-27 апреля 1992 г.)

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР (НИЦ) «МЕМОРИАЛ»

1993

Редакторы-составители: В. Долинина, Б. Иванов.

В работе над сборником принимали участие:
В. Иофе (НИЦ «Мемориал»), Е. Костюшева, М. Седунова
(Государственный музей политической истории России)

Художник Б. Дышленко

Техническая подготовка сборника к изданию обеспечена
советско-американским фондом «Культурная инициатива»,
«Ford Foundation» и НИЦ «Мемориал».

Сборник «Самиздат» посвящен борьбе за свободу слова в Ленинграде. Авторы статей — те, кто начал отстаивать право выражать свои взгляды на историю страны, судьбы ее культуры, те, кто хотел видеть в будущем своих сограждан свободными. Самиздат был способом обращения к читателям поэтов и прозаиков, не признавших догмы социалистического реализма и цензуру. Многие из авторов и издателей независимой периодики подверглись репрессиям. Сборник «Самиздат» представляет своим читателям материалы о выходившей в нашем городе свободной периодической печати — газетах, журналах, бюллетенях. В основе сборника — доклады, сделанные на конференции «30 лет независимой печати. 1950-80 годы», состоявшейся в апреле 1992 года.

Конференция была организована обществом «Мемориал» и Государственным музеем политической истории России.

Вячеслав Долинин

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ САМИЗДАТ СЕРЕДИНЫ 1950-80-Х ГОДОВ

Независимая периодическая печать Ленинграда середины 50-80-х годов — явление до сих пор недостаточно изученное. Роль, которую сыграл самиздат, в том числе периодический, в истории нашей страны, в общественной жизни и культуре, еще предстоит осмыслить и оценить.

Не подконтрольное власти письменное слово в России существовало, вероятно, столько же времени, сколько и подконтрольное. Издревле, например, ходили по рукам рукописи еретиков и сектантов. Обширную нелегальную литературу создали старообрядцы. Позже появились сочинения масонов и разношерстных революционеров. Многие художественные произведения, не разрешенные к публикации, распространялись в списках. Среди них и отдельные стихотворения Пушкина и «Горе от ума» Грибоедова.

В начале XIX века появились рукописные журналы — кружковые, ученические, семейные. Некоторые известные писатели, поэты, публицисты помещали в таких журналах свои сочинения.

Немало книг и журналов — в обход русской цензуры — печаталось за границей и доставлялось в Россию нелегально.

Возможности для публикаций в нашей стране постепенно расширялись. Наибольшую свободу приобрела печать после демократических преобразований в начале XX века.

Большевики, захватив власть, со свободой печати, как и со всеми другими свободами, покончили быстро и решительно. Правда, в 20-е годы неподцензурное письменное слово распространялось еще довольно широко. В частности, в среде интеллигенции и учащейся молодежи Петрограда-Ленинграда издавалось множество машинописных и рукописных журналов, например, «Небо и Земля», выходивший в 1928 — 1929 годах. В этом журнале были разделы прозы, поэзии и религиозной философии.

Постепенно репрессивный режим загонял свободное слово все глубже в подполье, но подавить его окончательно не смог. Не допущенные к печати стихи, проза, статьи и другие сочинения размножались и передавались из рук в руки, — уничтожить живое слово, наверное, так же невозможно, как невозможно отменить законы природы.

Хрущевская «оттепель» оживила запуганную страну, отогрела творческую инициативу. Общество хотело понять свое прошлое и настоящее, стремилось к демократическим переменам. Молодежь, не прошедшая бериевские застенки, верила в то, что бронепоезд советской власти вышел из тупика и, набирая скорость, несется к всеобщему благу и справедливости, что красное знамя можно отмыть от крови и что обновленные шестерни государственной машины больше не будут ломать человеческие жизни.

Однако эйфория и надежды не были всеобщими. Многие понимали, что однопартийный фундамент тоталитарного государства остается неизменным. В этом смысле интересно, например, стихотворение Гидони, написанное в 1956 году:

Я не люблю восторг ослиный
Предела нет и он ничей
И вместо сволочи единой
Над нами много сволочей.

Оживление общественной мысли, творческой энергии при сохранении идеологической цензуры привело в середине 50-х годов к всплеску самиздата — вольного, не зависимого от власти письменного слова.

Самиздат открывал читателю то, что замалчивала подцензурная официальная печать, он становился средством реализации творческого потенциала. В самиздат ушла общественная мысль, свободная от партийно-государственных установок, литература, не принявшая заповедей социалистического реализма.

Большую часть ленинградского самиздата 50 — 80-х годов составляла художественная литература — поэзия и проза. Традиционно в России литература оказывала огромное влияние на общество, на интеллигенцию. К сожалению, нет возможности перечислить всех литераторов, произведения которых стали достоянием самиздата. Назовем лишь некоторых.

Так, например, перепечатывались произведения поэтов Серебряного века — А. Ахматовой, М. Волошина, Н. Гумилева, М. Цветаевой. Размножались в самиздате и стихи советских поэтов — членов ССП, которые из-за цензуры не могли попасть в открытую печать, — это отдельные стихотворения О. Берг-

гольц, Б. Слуцкого, А. Твардовского и ряда других. От 50-х годов к 80-м нарастал поток неофициальной поэзии — произведений авторов, не входивших ни в какие государственные литературные структуры. Преобладала в самиздате поэзия, особенно в 50-е — 60-е годы. Думаю, что такого роста интереса к поэзии, как тогда, не было прежде и, наверное, никогда больше не будет.

Распространялись самиздатом и проза от М. Булгакова и А. Платонова до Г. Владимова и братьев Стругацких. Мощное воздействие на общество оказали пришедшие в свободную печать в 60 — 70-е годы книги Александра Солженицына.

Наряду с русской (в т.ч. эмигрантской) литературой в самиздат попадала и переводная — произведения А. Камю, Ф. Кафки, Дж. Орвелла и др.

Развитие самиздата неотделимо от развития антитоталитарного общественного движения. В 60-е годы резко увеличилось количество ходивших по рукам документов, имевших важное общественно-политическое значение. Среди них были открытые письма, заявления протеста, стенограммы политических процессов и т. п. Так, например, в 1964 году в Ленинграде распечатывалась стенограмма процесса над И. Бродским, а два года спустя — над Ю. Даниэлем и А. Синявским.

В разные годы в самиздат пришли и секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, и материалы времен «Пражской весны», переведенные с чешского («2000 слов» и т.п.), и лагерные воспоминания («Крутой маршрут» Е. Гинзбург и др.), и книги А. Авторханова, А. Зиновьева, М. Джиласа — литература, размывавшая идеологические устои коммунистического режима.

Известно немало случаев появления в нашем городе политических листовок. Некоторые их авторы и распространители оказались за решеткой. Последним из «листовочников», арестованных ленинградским УКГБ, был Николай Луценко (1981 год)¹. Печаталась в самиздате религиозно-философская литература — русская и зарубежная — Н. Бердяев, П. Флоренский, С. Кьеркегор, П. Тиллих и т. д. Отдельного изучения заслуживает религиозный катакомбный и сектантский самиздат.

В 60-е годы стал развиваться «магиздат» — магнитофонные записи песен бардов. Печатались и самиздатские сборники текстов бардовских песен. Были это, в основном, туристские песни, звавшие прочь из закопченных городов, в которых человек подавлен и бесприютен, прочь от серого, отупляющего быта.

¹ В настоящее время Н. Луценко является председателем Комиссии по правам человека Ленинградского облсовета.

С 60-х годов быстро рос интерес к всевозможной мистической и восточной религиозно-философской литературе. Появились переводы Вивекананды и других индийских мыслителей.

Шестидневная арабо-израильская война 1967 года вызвала волну еврейского самиздата. Печатались разнообразные материалы по истории и культуре еврейского народа, по иудаизму.

Среди текстов, ходивших в оппозиционных кругах интеллигенции, были книги, статьи, диссертации, отвергнутые идеологической цензурой, перепечатки из дореволюционных и малоизвестных советских изданий (в том числе из книг, выпущенных под грифом «Для служебного пользования», и книг, оказавшихся на спецхране).

Наиболее доступным способом тиражирования неподцензурных материалов была перепечатка на пишущей машинке. Изготавливались также фотокопии текстов. Доступ к копировальной технике, находившейся в государственных учреждениях, был ограничен и контролировался КГБ. Порой самиздатчики, пытавшиеся использовать эту технику, подвергались репрессиям. Например, в 1983 году в Ленинграде был арестован Михаил Поляков, размножавший на государственном ксероксе запрещенную литературу. С конца 70-х независимые издатели начали осваивать компьютерную технику.

Несмотря на ограниченные тиражи, неподцензурные публикации становились известными многим тысячам читателей. Литература передавалась из рук в руки, из одного читательского круга в другой. Интенсивность использования самиздата была велика. Часто книги давались на короткое время, например, на одну ночь. Устраивались и коллективные читки. Порой, когда возникала угроза обысков, самиздат уничтожался.

Наиболее высокоорганизованной формой самиздата являлась неофициальная периодика — газеты, журналы, альманахи. Выпуск таких изданий возможен лишь в устойчиво сложившейся неконформистской творческой среде, включающей в себя как авторов и издателей (как правило, это были одни и те же люди), так и читателей. Такая среда становилась островком свободы в несвободном советском мире. Обычно журнал или газету выпускала группа единомышленников, связанных дружескими отношениями.

Некоторые из этих изданий имели широкий круг читателей и авторов и сыграли важную роль в общественной и культурной жизни города и страны. Были издания и узкокружковые, домашние, общественная значимость которых не столь велика. Однако и они представляют для нас интерес, так как, в отличие от изданий официальных, свидетельствуют о настроениях, художественных поисках, политических и философских взглядах,

реально существовавших в обществе, о реальных общественных процессах.

Первый из известных нам ленинградских самиздатских журналов времен хрущевской «оттепели» назывался «Голубой бутон». Его выпустили в ноябре 1955 года студенты 3 и 5 курсов ЛГУ филологи и журналисты Платон Афанасьев, Аскольд Богданов, Роман Гольцов, Владимир Пуписов и Анатолий Фабричный. В подзаголовке к изданию говорилось, что «Голубой бутон» — это «ежемесячный художественный и антихудожественный журнал. Орган свободной группы творцов». В предисловии издатели заявляли: «Мы будем бороться с серостью в форме и пошлостью в содержании». Журнал помещал стихи и прозу, подписанные псевдонимами. Политической заостренности опубликованные материалы не имели.

О существовании журнала скоро узнала зарубежная пресса, о нем появилась публикация в американской печати, по «голосам» упомянули «госпоина Пуписова». КГБ, естественно, принял меры первым. В университет явились «литературоведы в штатском» и провели «профилактические беседы» с издателями журнала. «Голубой бутон» был осужден на пленуме Обкома комсомола, а в газете «Смена» появилась погромная статья. В результате второй номер «Голубого бутона» не вышел.

Вскоре после XX съезда КПСС по инициативе студентов в нескольких вузах Ленинграда возникли независимые журналы и стенгазеты. В Институте инженеров железнодорожного транспорта — «Свежие голоса», в Электротехническом — «Электрон», в Педагогическом — «Студенческие новости» (на историческом факультете) и «Литфронт литфака» (на филологическом), в Химико-технологическом — «Культура», в Библиотечном — «Ересь».

Появление неофициозных стенных газет со смелыми по тем временам литературными, критическими и публицистическими материалами поначалу ошеломило партийное руководство, но вскоре начались санкции.

«Свежие голоса» умолкли после первого номера. Его рассматривали на пленуме Горкома КПСС, «Комсомольская правда» писала, что газета будущих железнодорожников «нигилистически охаивает социализм».

Газета «Культура» продержалась дольше — вышло 3 номера. Главным редактором ее был Леонид Хануков, большую поддержку газете оказывал избранный на альтернативной основе комсорг института Борис Зеликсон. В редакции работали Дмитрий Бобышев (литературный раздел), Юрий Димитрин (музыка), Анатолий Найман (раздел кино), Евгений Рейн (живопись) и другие.

Первый номер «Литфронта литфака» вышел весной 1956 года. Состоял он, в основном, из стихов и прозы, написанных студентами филфака Педагогического института. В редколлегию газеты вошли А. Александров, А. Анпилогов, В. Емельяненко, М. Коносов, М. Певзнер, С. Фомичев, Р. Шабалин.

Венгерские события вызвали рост оппозиционных настроений среди студентов. Второй номер редакторы решили сделать острым, устроить «похороны социалистического реализма». Основная часть материалов была посвящена критике соцреализма и его основоположников. Кроме того, Михаил Коносов написал статью «Чудовищные преступления Сталина». После этого руководство института пресекло издание «Литфронта». Коносова вынудили перейти на вечернее отделение, Фомичев доучивался в провинции.

Журнал «Ересь» выпустили участники литературного объединения Библиотечного института. «Ересь» переписывалась от руки и состояла, в основном, из поэзии и прозы. Среди ее авторов и редакторов были Игорь Адамацкий, Борис Вайль, Нонна Слепакова и многие другие. В предисловии к первому номеру журнала говорилось: «В трактовке содержания, формы своих произведений авторам предоставляется полная свобода мнений». Со свободой мнений власти смириться не могли. На кафедре литературы института был проведен диспут: «Какой должна быть советская поэзия?» — партийное руководство планировало использовать его для травли «Ереси», но многие из выступавших на диспуте студентов поддержали авторов журнала.

В конце 1956 — начале 1957 года молодой математик Револют Пименов выпускал листок под названием «Информация», который можно рассматривать как прообраз «Хроники текущих событий». «Информация» представляла из себя лист бумаги, на котором с двух сторон плотно, без интервалов, был напечатан текст. Пименов и его друзья Ирина Вербловская и Борис Вайль помещали в «Информации» короткие сообщения политического и социально-экономического характера. Это были сведения о студенческих волнениях, об очередях и недостатке продовольствия в глубинке и о многом другом, о чем молчала официальная печать. Все сообщения давались без комментариев. В шести вышедших номерах листка было помещено свыше 100 различных сообщений.

В 1957 году питерский самиздат проник на Сахалин — трое солдат из нашего города, проходивших службу на этом острове, выпустили иллюстрированный литературно-художественный журнал «Зов». Его редактором был Эдуард Шнейдерман. Свой журнал издатели называли экспериментально-новаторским.

В годы «оттепели» самиздатские журналы выходили не только в Ленинграде, но и в других городах СССР. В Вильнюсе, например, издавался «Фиговый листок» (1955 год). Распространенная легенда о том, что первым самиздатским журналом был «Синтаксис», показывает, что история независимой печати изучена еще мало. «Синтаксис» выходил в 1959 — 60 годах.

В изданиях 50-х годов было много поэзии и юмора. Поэзия и юмор помогали человеку, живущему в послесталинском обществе, противостоять идеологическому давлению КПСС, не превратиться в безликий винтик тоталитарной государственной машины. Почти все самиздатчики того времени оставались марксистами. Их оппозиционность чаще всего не шла дальше критики соцреализма, но власти понимали, что на этом проснувшаяся мысль не остановится. Своей сущности советское государство не изменило. Идя на частичную десталинизацию, власть стремилась в первую очередь обеспечить свою безопасность и стабильность. В независимом, инициативном гражданском обществе она не нуждалась. Поэтому были сохранены, хотя и в ослабленном виде, цензура, «железный занавес», политическая полиция и другие атрибуты тоталитарной системы.

В 1957 году КГБ активно взялся за привычное дело — в Ленинграде прошла серия арестов. Среди арестованных были и самиздатчики — редактор «Студенческих новостей» Виктор Трофимов, издатели «Информации» Пименов, Вербловская и Вайль. Аресты шли по всей стране, лагеря наполнялись молодыми марксистами. Но время, когда репрессиями можно было остановить общественное брожение, уже прошло. Не смолк и голос самиздата.

Студенты вечернего отделения филфака ЛГУ Ким Горев, Леонид Михайлов, Эдуард Шнейдерман в 1960 — 62 годах выпускали литературный журнал «Оптима». Публиковали поэзию, прозу, переводы, критику. «Оптима» стала первым журналом, поместившим стихи Николая Рубцова. Среди ее авторов были Э. Великович, М. Коносов, З. Сикевич и другие. На шестом номере издание прекратилось — учеба на вечернем отделении отнимала много сил, и сочетать ее с изданием журнала было трудно.

В начале 60-х несколько выпускников юридического факультета ЛГУ решили начать издание дискуссионного журнала «Луч». Его редактором избрали Германа Кривоносова. Молодые юристы вырабатывали политические концепции, альтернативные идеологии КПСС. В 1963 году КГБ арестовал Кривоносова. На обысках были изъяты подготовленные материалы к первому номеру «Луча». Кривоносова приговорили к пяти годам лагерей по 70-й статье УК.

В 1965 году была арестована большая группа (9 человек) молодых инженеров, закончивших Технологический институт. Они выпустили два номера журнала «Колокол» (редакторы В. Ронкин и С. Хахаев), третий номер готовился. Участники группы имели самостоятельно выработанные взгляды, близкие к тем, которые привели за решетку Милована Джиласа. О своем идейном родстве с «югославским ревизионистом» они узнали только после ареста.

Среди арестованных был и Борис Зеликсон. Для характеристики его личности к делу подшили материалы, собранные КГБ по газете «Культура», к которой Зеликсон имел прямое отношение.

Девять лет эти материалы ждали практического применения. Осенью 1965 года студент физико-математического факультета ЛГУ Борис Останин с друзьями выпустил стенгазету «Плюс-минус бесконечность». В передовой статье Останин писал о замысле газеты. Предполагалось, что каждый студент сможет стать членом ее редколлегии и завести свой самостоятельный раздел. В газете планировались разделы поэзии, научной фантастики, политики и другие. Длина газетного листа, путем присоединения новых материалов, должна была увеличиваться, и постепенно весь факультетский коридор мог стать ее стендом. Однако первый номер газеты оказался последним. Партком ее снял. Начальству особенно не понравилось то, что редакторы напечатали в своей газете стихи опального в ту пору Иосифа Бродского.

В 1965-1966 годах шестеро студентов факультета русского языка и литературы Педагогического института выпускали литературное иллюстрированное издание под названием «Альманах». Ответственным редактором «Альманаха» был Валерий Сажин. Помимо литературных и литературоведческих произведений в «Альманахе» помещалась и публицистика. В качестве приложения к «Альманашу» В. Сажин и Н. Шерман издавали тонкие сборнички под заголовком «Любитель настоящей русской словесности или старовер». В «Старовере» печатались произведения авторов XVIII века, причем такие, которые и в середине XX звучали, как вполне современные. Был, например, отрывок из радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», посвященный свободе слова.

В конце 1966 года авторы и редакторы «Альманаха» решили выпускать литературно-публицистическую стенгазету. Ее называли «Vita». Руководство факультета было перепугано неожиданной инициативой студентов. Особенное негодование парткома вызвали нацифистская статья о войне во Вьетнаме и статья о возрастании роли интеллигенции в обществе. Газета была снята,

а ее редактора В. Сажина чуть не исключили из института. Время хрущевской «оттепели» ушло, и терпеть подобные вольности партийные власти не собирались.

В 60-е годы в ленинградском самиздате появился целый ряд литературных альманахов. Среди них «Призма», издававшаяся Борисом Тайгиным в 1961 и 1962 годах, «Звенья», подготовленные Владимиром Новоселовым на филфаке ЛГУ в 1965 году и включавшие сочинения большой группы молодых авторов. В том же году Александр Чурилин выпустил альманах «Fioretti», объединивший поэтов и писателей, собиравшихся в кафетерии на Малой Садовой (Е. Вензель, А. Миронов, В. Эрль и др.). В том же 1965 году вышли два номера литературного альманаха «Стезя» (А. Братусь, В. Доманский, А. Нахимовский, О. Ниворожкин и др.).

В те же годы возникло много самодеятельных издательств. Их печатным станком стала пишущая машинка, например, издательство Земцовских («Земиздат»), Галины Левиной («Галеви»), Владимира Эрля («Польза») и др.

В 1971 году издавалась газета с немецким названием «Zusammen» («Вместе»). Газета представляла из себя лист ватмана, на который с двух сторон наклеивались машинописные тексты. Ее редактировал Михаил Иванов. В газете были проза Б. Иванова, стихи В. Гаврильчика, статьи братьев Ивановых.

В 1975 году вышел литературный альманах «Часы» (не путать с журналом «Часы»). Среди его авторов — А. Антонов, А. Ник, С. Ник и другие.

В 70-е годы появляются новые студенческие журналы. Круг их авторов и читателей невелик. В 1972 году группа студентов, в основном, химфака ЛГУ, выпускала журнал «ЛОБ» («Ленинградское Общество Библиофилов»). Журнал «ЛОБ» помещал преимущественно поэзию и литературоведческие статьи. Среди его редакторов и авторов были А. Гершт, С. Дедюлин, А. Добкин, В. Петрановский, А. Сироткин и др. (до этого, в 1970 году, В. Петрановский издал два номера журнала под названием «амогоБ»).

В 1975-76 годах студенты русского отделения филфака ЛГУ С. Гаврилина, А. Калинин, О. Николаева и С. Ясенский выпускали литературный журнал «Ступени». В нем печатались поэзия и проза. В то же время их коллеги В. Баллаев, Н. Маслова и другие издавали свой литературный журнал — «Северномуринская пчела».

К середине 70-х в Ленинграде неофициальная культура (тогда ее называли также «второй культурой») сложилась как целостное явление. Отдельные кружки и группы, прежде не знавшие о существовании друг друга, стали пересекаться, сотрудничать и

вместе образовали единую культурную среду. В этой среде были художники, писатели, критики, философы, литературоведы, публицисты. Устоялись формы культурной жизни, идущие из 50-х годов, — устраивались квартирные выставки, действовали домашние литературные салоны, работали квартирные семинары, шел обмен сам- и тамиздатом. Для консолидации этой среды большое значение имели открытые выставки художников-нонконформистов — «бульдозерная» в Москве и «газневские» в Ленинграде.

Успех художников вдохновил поэтов. В 1975 году была предпринята попытка издать типографским способом сборник неофициальной поэзии под названием «Лента». Редколлегия в составе Юлии Вознесенской, Бориса Иванова, Виктора Кривулина, Константина Кузьминского и Евгения Пазухина подготовила этот сборник и передала его в издательство «Советский писатель». Сборник был отвергнут, а не вписавшиеся в официальную литературу поэты остались авторами сам- и тамиздата.

Сложившаяся неофициальная культура нуждалась в журнале, который стал бы ее голосом. Необходимость свободного издания долго обсуждалась. В конечном итоге таких журналов оказалось два — «37» и «Часы». Журнал «37» появился в январе 1976 года. Он получил название по номеру квартиры (в доме 20 на Курляндской улице), где разместилась его редакция. В редколлегию вошли Т. Горичева, В. Крипулин, Е. Пазухин, Л. Рудкевич и Н. Шарымова (Кононова). «37» был близок к религиозно-философскому семинару, возглавляемому Татьяной Горичевой и действовавшему в Ленинграде с 1974 года. Религиозно-философский отдел в журнале стал ведущим. В каждом номере публиковались также проза и поэзия. Здесь печатались В. Кривулин, С. Стратановский, Б. Улановская, Е. Феокистов, Е. Шварц и др. Помещались переводы, критика, литературоведческие статьи, были разделы публикаций, хроники и прочее. «37» просуществовал до 1981 года.

Журнал «Часы» начал выходить в июне 1976 года. С первого номера его редактировал Борис Иванов. Вскоре к нему присоединился Борис Останин. Членами общественной редколлегии «Часов» были также И. Адамацкий, В. Долинин, А. Драгомощенко, С. Коровин, Ю. Новиков, С. Хренов, У. Истоков и другие. Журнал имел постоянные разделы прозы, поэзии, переводов, изобразительного искусства. Помещались также хроника, литературоведческие статьи, публикации, критика, религиозно-философские материалы. «Часы» стремились максимально широко представить независимое культурное движение. За время с 1976 по 1986 год журнал опубликовал произведения почти 400 авторов из десятков городов Советского Союза. Среди них —

В. Алексеев, А. Бартов, Б. Ванталов, Р. Грачев, Б. Дышленко, Н. Катерли, Т. Корвин, Р. Мандельштам, А. Морев, Г. Померанц, К. Унксова, В. Ханан, П. Чейгин, А. Янов. Для многих известных теперь литераторов публикация в «Часах» была дебютом в печати. За первые 10 лет вышло 60 номеров по 250-300 машинописных страниц каждый. (За последующие годы общее число номеров достигло 80). «Часы» издавали также приложения (около 20 томов). Такого масштаба издательская деятельность является уникальной — за всю историю самиздата ничего подобного не было.

В 1976 году вышел сборник «Петербургские встречи» И. Синявина. Он состоял, в основном, из материалов, посвященных событиям, связанным с первыми выставками художников-нонконформистов Москвы и Ленинграда. В том же году готовился альманах стихов и графики «Мера времени». За материалы для этих двух изданий Юлия Вознесенская была осуждена на 5 лет ссылки по статье 190-1 УК.

С 1976 года начал выходить исторический сборник «Память». Идея этого сборника возникла в 1975 году. Его целью было, как сказано в предисловии к первому выпуску, — «возрождение общественной памяти». Далее говорилось: «Редакция считает своим долгом спасти от забвения все обреченное на гибель, на исчезновение, исторические факты и имена, и прежде всего имена погибших, загравленных, оклеветанных...» С 1976-го по 1981-й год вышло пять выпусков «Памяти», в которых были опубликованы скрываемые от читателя идеологическими спецслужбами материалы по советской истории — репрессиям 20-30-х годов, демократическому движению последних десятилетий и т.д. С 1978 года «Память» переиздавалась на Западе. В 1981 году по абсурдному обвинению был арестован Арсений Рогинский. Настоящей причиной ареста явилось участие Рогинского в издании «Памяти». После этого выход сборника прекратился. Преемником «Памяти» стал исторический альманах «Минувшее», печатавшийся за рубежом.

Во второй половине 70-х из самиздата в тамиздат перетекали целые потоки литературы. Был и обратный процесс — перепечатки из тамиздата распространялись самиздатом. КГБ эти потоки перекрыть не удавалось. Публикации в тамиздате для независимых литераторов стали во многом привлекательней совиздатских. Следствием высокого статуса самиздата и тамиздата было то, что вполне благополучные официальные литераторы вместе с неофициальными выпустили альманах «МетрОполь». Впервые целая группа литераторов членом Союза писателей открыто пришла в самиздат. Это были писатели и поэты из либерального, «маргинального» слоя советской литературы,

слоя и прежде соприкасавшегося с самиздатов и создавшего многое из того лучшего, что было в официальной литературе.

В 70-е годы началась эмиграция участников культурного движения на Запад. Эта эмиграция была как добровольной, так и вынужденной — под давлением КГБ. Например, под угрозой ареста выехал член редколлегии журнала «37» Лев Рудкевич.

Наряду с эмиграцией существовала и другая форма разрыва с «советским образом жизни» — многие оставляли привычную службу, карьеру и сознательно уходили на социальную периферию — в кочегары, в сторожа, в лифтеры. Для занятия свободной творческой деятельностью лучшей работы было не найти. В несвободном обществе наименее несвободен тот, кто стоит на нижних ступенях социальной лестницы. Самиздат и тамиздат в этой среде пылесосил официальную печать. Некоторые не читали совиздата совсем. В котельных и сторожках рождались сочинения, уходившие в самиздатские журналы. Почти вся петербургская неофициальная литература имеет кочегарские удостоверения¹. В те же годы происходит заметная христианизация независимого культурного движения. Крещение принимают десятки писателей, поэтов, художников. Религиозно-философские семинары оказывали большое влияние на этот процесс.

Следует сказать, что в нашем городе, наряду со светским машинописным самиздатов, существовал другой, вышедший еще в 60-е годы из догуттенберговской эпохи и использовавший современную полиграфию. Это был самиздат Совета Церквей Евангельских Христиан-Баптистов. Через религиозно-философский семинар баптисты установили контакт с участниками культурного движения и распространяли среди них свои журналы — «Вестник истины» (до 1976 года он назывался «Вестник Спасения»), «Информационный бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР» (первый самиздатский журнал, посвященный политическим репрессиям в Советском Союзе), а также «Братский листок» и «Детский вестник». В Ленинградской области, в Иван-городе, была разгромлена подпольная типография баптистского издательства «Христианин». В 1979 году баптисты нашего города основали издательство «Истина», которое выпускало календари с датами религиозных праздников и цветные пасхальные открытки.

¹ В «перестроечное» время даже появился литературный альманах «ТОШКА» (Творческое объединение пресловутых котельных авторов) в котором публиковались произведения только кочегаров. Лишь в порядке исключения печатались литераторы-некочегары — в тех случаях, когда они писали о котельных. Издавала альманах «ТОШКА» поэтесса Ольга Бешенковская, многолетний автор «Часов» и других самиздатских журналов.

Ростислав Евдокимов (слева) и Вячеслав Долинин – издатели информационного бюллетеня СМОТа (фото О. Старостина)

На снимке (слева направо) Борис Зеликсон, Юрий Димитрин и Сергей Хахаев во время конференции (фото О. Старостина)

ветской агитации и пропаганде, были арестованы Долинин и Евдокимов. Это были последние аресты журналистов-самиздатчиков в нашем городе. Всего с 1957 по 1982 годы ленинградское УКГБ арестовало около 30 человек, занимавшихся выпуском самиздатской периодики.

В конце 70-х в Ленинграде появились новые литературные издания. Александр Снисаренко выпустил в 1978 году 10 номеров поэтического альманаха «Голос». В нем помещались, главным образом, стихи ленинградских неофициальных поэтов 60-х — 70-х годов. «Голос» перепечатывался и в других городах.

В 1978 — 82 годах выпускники классического отделения филфака ЛГУ Дмитрий Панченко, Сурен Тахтаджян и Павел Диатроптов издавали журнал «Метродор». В первых номерах журнала преобладал юмор. В них витал дух Козьмы Пруткова, появлялись отклики на публикации в журнале «Корея», иронически обыгрывались идеи Чучхе. Постепенно журнал становился серьезнее. «Метродор» публиковал критические и литературоведческие статьи, в частности, о неофициальной культуре.

В 1979-81 годах Сергей Дедюлин и Виктор Кривулин выпускали журнал «Северная почта», целиком посвященный поэзии. Там были подборки Д. Бобышева, Т. Буковской, А. Миронова, О. Охупкина, Е. Шварц, В. Эрля и других поэтов; разделы критики, переводов, публикаций, печатались рецензии на поэтические сборники. В 1981 году, после нескольких обысков, Дедюлин был вынужден эмигрировать. Выпуск «Северной почты» прекратился.

В 1979-81 годах Кирилл Бутырин и Сергей Стратановский издавали журнал критики и полемики «Диалог». «В основе его построения, — писали редакторы в предисловии к первому номеру, — лежит принцип дискуссии, диалога. Журнал не навязывает авторам какой-то определенной программы, его цель — живое осуществление разных точек зрения». В 1981 году «Диалог» был преобразован в литературный журнал «Обводный канал», ставший одним из наиболее авторитетных толстых независимых журналов нашего города. В нем публиковались поэты и прозаики М. Берг, Б. Дышленко, Е. Звягин, Б. Кудряков, О. Охупкин, Е. Пудовкина, Б. Рохлин, С. Стратановский и другие, печатались переводы, критика, материалы по изобразительному искусству, философии и т.д. Журнал издавался до 1991 года.

Осенью 1979 года появилась первое феминистское издание самиздата — альманах «Женщина и Россия». Его составили Татьяна Горичева, Наталья Малаховская и Татьяна Мамонова. Основная часть альманаха — это статьи о социальных проблемах женщины и ребенка в СССР. В предисловии говорилось:

«...женский вопрос — это существеннейшая часть общей борьбы за обновление мира». Выход альманаха вызвал огромный интерес. Западные феминистки быстро перевели его на основные европейские языки, КГБ же немедленно начал репрессии против участниц нового движения. Пошли обыски, допросы, угрозы. Наталья Мальцева — один из авторов альманаха — несколько месяцев провела в следственном изоляторе. Под давлением КГБ покинули страну Ю. Вознесенская, Т. Горичева, Н. Малаховская, Т. Мамонова, А. Сарибан. Второй номер альманаха выпустить не удалось. Не удалось и растиражировать подготовленную Галиной Григорьевой, Сайдой Магай и Ренатой Сычевой «Антологию женской поэзии». Магай и Сычева эмигрировали.

В конце 1980 года оставшиеся в России феминистки начали выпускать женский журнал «Мария». Основную работу по подготовке номеров журнала выполняли Галина Григорьева и Наталья Лазарева. В марте 1982 года с шестым номером «Марии» на руках Лазарева была арестована. Издание прекратилось.

Существовал в нашем городе и музыкальный самиздат. С середины 70-х журнал «Квадрат», начинавшийся как полуофициальный Бюллетень Ленинградского джаз-клуба, становится по существу независимым изданием. Его редактор Ефим Барбан помещает в журнале материалы преимущественно по авангардному джазу. Наиболее значительная публикация «Квадрата» книга Барбана «Черная музыка, белая свобода». С журналом сотрудничали Александр Кан и другие специалисты по джазовой музыке. Некоторые номера Барбану удалось напечатать на ротатипе в государственных организациях — материалы о музыке не вызвали настороженности у чиновников. После разгона в 1982 году Клуба современной музыки, созданного Барбаном и его друзьями в 1979 году, редактор «Квадрата» эмигрировал, журнал больше не выходил.

В 1977 году свой журнал появился и у рок-движения — это был журнал «Рокси». Первые его номера редактировали Н. Васин и Б. Гребенщиков. Затем в редакцию вошли М. Брук, Б. Малышев, А. Старцев и др. Журнал выходил нерегулярно. В 1992 году была предпринята попытка начать выпуск «Рокси» типографским способом, но резкий рост цен на бумагу не позволил это сделать.

Большое значение для укрепления единства независимого культурного движения в стране имели две междугородные конференции по неофициальной культуре, прошедшие почти в подполье в Ленинграде в 1979-м году. Участники конференций стремились осмыслить проблемы свободной культуры, оценить ее опыт. Попыткой обобщения итогов культурного и религиозного движения были сборники, появившиеся на грани 70-80-х, — «Церковь, культура, идеология», «Галерея» и «Острова».

В сборнике «Церковь, культура, идеология», вышедшем в 1979 году, помещены статьи участников религиозно-философского семинара — Т. Горичевой, Б. Гройса, В. Крипулина, Е. Пазухина и др. Сборник «Галерея», составленный в 1981 году, включил в себя материалы по изобразительному искусству, взятые в основном из «Часов». Сборник был иллюстрирован фотографиями. «Острова», вышедшие в 1982 году, стали первой антологией неофициальной поэзии Ленинграда (период с 1949 по 1980 годы). Поэтические сборники, издававшиеся ранее, например, «Лепта» и подготовленное К. Кузьминским «Живое зеркало» (1973), не претендовали на полный охват независимой поэзии города. «Острова» в течение почти двух лет составляли С. Востокова, В. Долинин, Ю. Колкер и Э. Шнейдерман. Редакторам удалось собрать рассеянные по самиздатским сборникам и личным архивам тысячи стихотворений сотен поэтов. Стихи 80 поэтов были включены в антологию.

В 1979 году начал выходить первый реферативный журнал самиздата «Сумма». В предисловии к изданию говорилось: «Все-му свое время. Сегодня время насаждать и врачевать, время собирать камни... Скромная цель этого издания — способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная — искать пути к СИНТЕЗУ. Это стремление составляет главный содержательный принцип журнала».

В «Сумме» помещались рефераты и рецензии посвященные самиздату Ленинграда и других городов Советского Союза, а также тамиздату. Главным редактором был математик Сергей Маслов, участвовали в издании журнала А. Вершик, Р. Гордеев, В. Долинин, Б. Иванов, В. Иофе, С. Левин, Э. Орловский, Р. Пименов и др. В 1982 году после трагической гибели Маслова выпуск «Суммы» прекратился.

В начале 80-х независимое культурное движение начинает принимать легальные организационные формы. В 1981 году создан Клуб-81, объединивший около 70 независимых литераторов, затем Товарищество экспериментального изобразительного искусства, в которое вошли художники-нонконформисты.

Сейчас КГБ пытается присвоить себе инициативу создания Клуба-81, стараясь представить себя защитником культуры. На самом деле политическая полиция стремилась использовать Клуб для того, чтобы покончить с самиздатом и перетеканием его в тамиздат. Об этом сотрудники КГБ десять лет назад говорили открыто. Однако литераторы не только не прекратили издание журналов, выходивших на момент создания Клуба, но и начали выпускать новые.

В 1982-85 годах выходили «Регулярные ведомости» — издание Клуба, помещавшее, главным образом, хронику внутриклубной жизни. Первые два номера выпустили В. Долинин и С. Коровин, последующие пять Коровин выпускал один.

В 1984 году члены секции переводчиков Клуба начали издавать периодический сборник «Предлог». За 1984-86 годы они выпустили 10 номеров сборника и столько же томов приложений к нему. В «Предлоге» публиковались переводы с языков Западной и Восточной Европы, а также народов Советского Союза. Главным редактором сборника был Сергей Хренов. Участвовали в его издании М. Иоссель, М. Хазин и др. «Предлог» просуществовал до 1989 года.

Активно включился в издательскую деятельность Дмитрий Волчек — поэт, прозаик, филолог. В 1982 — 84 годах он выпускал литературный журнал «Молчание» с приложением под названием «Гостиница». В этих изданиях участвовали Юрий Галецкий, Александр Снисаренко и др. С 1985 года Волчек издает «Митин журнал». Помимо поэзии и прозы журнал помещал переводы, архивные материалы, филологические исследования. Особое внимание уделялось литературе авангарда и творчеству молодых авторов. В 1992 году вышел 43-й номер журнала. В том, что журнал существует до сих пор, большая заслуга Ольги Абрамович.

С 1986 года членами Клуба-81 издавался «Красный щедринец (журнал вневедомственной сатиры)». Редактором его был Б. Иванов. Это первый в нашем городе самиздатский сатирический журнал. В том же году Е. Зелинская начинает выпускать детский журнал «ДиМ» (Девочкам и мальчикам).

В первой половине 80-х появляются новые независимые журналы и сборники, не связанные с Клубом-81. Так в начале 80-х группа молодежи (Т. Гаенко и др.) издавала литературный журнал «Просвет». В 1980-1984 годах студенты Института театра, музыки и кинематографии — Аркель (псевдоним В. Максимова), Д. Марченко и Е. Пуссер выпускает журнал «Грааль». Значительная часть материалов журнала была посвящена театру. Публиковались и литературные произведения, а также интервью и переводы. В 1984 году Аркель и Г. Миропольский издавали журнал «Опыты», являвшийся в значительной степени преемником «Грааля». Новый журнал был иллюстрированным. С 1985 года авторы этого же круга выпускали «Бюллетень театральной лаборатории» — он анализировал работы студии Вадима Максимова, — с 1986 года «Сборники манифестов режиссерского театра».

Осенью 1982 года под редакцией Ивана Мартынова вышел сборник «Историко-литературные чтения на 1980-81 годы.

Н. С. Гумилев». Большую часть материалов сборника составили малоизвестные произведения Гумилева и воспоминания о нем. Вошла в него и подборка ленинградской поэзии 60-70-х годов. Вскоре сборник был переиздан типографским способом в Австрии.

С 1982 года начал издаваться «ЛЕА» (Ленинградский еврейский альманах). Предполагалось, что он станет печатным органом Ленинградского общества по изучению еврейской культуры, которое пыталось тогда образовать группа энтузиастов. Общество создать не удалось — время было явно не подходящее, но альманах выходить начал.

Еще в 70-е Г. Вассерман, Г. Канович, М. Пеккер, Л. Утевский и др. организовали в нашем городе два взаимно пересекавшихся семинара. Один из них занимался историей и культурой еврейского народа, другой был иудаистским религиозно-философским. Участники этих семинаров и стали ведущими авторами «ЛЕА». Материалы по истории и культуре евреев составили основную часть альманаха. Состав редакции менялся. Первый номер выпустили Я. Городецкий, Ю. Колкер и Э. Эрлих. Второй был подготовлен в кружке Г. Вассермана. Затем в редакцию вошел М. Бейзер, печатавший в «ЛЕА» главы своей книги «Евреи в Петербурге». После отъезда Эрлиха, Колкера и Бейзера их дело продолжали другие.

В 1983 году Б. Беркович и братья Крусановы начали издавать литературный журнал «Гастрономическая суббота». Там печатались стихи и проза неофициальных авторов, пришедших в литературу уже в 80-е годы. Журнал просуществовал до 1988 года.

В 1986 году выходил литературный журнал «Эос». Его выпускали К. Болдовский и Г. Бревде. В качестве приложения к журналу был подготовлен сборник «Парадоксы».

В том же году А. Бурлака начал издавать рок-хронику «РИО» (рекламно-информационное обозрение).

Между самиздатом Ленинграда и других городов долгие годы существовала постоянная связь. Многие иногородние авторы, главным образом, москвичи, печатались в ленинградских журналах, а ленинградцы — в журналах Москвы и других городов. Например, одна из тетрадок издаваемого Александром Гинзбургом «Синтаксиса» целиком состояла из стихотворений ленинградских поэтов, среди которых был и мало известный в то время Иосиф Бродский. Печатались авторы нашего города во многих других иногородних изданиях. Среди них «Сфинксы», «Евреи в СССР», «Транспонанс» (№ 23 этого журнала делался в Ленинграде), «Поиски», «Майя» (2-й выпуск этого выходившего во Пскове поэтического альманаха состоял из произведений ленинградских поэтов). Тесный контакт диссидентские круги Ленинграда поддерживали с «Хроникой текущих событий», — в этом важная роль принадлежала Сергею Маслову и другим правозащитникам.

С начала «перестройки» цензурный гнет стал ослабевать. Однако самиздат продолжал развиваться вплоть до принятия Закона о печати и появления действительно независимых изданий, имеющих открытый доступ к полиграфии. Если в 1986 году в Ленинграде выходило 12 свободных изданий, то в 1988 почти втрое больше. В октябре 1987 года в Ленинграде, в помещении Клуба-81 состоялась Первая Всесоюзная Конференция редакторов независимых изданий.

Историкам будущего, изучающим наше сумрачное время, невозможно будет его понять без обращения к независимой печати. Даже мы, выросшие при тоталитаризме и еще не разучившиеся читать между строк, едва ли смогли бы разобраться в реальных политических и культурных процессах, протекавших в обществе, основываясь только на официальных советских источниках. Но не бывает немой эпохи, безгласного общества, — живым, свободным голосом советского общества долгие десятилетия был самиздат.

В конце 80-х — начале 90-х «перестроившиеся» официальные издательства и журналы публикуют множество сочинений, прежде не разрешенных к печати. Значительная их часть уже многие годы была известна читателям самиздата. Именно самиздат берег и доносил до тысяч и тысяч читателей то ценное, что было создано в общественной мысли, в литературе как 50-80-х, так и предшествующих лет. Но главная заслуга свободной печати все же не в этом, — самиздат стал интеллектуальным полем, в котором развивалось демократическое (в том числе правозащитное) движение, формировалась свободная культура и общественная мысль, национальные и религиозные движения. Он сделался катализатором их развития.

Самиздат, раздвигая духовные горизонты, пробуждая гражданское общество, конструктивные, здоровые силы, сыграл огромную, еще не оцененную в полной мере роль в разрушении тоталитарной системы, в строительстве фундамента будущей демократической России.

Николай Солохин

ПОДСНЕЖНИКИ «ОТТЕПЕЛИ»

В конце сороковых годов я окунулся в так называемую производственную среду.

Заболев сочинительством стихов и спортивной греблей, я бросил школу, стал работать боцманом в ЦПКиО, разнорабочим в артели «Культигрушка», топографом в Ленгидэпе, пионервожатым в 199-й средней школе (на площади Искусств) — и закончил 10 классов школы рабочей молодежи.

Директор 199-й школы предложил мне: «Напишу вам рекомендацию, если будете поступать в Педагогический институт». Но я отказался от рекомендации и сдал вступительные экзамены в ЛГУ на философский факультет.

Главным мотивом этого решения было желание вкусить «сливки» учености. В «молоко» я уже окунулся — унылая производственная атмосфера перестала меня привлекать. Я считал тогда, что на философском факультете учатся и преподают гиганты мысли.

Однако уже на первом курсе доцент Савельев (или Соловьев?), читая курс «Основы марксизма-ленинизма», поразил юных слушателей откровением:

— Кроме четырех светочей, у человечества других гениев на протяжении всей истории не было.

— Как?! — пискнул кто-то наверху амфитеатра, — а Гегель?!

Доцент решительно отрезал:

— Гегель гением не был.

Позднее другой доцент — Изотов заверил нас в том, что наконец-то мы начинаем постигать основы единственной подлинно научной теории развития природы и общества. С чем и поздравил нас. Но поразил другим: вскоре стало известно, что он вкупе с еще одной ученой персоной, принимая вступительные экзамены, не погнушался подношениями некоторых абитуриентов.

До сих пор не забыть мне и восторженный фальцетик доцента Хотькова (возможно: Ходькова), который призывал нас всеми фибрами души принять великое открытие мичуринца и

академика Трофима Денисовича (фамилия обычно не называлась, поскольку всем было ясно, о ком идет речь) и посрамить по силе возможности вейсманизм-морганизм и «богохульствующего монаха Менделя», запугавшегося в горохе и растительных гибридах.

Однако самый разительный пример восхождения к горным вершинам науки мне лично был дан соискателем ученой степени доктора философских наук, бывшим архангельским (ненавязчивый мотив поморской традиции, положенной еще М. В. Ломоносовым) пастухом В. П. Рожиным. На вопрос: — Чего нового вы внесли в учение о категориях марксистской диалектики? — будущий профессор скромно ответил: — Я не могу повторить все, что сказано в моей диссертации!

Перепроизводство ученых подобного рода, возможно, привело правительство к решению сократить выпуск специалистов гуманитарных специальностей: юристов, философов, международников, экономистов и т. д. Осенью 1954 года этот процесс пошел во многих вузах страны, в том числе и ЛГУ.

Я с зимы уже тяготился мудрствованием в стенах философского факультета и решил перейти на отделение журналистики филфака.

Филологический факультет в те годы был весьма популярен. Не только в ЛГУ, но и в городе. Считалось, что он уникален по преподавательскому составу (профессора М. Алексеев, Г. Бялый, В. Жирмунский, Г. Макогоненко, В. Пропп и другие читали лекции и вели семинары на филфаке), пестротой невест и юных литературных дарований.

Здесь была лучшая в городе стенная газета — «Филолог», занимавшая на втором этаже простенок от входной двери до буфета. В ней помещались стихи членов литературного объединения, не лишённые формалистических изысков и ядовитых намеков на быстротекущую действительность, помещались статьи, в которых сдержанно, однако прозрачно намекалось на симпатии авторов к литературному и художественному авангарду, всячески осуждаемому в те годы, а также довольно бойко освещались дни нашей жизни. И это не удивительно: большинство членов редакции составляли студенты-журналисты. Редактором газеты тогда был Михаил Мильман, ответственным секретарем Борис Иванов. Случалось, что отдельные номера газеты не успевали провисеть и дня: их снимали по приказу партийного руководства филфака за недостаточную лояльность содержания и литературные новации, особенно в стихах.

Литературное объединение ЛГУ было известно в городе. Поэты-студенты Валентин Горшков (самый популярный в студенческой среде), Илья Фоняков, Владимир Уфлянд, Борис Гусев и Кока Сорокин с Ольгой Колмык составили славу лито. Последние двое отличились особо. Кока Сорокин написал и с

помощью Владимира Торопыгина, работавшего тогда в молодежной газете «Смена», опубликовал поэму о любви, которую читал потом в других лито города. Но вскоре Фоняков сообщил, что поэма эта ... плагиат: Сорокин стянул ее у одного бакинского поэта. А Ольгу Колмык разоблачил в литературном воровстве поэт Сергей Давыдов: он показал, что «автор» стихов, выступивший на лито, понадергала строки у Максимова и Чепурова. Другой поэт Валерий Шумилин не без пафоса сообщил: — Помните, Ольга Колмык читала нам свою поэму «Рассвет». Так вот: она украла ее у Виктора Гончарова. Вот эта поэма!

Весной 1955 года в газете «Смена» была напечатана статья студента ЛГУ В. Бузинова «Развенчанная поэтесса». Кока же Сорокин и его будущий разоблачитель все еще продолжали дружно выступать на вечерах литературы в Горном и Политехническом институтах. Фоняков читал там:

Нет, я не первый замечаю
И удивляюсь не один
Такому свойству Иван-чая:
Цвести в пыли, среди руин.

А в более узком кругу — стихи о кукурузе, ее победном шествии по стране. Стихи были язвительны, остры — и автор чуть было не поплатился за них комсомольским и студенческим билетами.

Впрочем, в те годы уже не было таким «твердокаменным» не только административное, но и комсомольское и партийное руководство. Во главе партбюро стоял фронтовик, преподаватель славистского отделения Герман Сафронов, а в факультетском комсомольском бюро функционировали такие вольномыслящие студенты, как Борис Окороков, Наталия Грознова, Слава Пастухов.

Окороков был студентом славистского отделения. Но он много общался не с одним лишь Германом Сафроновым, но и другими преподавателями филфака: Федором Абрамовым, славистом Дмитриевым (к сожалению, не помню его имени), бывшим бойцом интернациональных бригад в Испании Захаром Плавским, читавшим лекции и ведшим семинары по западной литературе, и другими.

Демократичны были и некоторые преподаватели истории журналистики, русского языка и литературы: Вадим Чубинский, Петр Хавин, Вера Иванова, Николай Емельянов.

В целом атмосфера на филфаке была иная, чем на философском. Скоро я почувствовал себя «в своей тарелке». Меня выбрали секретарем комсомольского бюро курса, назначили стипендию имени Грибоедова. Участвовал я и в работе лито. На одном из конкурсов поэт Николай Дмитриевич за стихотворение «Девочка,

когда семнадцать лет ...» получил третью премию. Первую, помнится, присудили Уфлянду, вторую Гусеву. И когда Валентин Горшков объявил, что третья досталась Дмитриевичу, я вздрогнул, жарко покраснел, но получать премию не вышел: решил не раскрывать своего псевдонима.

Все эти обстоятельства в какой-то степени предопределили мою судьбу, тем более, что я продолжал поддерживать дружеские отношения с некоторыми студентами философского факультета: Леонтием Гараниным, Евгением Козловым, Михаилом Молоствовым.. В некотором роде это был кружок единомышленников, которые собирались на квартире Гаранина обсудить различные животрепещущие научные и житейские вопросы. Время от времени жизнь наша взрывалась разного рода публикациями и встречами, которые будоражили молодые умы.

В двенадцатом номере «Нового мира» за 1953 год была напечатана под рубрикой «Дневник писателя» статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Очень сдержанно и взвешенно автор ставил вопрос об искренности в литературном творчестве. Статья возбудила горячие дискуссии, читатель понимал о чем идет речь. Догматические схемы соцреализма открыли дорогу в литературу ремесленникам и конъюнктурщикам. По мысли автора, искренность была одним из необходимых признаков таланта. Обсуждались вопросы искренности не только в литературе. Другие виды искусства тоже попали на поле брани. «Филолог» не обходил вопросов, поставленных Померанцевым.

Сильнейшее впечатление на нас, студентов, произвело выступление на филфаке Дудинцева, автора романа «Не хлебом единым» — произведения огромной полемической силы и направленного против власти бюрократии. Мы хотели видеть в нем своего героя и вождя, — а он мрачный, раздраженный отбивался:

— Не орите! Не задавайте провокационных вопросов!

Но в переполненной аудитории — сидели на полу возле кафедры, стояли в проходах и дверях, кто-то даже взобрался на круглую высокую печку, — кричали, хлопали, свистели.

— Медаль «За отвагу» автору! — перекрыл весь шум и гам чей-то молодой веселый бас.

На комсомольских конференциях стали поговаривать, а в прессе пописывать, что надо «быть ближе к массам», что «пора изгонять формализм в работе с молодежью». «Смена» временами публиковала заметки о дискуссиях в комсомольских «первичках». Спрашивалось, можно ли объявлять бойкот в классе, если один из учеников (учениц) совершил неблагоприятный поступок или лучше навалиться всем коллективом на отщепенца и перевоспитать его.

Однако дискуссия в газете текла как-то вяло. Официоз по-прежнему занимал львиную долю газетных полос.

В такой вот среде и зарождался студенческий самиздат 50-х, у истоков которого волею судеб свидетелем оказался и я. Почти одновременно на философском и на филфаке появились два разных издания: трактат Михаила Молостова «Status quo» и журнал «свободной группы творцов» «Голубой бутон». Первый обсуждался в узком кругу единомышленников на квартире у Гаранина, затем был прочитан доверенными людьми философского факультета — и изъят во время ареста группы М. Молостова органами КГБ в 1958 году, чтобы стать основой обвинительного заключения в суде. Второй через несколько дней после рождения был подсунут услужливо под дверь партбюро филфака — и сразу сделался предметом обсуждения комсомольского актива факультета и пересудов по всему городу.

«Голубой бутон», первый и последний номер которого вышел в ноябре 1955 года, был детищем пятерых студентов филфака: Аскольда Богданова, Платона Афанасьева, Владимира Пуписова, Анатолия Фабричного, Романа Гольцова.

Стихи и проза в журнале были подписаны псевдонимами: Сердцеед, Пл. Анин, Хихикающий, Хорошенький, Сясь, Чичирь. Но та же услужливая рука указала в экземпляре, подсунутом под дверь, имена людей, скрывшихся за ними.

Партбюро решило передать журнал на суд комсомолу. Был назначен день комсомольского актива. Общественным обвинителем должен был выступать проф. Лев Плоткин. Вести обсуждение поручили Борису Окорокову, члену комсомольского бюро факультета. Некоторым активистам предложили познакомиться с журналом и подготовиться к выступлению. Так один из номеров попал и ко мне. Но я на актив опоздал, умыслив не только уклониться от выступления, но и «зажать» экземпляр «Голубого бутона», попавшего в мои руки.

В пылу полемики план обсуждения был нарушен. Когда я пришел, страсти уже улеглись, и Окороков поспешил закрыть собрание. Никаких крутых мер по отношению к «свободной группе творцов» «художественного и антихудожественного» журнала не последовало. Как я узнал из расспросов, тон обсуждения задал Лев Александрович Плоткин, «общественный обвинитель». Он больше говорил о художественных изъянах произведений, помещенных в журнале. Надо сказать, что большинство участников собрания в принципе с этими оценками профессора соглашались: указывали на неряшливость, а порой и безграмотность «языкового материала», говорили о темных местах в произведениях, которые «трудно даже понять», неловкость в композиции произведений и т. п. Идейное содержание некоторых стихов (о прозе было сказано на этот счет мало) тоже обсуждалось. Многих шокировали стихи А. Богданова

Сам себе я давно не нов.
Почему мне так удивляются многие?
Например, я б охотно ходил без штанов —
У меня же красивые ноги.

.....
Когда-то будет на земле мир!
Много хорошего — но хочется лучшего.
В брюки руки сунув задумчиво,
Брожу, недовольный собой и людьми.

От него требовали объяснить, отчего ему так хочется ходить без штанов. Да и Ленинград у него «задрал до звезд спесиво свой сопливый нос». Ответ: «Это вовсе не поношение города, а всего лишь «Насморк» — так ведь стихотворение названо».

Однако все эти издержки были объяснены молодостью и незрелостью авторов.

После собрания комсомольцы окружили авторов и пытались объясниться с ними неформально. В центре одной из групп стоял знакомый мне Аскольд Богданов, он вяло отбивался от наскоков, с критикой не соглашался.

Позднее секретарь парткома или комсомольского комитета Университета (сейчас уж и не вспомнить точно) Юрий Петросян сделал выволочку О कोरोкову за либеральное ведение актива. Стало ясно, что «Голубым бутон» заинтересовались «там, наверху». И действительно на факультете побывала секретарь горкома ВЛКСМ Людмила Бусько, чтобы «на месте разобраться в обстановке». Что она уяснила, было трудно понять, хотя я с ней тоже встречался. Все ждали, какие последуют репрессии.

Однако прошел месяц — и ничего! Только заметно активизировалось в городе молодежное литдвижение: вечера и встречи следовали друг за другом. В «Смене» чаще стали появляться стихи молодых и отчеты о встречах студентов-поэтов, обсуждались отношения их с издательствами, в том числе Ленизда-том: книги молодых выходили тогда чрезвычайно редко. Обсуждались случаи разгильдяйства и пьянства некоторых студентов. В общем, «Смена» несколько ожила. Но о «Голубом бутоне» — ни слова! Меня это, признаться, крайне удивляло: чего ж шумели-то?

Однако 3 января 1956 года в «Смене» появилась, наконец, статья Л. Образцовой и И. Смирновой «Почему распустился «Голубой бутон».

Тон статьи был далеко не разгромный. Назвав авторов журнала, корреспонденты газеты спрашивали: «О чем писали они? «Мы будем бороться с серостью в форме и с пошлостью в содержании», — начертано в предисловии журнала. Однако

«Хихикающий» — Владимир Пуписов поместил сложенные им строфы под названием «Бренность бытия»

Жил —
был,
Вздох —
Згнил!

(Надо заметить, что цитировались авторы и назывались псевдонимы довольно небрежно: вместо «Сясь» — «Связь», а цитируемое стихотворение на самом деле кончается так: «Жил — был, здох — згнил!») «Перу этого же автора принадлежит, — продолжала «Смена» — и еще один «Философический» опус:

Ел,
мол,
мал.
Сел
сам.
Ик,
бульк.
Бур
лик...»

(Этот опус тоже процитирован не полностью и с ошибками; далее следовало: «Шар — сван / вил / сто мук.) Фи-и...) Пук! / Ух свин. Был / двох. / Нюх / гол. / Грох! / Рык: Ох! / Брык! / Крюк / синь, / дых / без. / Бу! / Э-Э-Э...).

«Что хотел выразить этим бредовым набором слов «Хихикающий», — продолжали авторы, — наверняка он и сам затруднится ответить.

Авторы не блещут скромностью. Они провозглашают себя непризнанными гениями. Аскольд Богданов, например, обращаясь к Ленинграду, требует, чтобы тот перед ним, Богдановым... «не задирали сопливый нос». Свысока судят авторы «бутона» о людях, грязно и пошло отзываются о прекрасных человеческих чувствах и отношениях. По их понятию, женщина — кусок мяса, а любовь — терзание этого куска. Погосты и злодейка смерть — почетные жильцы «Голубого бутона». Будущие филологи и журналисты беззастенчиво ломают установленные грамматикой русского языка правила написания слов, составления предложений, не признают запятых». (Почему авторам «Голубого бутона» так сильно досталось за то, что они «не признают запятых», не знаю: в журнале знаков достаточно много: есть и запятые — иногда лишние, иногда обязательные... Маловато было у журналистов материала для развенчания «свободных творцов» журнала!).

Какой же предлагался ответ на вопрос: «Почему распустился «Голубой бутон», почему таким отчаянным мусором увлечены не

новички в вузе, а люди, которые через год-два станут журналистами, преподавателями языка и литературы?»

И сегодня небезынтересно, каким образом объясняли тогда появление на свет «Голубого бутона».

«На филологическом факультете, — размышляли авторы «Смены», — по-разному толкуют о причинах появления «Голубого бутона». Кое-кто склонен свести все к глупой шутке расшавившихся юнцов. Но с этим согласиться трудно. Для студентов тех групп, в которых учатся, например, Аскольд Богданов, Платон Афанасьев, не были неожиданностью мыслишки, которые те высказали на страницах своего журнала. Эти мысли проявляются в каждодневных разговорах, в манере обращения этих студентов с людьми, в отношениях их к коллективу».

Далее в статье дан традиционный набор недостатков общественной жизни, учебы и воспитания студентов в вузах города. Высказывается мысль, как важно предупредить молодого человека от заблуждения, научить скромности, помочь стать труженником. Прозвучали и весьма опасные советы: «создать в группах, на курсе свои рукописные журналы, литературные газеты», организовать дискуссионные клубы, поскольку «молодежь мечтает о дискуссионном клубе». А пока, утверждали авторы статьи, дальше разговоров дело не идет.

Знали бы они, чем обернутся в скором времени эти рекомендации и советы!

А судьба авторов «Голубого бутона» сложилась по-разному. Владимир Пуписов исчез с горизонтов, получив, очевидно, диплом преподавателя. Вытеснили с факультета через какое-то время Платона Афанасьева, возможно, использовав известное средство: наличие у него «хвостов» и недостаток знаний. Роман Гольцов — сейчас секретарь Союза журналистов г. Брянска. Анатолий Фабричный стал доктором философских наук. Ну а Аскольд Богданов — героем одного из фантастических романов Вл. Немцова («Последний полустанок») 1956—1958 г.г.), где он выведен в образе Аскольдика Семенюка, человека, который старается напакостить не только в жизни земной, но и в космических далях (он находится в среде инженеров, ученых, изобретателей радиопредприятия и института, связанных с космосом и работающих над проектом «Унион» (в Киеве и Москве), выпускает издание «Голубая тишина», в коем появляются его стихи за подписью «тов. Чертополох»:

Он был поклонник интуиции,
Имел на все «свое суждение»
И говорят, из-за амбиции
Презрел таблицу умножения...

Разумеется, ничего хорошего такой Аскольдик в жизни сделать не мог и кончил плохо, Родине изменил... Однако органы без-

опасности и тут не дремали. Было бы странно, если бы органы безопасности проявили беспечность в таком важном деле, как самиздат.

Я убедился в этом в июле 1958 года, когда отдыхал в Чернигове у тещи после окончания Университета. Сидел 27 июля за столом в пижаме — и вдруг дверь распахивается, на пороге появился невысокий толстенный и сильно вспотевший майор с двумя человеками в штатском за спиной, а под окном замаячил автоматчик...

— Спокойно, сидите, — несколько раз предупредил меня майор, вытирая красное потное лицо, и предъявил мне ордер на арест и обыск.

Меня привезли в Ленинград — и во «внутренней» тюрьме на Литейном (между Войнова и Каляева) мне скоро стало ясно: интересуются органы безопасности трактатом Михаила Молоствова «Status quo», отпечатанным на машинке в 4-х экземплярах, один из которых был изъят у меня на квартире в Ленинграде с моими пометами на полях и в тексте.

Я вспомнил: действительно, такой экземпляр с пометами у меня хранился, так же как и экземпляр «Голубого бутона». Пометы я делал, размышляя над публицистическим сочинением моего друга — студента 3-го курса философского факультета ЛГУ Михаила Молоствова. Было это, правда, два года тому назад. Но что было — то было. Не отказываюсь. Живо вспомнилась концовка трактата: «Венгерский народ сказал свое слово, армия перешла на его сторону, а госбезопасность повисла в воздухе». Молоствов горячо писал о культе личности и сталинизме, демократии и диктатуре, гласности и правах личности. Трактат заканчивался требованиями, которые у меня вызвали улыбку, и я на полях заметил между прочим: «Как можно требовать? Силы-то нет».

Однако обсуждение этой домашней заготовки начинающего философа было оценено Ленгорсудом довольно высоко: каждый из совладельцев «Status quo» получил срок в пределах 6 — 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Я лично свои шесть лет (два были сброшены Верховным судом РСФСР в связи с утверждением в 1958 году ВС СССР новых Основ уголовного законодательства) отсидел, как говорится, «от звонка до звонка». Теперь уже не удивляюсь тому, что при обыске у меня изъяли только трактат Молоствова, а журнал группы свободных творцов «Голубой бутон» оставили, хотя его зеленая с синими надписями картонная обложка была более впечатляющей, чем машинописная копия «S. q.»

Теперь же не без удовольствия слушаю по радио и телевидению выступления народного депутата России Михаила Михайловича Молоствова, который принимает участие не только в сессиях Верховного Совета РФ, но и успевает побывать на встре-

чах с избирателями (петербуржцами), с соотечественниками из зарубежья, с бывшими политзаключенными и т. д. Вспоминаю при этом студенческие годы, митинг на площади Искусств после выставки Пикассо, дискуссионные клубы на филфаке («Литература и жизнь») и истфаке («История и жизнь»), и на ум приходят слова Пушкина, «Что пройдет, то станет мило».

Прошлое для нас предстает теперь в ином, более реальном свете. «А жизнь продолжается», — так поет Эдита Станиславовна Пьеха, учившаяся, между прочим, на философском факультете как раз в те же годы.

Ирина Вербловская

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ САМИЗДАТА 50-Х ГОДОВ

Зимой 1954-55 годов в партийных организациях страны зачитывались так называемые «закрытые письма», касающиеся положения в разных отраслях нашего хозяйства. Знаю точно, что ранней весной 1955 года ходило такое «Письмо» о положении на железных дорогах. В целом содержание этих писем было отступлением от той пропагандистской установки, согласно которой наша цветущая страна идет от победы к победам. Некоторые симптомы гибкости появились и во внешней политике: например, поездка Маленкова в Вену и заключение Договора о ненападении с Австрией; пересмотр отношений с Югославией и приезд в Союз Тито.

После бериевской амнистии и создания в начале 1955 года спецкомиссий при ЦК КПСС по пересмотру дел обитателей ГУЛАГа, общество узнало о чудовищных преступлениях режима. Не надо думать, что и без того все все знали. Те, кто знал, молчали. Реальный масштаб репрессий превосходил воображение, хотя каждый отдельный случай, каждая человеческая судьба, перемолотая ГУЛАГом, став достоянием гласности, производила огромное впечатление на молодежь, на целое поколение людей, которое получило потом имя шестидесятников.

Я называю отдельные события из целой цепи других, которые по существу подготавливали знаменитое «Письмо» Н. Хрущева. Весной 1956 года оно стало вехой в постсталинской эпохе.

Веяние новых ветров заколебало «железный занавес». Как невероятная вольность появились иностранные газеты. Правда был один единственный ларек на весь Ленинград на углу Невского и ул. Бродского, где продавались газеты стран «народной демократии». Затем появилась югославская «Борба». Продавались и газеты компартий буржуазных стран, но нерегулярно и выборочно. И хотя не без труда преодолевался языковой барьер, и хотя газеты, повторяю, были коммунистические, они несли новую информацию, новые понятия. Особенно интересны были польские газеты и журналы, подготавливавшие выступления польского народа против коммунистической диктатуры летом — осенью

**Револьт Пименов – математик, один из зачинателей сопротивления тоталитаризму в нашем городе. Организовал выпуск бюллетеня „Информация“, активный автор самиздата 1950–80 гг. Дважды репрессирован органами КГБ.
Народный депутат России**

1956 года. Покупатели этих газет были связаны некой безмолвной общностью, создававшей напряженное эмоциональное поле.

Возникла потребность в пересказах и переводах тех статей иностранных изданий, которые представляли интерес для нас. С глубокой критикой социалистического реализма интересные статьи публиковал журналы «Пшегленд культуральный» и «По-просту». Некоторые из них я перевела. Перепечатанные на машинке, они нашли читателей среди друзей и знакомых. Наши переводы, таким образом, становились частью отечественного самиздата, хотя само слово «самиздат» появилось намного позже.

В декабре 1955 года в литературных кругах Ленинграда ходила в списках поэма А. Т. Твардовского «Теркин на том свете» — злая беспощадная сатира на наше общество. Вспоминаются стихи О. Берггольц, которые опубликованы не были, но стали известными через самиздат.

Через несколько лет пошла по рукам стихи ахматовского «Реквиема». За стихами — песни Юза Алешковского, Б. Окуджавы, А. Галича. За стихами и песнями пошла проза. Вначале потаенная, написанная еще в 30-х — 40-х годах, как пример — повесть Л. Чуковской «Софья Петровна».

Пришло время, и особое место в самиздате заняли «Хроника литовской католической церкви» и «Хроника текущих событий». Но и этот жанр независимой прессы имел предтечу. Это были так называемые «Информации», которые подбирал, редактировал, размножал и, наконец, распространял Р. И. Пименов зимой 1956-57 года. Печатались «Информации» на тонкой, почти папиросной бумаге плотно, без интервалов. В машинку закладывалось по 6-7 экземпляров. В эти листки «Информации» отбирались сообщения из иностранных газет, из писем, присланных с периферии. Сведения, полученные от знакомых, после определенной проверки и отбора, печатались без каких-либо комментариев. «Информаций» было выпущено несколько. Сколько именно, не помню. Пименов был увлечен работой над «Информацией», заражал своим энтузиазмом вокруг себя всех.

Когда меня привели в тюремную камеру и объявили об отбое, я сказала надзирателю: «Пожалуйста, не гасите свет еще несколько минут». Каждый, кто был в тюрьме, понимает, как это смешно, поскольку в камере свет горит круглосуточно, но мне очень хотелось запомнить вид камеры, чтобы потом дать ее описание в «Информации».

Уже по окончании следствия по делу мне стало известно, что работу по сбору и выпуску «Информаций» Пименов рассматривал как предварительный необходимый труд, подготавливающий в будущем издание газеты.

С арестом Пименова вся эта работа прекратилась.

Игорь Адамацкий

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ЕРЕСИ

Слава Богу, железный занавес поднят, и на сцене как будто идет новая пьеса, но остается ощущение, что все вокруг напоминает уже виденное, слышанное, пережитое. Когда социум в состоянии неустойчивого постоянства, тогда самая пора оглянуться назад на одно, два, три десятилетия.

В середине 50-х в Библиотечном институте выходил рукописный журнал «Ересь». Не помню, сколько вышло номеров, — два, или три, или больше, но сам факт этот повлиял на судьбы многих его участников. Первый шаг к свободе — как первая любовь, остается вечно живой ностальгия по высокому романтизму.

История с «Ересью» уже была описана Р. И. Пименовым в сборнике «Память» и Б. Вайлем, в книге «Особо опасный». В журнале были стихи, проза — произведения по нынешним оценкам весьма невинные, но здесь, мне кажется, важна не фактология, а типология — возможность и необходимость, по крайней мере, для воспоминающих, — понять, из какого бульона все это выварилось.

Скорее всего со мной не согласятся, но тем не менее я настаиваю, что и тогда, в 50-е, и теперь, в 90-е, четыре типа личности определяли и определяют общественное лицо нашей жизни. Это чекист, марксист, обыватель и интеллигент. Естественно, между ними возможны переходные подтипы. Например, чекист, как правило, обыватель, зато марксист не может быть интеллигентом. Кочегар вполне может оказаться интеллигентом, а обыватель — мэром большого города, но зато интеллигент едва ли сподобится быть чекистом.

Тогда в бинарной связке оказались чекист и интеллигент. Нам было по восемнадцать. Мы проснулись и... Это был выход в мир и одновременно выход из мира. Мы начинали — как это сейчас ни покажется смешным — изучать марксизм. Это был выход в мир. И, кстати, как я имел случай убедиться уже в 80-е, марксисты по должности плохо знали свой собственный предмет, и в этом смысле они не профессионалы, а любители. И потому —

тогда — изучение марксизма было выходом в осознанное бытие. Одновременно мы постигали «проклятые имена» и «запрещенные тексты». Это был выход из мира в собственное духовное бытие. И первый путь, изучение марксизма, и второй были одинаково еретичны.

Среди участников журнала назову Нонну Слепакову, поэта, Юрия Грекова, в дальнейшем редактора журнала «Кодры», Бориса Вайля, впоследствии рецидивиста-диссидента, затем писателя, ныне живущего в Дании.

И была просто жизнь. Преферанс до утра. Или пинг-понг с утра до вечера. Отличная библиотека института, потом разворованная и сожженная. Жили бедно, как студенты, но радостно. Двумя батонами и пачкой маргарина обеспечивался дневной рацион, но зато бутылка муската в ценах до реформы 61 года стоила два рубля двадцать копеек.

Естественно, был и литературный кружок в институте. Собирались по вечерам в шикарном интерьере прошлых эпох, среди загадочных зеркал. Вел кружок В. А. Мануйлов, человек мягкий и жизнелюбивый. Ему доставалось за нас от институтских марксистов-чекистов. Помню, стихотворение Нонны Слепаковой вызвало бурную дискуссию, хотя общественное звучание этого стихотворения («Красная нить») было — опять же, по нынешним меркам — ослабленным. Но для затравки в первую «оттепель» годилось почти все. Любимым присловьем В. А. Мануйлова было «моцартианское начало», которое он хотел видеть в нас. Один из экспромтов Б. Вайля о В. Мануйлове звучал так:

Как халва сладка его хвала,
порицая, хвалит он сначала,
здесь видно моцартианское начало,
доведенное чрезмерно до конца.

Уроки марксизма вела бывшая партизанка типа Нины Андреевой. Это я к тому, что законы общественной типологии живучи. Бедную партизанку на этих занятиях доводили до истерики, но зато мы совершенствовались в искусстве спора.

Журнал попал в поле зрения КГБ. Началось «дело». Газета «Вечерний Ленинград», кажется, за первое декабря 1956 года поместила большой «подвал» под заголовком «Смертяшкины». Это мы были «смертяшкины». Автор статьи некий Медведев-Бирман через семь лет отличился в том же качестве во время травли Иосифа Бродского.

«Ересь» была эпизодом развернутого дела об «антисоветской группе». И дальше было все, как у людей. Как у тысяч людей. Дело аукалось. В 60-м году Н. Слепакову приглашали в КГБ — по другому поводу, — но все-таки демонстрировали фотокопию «Ереси». Возможно, когда-нибудь в будущем эти таинственные архивы будут раскрыты, и тогда вся эта история предстанет, как она есть.

Недавно один мой знакомый, оценивая настоящее, спросил меня: «Ты этого хотел?» Конечно, ни я, ни другие хотели не этого. Не хотели того, что есть. И очень печально, что предложенная типология оправдывается: чекисты, марксисты и просто деклассированные мерзавцы оказались на административных и иных постах. То есть каждый остался при своих «козырях».

И потому работы «Мемориалу» хватит еще на несколько поколений. И потому андеграунд в будущем не только возможен, но просто необходим. И потому «ересь» как феномен русской духовности вечен. Потому что сама жизнь есть ересь по отношению к смерти. Правда, наоборот — тоже. Но это уже философия на другую тему.

Юрий Димитрин

ГАЗЕТА «КУЛЬТУРА»

Когда вспоминаешь о нашей газете, видишь, с какой скоростью после XX съезда КПСС новые идеи захватывали далеко не элитарный круг студенчества. На съезде Хрущев произнес знаменитый доклад. С этим докладом познакомилась масса людей. Наш факультет был вызван на читку памятного документа. Я тоже его читал, держал в руках красную книжечку с надписью «Для служебного пользования». В феврале прошел съезд, а в марте произошло неожиданное событие, которое бы не случилось, если бы студенческая масса не заявила о себе. Секретарем комитета комсомола института был избран совершенно нестандартный человек, который по существовавшим тогда правилам оказаться на этом посту не мог, — Борис Зеликсон. Для комсомольской номенклатуры это была немыслимая фигура. Во-первых, фамилия, во-вторых, беспартийный, в-третьих, человек, который совершенно никем из начальства не был рекомендован. Это вызвало переполох в райкомах комсомола и партии. И, что важно отметить, был провален будущий деятель Комитета госбезопасности Феликс Приставакин.

Зеликсон заканчивал четвертый курс. При его светлой голове, организаторских способностях и контактности ему не трудно было подобрать к концу семестра хорошую команду для комсомольской работы. Я был причастен только к одному участку того плана, который он вырабатывал. Этот участок относился к культуре, к культурно-массовой работе в среде студенчества.

Идея газеты «Культура» родилась на многокилометровых тропинках производственной территории Охтинского химкомбината, где мы с Борисом Зеликсоном летом между четвертым и пятым курсами проходили практику. Отлынивая от наших производственно-технических обязанностей, мы много гуляли и говорили. Во время этих разговоров и родилась идея газеты «Культура». Она осуществилась в начале нового семестра в сентябре того же года.

Это был фанерный щит полтора на два метра с деревянными реечками, которые определяли ширину колонки. Материалы в

газете менялись не сразу. Старые снимались по мере появления новых статей.

В редакцию газеты вошли люди, среди которых были те, кого теперь знает культурная Россия: Евгений Рейн, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев. Эти три будущих питомца Анны Андреевны Ахматовой начинали свою дружбу в нашем институте, в редакции газеты «Культура». Учились они на одном курсе, но на разных факультетах. Главным редактором «Культуры» стал Леонид Хануков.

Я заведовал в газете отделом музыки. Среди студентов были популярны эстрада и джаз (я предпочитал классическую музыку). С. Городинский и Ф. Волынцев вели отдел театра. Статьи, появляющиеся в «Культуре», по тем временам были глубокими и как-то по-новому написанными. Назову некоторые из них: статья Наймана о бельгийском фильме «Чайки умирают в гавани». Этот фильм произвел тогда на всех нас огромное впечатление. Евгений Рейн написал о полузапрещенном французском художнике Сезанне, Дмитрий Бобышев свою статью назвал «Хороший Уфлянд». Володя Уфлянд не учился в нашем институте. Для «технологов» это была статья о неизвестном студенте, который хороший и пишет хорошие стихи. Читатель мог на ус: кроме официальных литераторов, есть еще «свои», такие же, как он сам.

Газета не вызвала ажиотажа среди студентов, но позитивное и заинтересованное отношение чувствовалось. Начальство, казалось, отнеслось к ней лояльно. Прошло две недели. Во время ноябрьских праздников произошли следующие события: советские танки подавили венгерскую революцию, и в то же время началась «империалистическая англо-франко-израильская агрессия» на Суэцком канале. Все это привело к подъему политической бдительности начальства.

Режим был напуган восстанием в Венгрии, и то, что казалось ему недавно безобидным, теперь наводило на мысль о развитии событий по венгерскому варианту у нас. Яков Лернер выступил в институтской многотиражке со статьей «По поводу газеты «Культура», под ней подпись: «Я. Лернер, член КПСС». Надо хотя бы кратко описать Я. М. Лернера, который сыграл мерзкую роль не только в истории нашей газеты, но и в деле поэта Иосифа Бродского.

Яков Михайлович Лернер был парнишей со смолисто-черными волосами, абсолютно убогой речью и вроде бы простецким характером. Мы его звали Яша или Яшка. Он числился председателем студенческого профсоюзного клуба или на какой-то другой платной должности. Говорил с украинским акцентом, не стеснялся, что в прошлом был майором КГБ (думаю, сильно завышая свое звание). Про меня в его статье было сказано: «Как может нас учить культуре студент, который пять раз сдавал зачет по политэкономии?». Это была чистая правда. Учился я очень

плохо, и выгонять меня можно было гораздо раньше, чем появилась газета. Надо отметить, что и в центральной прессе была статья о нас. На партбюро института кто-то встал и трагически сказал, что произошло два экстраординарных случая в нашей жизни. Во-первых, у преподавателя такого-то при обыске отобрали пистолет и антисоветские листовки, которые он хранил в сочинениях Ленина. (Это сообщение, о котором я ничего больше не знаю). И, во-вторых, именами наших студентов пользуется вражеская пропаганда.

Что же произошло? «Комсомольская правда» напечатала статью «Что отстаивают товарищи из Технологического института». Государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Джон Фостер Даллес, выступая в Турции и упоминая имена студентов нашего института, использовал факты, приведенные в КП: в этом материале нас изобразили борцами против коммунизма.

Мы долго сопротивлялись. Газета продолжала висеть. Потом поступили мужественно. Статеечку Лернера поместили в свою газету — показали, что мы не боимся дискуссий. В итоге с нами поступили либерально. Нас поддерживали многие преподаватели, некоторые открыто.

Вступился писатель Даниил Гранин. Он ходил в Горком КПСС и защищал нас. Возможно, это помогло. Меня вызвали в партком на экзекуцию. Я учился на пятом курсе, хотел закончить институт. Спрашивали про мои политические убеждения. Моя преподавательница незабвенная Анна Михайловна Климова стояла сзади и делала мне знаки, как отвечать. К тому же я недавно женился и по институту среди партийных боссов был пущен слух, что я остепенился. «Остепенился, тем более на пятом курсе. Учится плохо — и такие специалисты нам нужны. Пусть кончат!»

Меня отправили, чтобы поварился в рабочем котле, на Охтинский комбинат, который я уже упоминал. Полуторачасовая езда каждый день туда и обратно, многокилометровый пробег опаздывающего человека до своего цеха...

А Рейну пришлось хуже. Он, как было написано в приказе, ко всему прочему «задавал провокационные вопросы» на семинарах по научному коммунизму. Его исключили из института. Потом он окончил холодильный институт. Seriously пострадал один Борис Зеликсон, но значительно позже. Через много лет он был арестован по совершенно другому делу. Следователь КГБ ему сказал: «А мы тебя ждем, дорогой, уже несколько лет», — и показал нашу газету «Культура».

Михаил Коносов

«ЛИТФРОНТ ЛИТФАКА»

Как мы хоронили социалистический реализм

Нельзя жить, отсекая свое прошлое. Но можно жить в поисках своего прошлого: возвращаясь к нему, заново его переживая, стараясь показать себе и читателю-современнику живую основу прошлого, его сущность.

Детство — солнечный источник всей последующей жизни человека, сияло во мгле этой эпохи, завораживало своей неповторимой прелестью, первозданной новизной восприятия земли, воды, леса, ручья, лепестков цветов, запахами яблок, пением птиц, живым шумом жизни.

И ни война, ни голодное послевоенное лихолетье не могли заглушить нарождающейся музыки бытия. Волны трагической эпохи в первый раз настигли меня в середине пятидесятых годов...

Студентом герценовского пединститута я стал в 1955 году. В моем духовном существе все трещало, ломалось, переворачивалось.

Еще совсем недавно я учился в мужской школе, что на пл. Искусств (теперь это гимназия при Русском музее), возглавлял литературный кружок, писал стихи о Сталине, о великих стройках коммунизма:

Солнце встает над Волгой и Доном,
Идти вперед стало законом... и т.д.

Уже через год все смешалось в голове. Пришлось пережить доклад Хрущева, прочитанный деканом в потрясенно молчащем актовом зале института, примирение с Тито, с загадочной Югославией, переосмыслить статьи Ленина о партийности в литературе и многое другое.

Главное, я не был один. Друзей и собеседников я нашел на факультете, правда, среди ребят старших курсов.

Анатолий Александров — пожалуй, центральная фигура нашего духовного бунта. Резковатый, всегда открытый полемике о путях развития общества и культуры, Толя был душой СНО

(Студенческого Научного Общества), куда затащил и меня, неоперившегося юнца-первокурсника. Там царил авторитет и чувствовалась крепкая направляющая рука молоденькой преподавательницы кафедры советской литературы Нины Губко.

Там ковались герои смуты пятьдесят шестого года. Тонкая, изящная Нина Георгиевна высвечивала новичка на пламени любви к русской литературе и бросала его в пекло беспощадных споров, раздражающих официальное чутье рефератов, сногшибательных приговоров.

На наших собраниях летели перья от таких птиц, как Горький, Маяковский, Фадеев, Симонов...

Мне было девятнадцать лет, но я уже думал сам. Для только что отошедшей сталинской эпохи это было удивительно.

Мирон Певзнер сердито хмурил брови, обличая догматизм школьных программ по литературе, требуя заменить «Мать» Горького его «Несвоевременными мыслями».

Сергея Фомичев тогда не вспоминал о Пушкине, а громил лауреатскую плеяду сталинских стихотворцев от Суркова до Щипачева, колониматил колхозную прозу Ф. Панферова и С. Бабаевского.

Лето 1956 года в Восточной Европе было бурным и жарким. В Польше, например, прошел съезд писателей, на котором проберуговское руководство было сметено, покаялось, ушло в тень, а на смену поднялись новые люди: Юлиан Пшибось, Антони Слонимский, Ежи Анджеевский, Антонин Голубев, Марек Хласко...

Мы видели только их лица на страницах журнала «Польша», читали их интервью, отрывки из их речей, но облик нового времени проступал на карте Европы все отчетливей и не мог не влиять на нас. Когда же грянули события венгерской осени, то они упали на уже подготовленную почву.

В Питере мы восприняли их душой и сердцем. Еще весной мы образовали независимый Студенческий Комитет и выпустили первый номер «Литературного фронта литфака». Там были стихи, рассказы, статьи, вполне еще причесанные, только пахнувшие лежачим.

Теперь рождалось нечто другое. В Будапеште дымились развалины. Имре Надь сидел в тюрьме. Рабочие Чепеля еще бастовали, но наши войска уже взяли под контроль всю Венгрию. Восстание захлебнулось. Наступило молчание.

В Питере известия о венгерских событиях жадно слушались по радио сквозь вой глушилок.

В октябре была предпринята попытка провести митинг на площади Искусств. Я наблюдал уже разъезд — подъехавшие милицейские машины наполнялись ошалевшими студентами и откатывались на Литейный, в Большой дом. Среди задержанных,

как я узнал десятилетия спустя, был молодой курд, потомок шейхов, студент ЛГУ Карем Раш.

В пустой аудитории института им. Герцена в октябрьские дни 1956 года собралась редколлегия «Литфронта».

Участвовали А. Александров, В. Емельяненко, М. Певзнер, С. Фомичев, Р. Шабалин, А. Анпилогов и я. Обсуждали материалы второго номера. — Неужели мы промолчим? — Надо сделать номер сногшибательным, чтоб это был действительно литературный фронт, а не раскрытый на всю стену альбомный лист! — Ну, хорошо. Есть стихи, пара рассказов. Как дела у нас с критикой? — Я думаю, нужно ударить в сердце, в самое сердце наших твердолобых. — Что ты имеешь в виду? — Похороним соцреализм!!! — Ха! Что ж, идея хорошая. Кто же будет могильщиком? — Знаете что, не будем закрывать глаза на ответственность наших заявлений. Ведь мы же все-таки будущие учителя русской литературы советской школы. Нас затаскают. И если могильщиком будет один человек — его уничтожат. Я предлагаю каждому написать разгромную статью и в меру своих сил и фантазии — аргументировать! — А я предлагаю обвести этот подвал траурной рамкой! — А я — поместить наши фото! Пусть видят, кто мы, что мы не прячем свои лица. — Ну ладно, спокойно. Газету выпустим сразу же после октябрьского праздника. Не будем дразнить гусей. К 7 ноября комсомол выпустит свою газету. Наша выстрелит позднее. — О, кей!!

Так началась эта эпопея. Ее последствия были необратимы. В судьбе каждого из нас этот разговор в пустой аудитории сыграл свою особую роль: для кого-то он стал одним из самых волнующих воспоминаний юности, а другие постараются вычеркнуть его из памяти навсегда.

В середине ноября огромная газета «Литфронт литфака» висела в конце коридора нашего корпуса. С первого же дня своего появления она стала идейным магнитом, притягивающим студентов не только других факультетов, но и других вузов. Вокруг нее спорили, что-то записывали, возмущались, смеялись, задумывались.

Грянули и сильные мира сего. Во двор института въехали три черных легковых машины — номера с нулями, это прибыл член Президиума ЦК КПСС, главарь ленинградских коммунистов Фрол Романович Козлов со товарищи... Человек заводской, он презрел нашептывания своих референтов и решил сам посмотреть наше детище. Все пятьдесят минут, пока шла очередная лекция, Козлов со свитой топтался у коридорной стены, изучая, записывая, оценивая.

Через пару дней нас стали вызывать к начальству. Меня сняли с поста секретаря комсомольской организации факультета за «поведение, не достойное советского студента».

В институте прошло закрытое партсобрание, итог его — в многотиражке «Советский учитель» за № 836 появилась статья «Плоды недомыслия». Статья шла без подписи как редакционная.

Вот фрагменты из текста:

«В витиеватых и крикливых статейках они судят и рядят о судьбах советской литературы, тщатся опровергнуть партийность литературы, опорочить метод социалистического реализма... «Горьковское дерево социалистического реализма почти захирело», — провозглашает М. Коносов. — Однако печалиться по этому поводу не стоит, благо «современность родила художников, которые перешагнули известные художественные направления и национальные границы. Родилось о б щ е ч е л о в е ч е с к о е искусство: Э. Хемингуэй, Б. Пастернак, П. Пикассо, П. Неруда, И. Эренбург».

Вот оно как! Одним росчерком пера, ничтоже сумняшеся, без особых размышлений отважный юноша перечеркнул выводы, к которым более ста лет назад пришла передовая мысль, — о классовом содержании идеологии, о партийности искусства и т.д.

«Термины «критический реализм», «социалистический реализм», «формализм» являются исчезающими понятиями», — вторит М. Коносову А. Александров... Термин «критический реализм» несостоятелен, оказывается, потому, что он объединяет таких разных писателей, как «Чернышевский, Некрасов и Толстой», хотя «один из них критикует как раз то, что защищают другие»... А. Александров знает, что и возникновение социалистического реализма, и появление понятия социалистический реализм связано с именем А. М. Горького. Это, оказывается, не стоит принимать в расчет, так как А. М. Горький «никогда основательно не занимался историей литературы». Итак, М. Горький не компетентен судить о литературе, а А. Александров — компетентен.

Даже когда наши «критики» говорят о действительных недостатках литературы, они по существу злорадствуют. Вот, например, как пишет С. Фомичев о соцреализме: не лучше ли просто закрыть глаза или, чтобы не мучила совесть, написать роман из эпохи коллективизации — благо там как будто все ясно (кулак — плохо, колхоз — хорошо). Разве человек, искренне переживающий неудачи нашей литературы, будет говорить таким языком?»

«Трудно понять, невозможно оправдать равнодушие, граничащее с беспринципностью, проявленное общественными организациями факультета. Почему они вовремя не поправили не в меру ретивых «критиков», не показали порочный смысл их крикливых деклараций?»

Прошло две недели, и в ленинградской молодежной газете «Смена» за 30 ноября 1956 года (№ 9406) появилась огромная статья Г. Бальдыша и Т. Дьяконовой «Литературные сорняки».

Этой статье предшествовала встреча литфронтовцев с газетчиками. В какой-то задней, тесной комнатухе, заваленной подшивками, усаженные плотно на отживший время диван, мы держали ответ за свои «злодеяния».

Вели себя храбро, с достоинством, от написанного никто не отрекся.

«Смена» писала: «Александров исходит из твердого заблуждения (не убеждения, а заблуждения), что художественный метод стрижет под одну гребенку, связывает писателей по рукам и ногам. И Александров, и его друзья из «Литфронта» лишь прикрываются «свободой» как щитом. Они объявляют «свободную дискуссию» о соцреализме, и в то же время безапелляционно задают ей направление, а заголовок «Что я думаю о соцреализме» недвусмысленно повивают траурной лентой. Но, может быть, «похоронив» соцреализм, авторы дали миру действительно что-то живое, оригинальное, свежее?»

...Но что здесь? Салонные стишки, наподобие тех, которые в свое время писали вздыхатели в надушенные альбомы гимназисток и т. д. «Литфронт» тянет литературу назад... Подобная всеядность, которая именуется этими «освежителями» литературы «свободой творчества», и приводит к тому, что на их литературном поле прорастают только сорняки».

Да, досталось нам тогда крепко и — поделом, наверно. В историческом смысле... А через два года мы гордились тем, что еще задолго до травли лауреата нобелевской премии Б. Л. Пастернака нас первых окрестили «литературными сорняками»...

Были сделаны и оргвыводы. С. Фомичев был отправлен доучиваться в провинцию, что не помешало ему стать через пару десятилетий известным пушкинистом. А Александрову и М. Певзнеру помотали нервы, но дали закончить учительский курс. Со мной поступили, может быть, и жестче, но я не в обиде.

Директор Педагогического института А. И. Щербаков, человек исполнительный, вызвал меня к себе для завершающего разговора. — Вы, Михаил, человек горячий, необузданный. Эк ведь куда хватил в своей статейке: «Чудовищные преступления Сталина...» Разве в наших газетах употребляют столь звонкие слова? Небось, слушаешь и «голоса»? — Я сам себе голос... — Ну, ладно, ладно... В общем, мы подумали о тебе. Материалу достаточно для исключения из института. Но мы не будем этого делать. Вот! Садись и пиши: «В связи с ухудшением материального положения и болезнью матери...» — На заочный? — Умница! — А военкомат? — Что ж, не буду лукавить. Это единственный выход. К тому же полгода до призыва, если не больше. А работа на заводе — это то, что тебе нужно. Рабочая копоть смажет твой золотой туман, и ты увидишь реальность!..

Я молча сел за стол и написал заявление. Говорить нам больше было не о чем.

... Через две недели я уже работал машинистом на красильной фабрике «Пролетарский труд». Красил разное полотно; миткаль запомнился особо.

Барабаны были раскалены, ткань часто рвалась. Лез в пекло, обжигая руки и спину. Бумажные мешки с порошковой краской высыпал прямо в чан с кипящей водой, отворачивая физиономию. Густой ядовитый пар забивал рот, нос, глаза...

Технология варварская. А труд действительно был пролетарским. В ночную смену, когда машина стучала ритмично, я выходил во двор и при свете прожекторов, сидя у кирпичной стены, читал Хлебникова:

Люди, годы и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
Небо — невод. Рыбы — мы.
Боги — призраки у тьмы.

Мое прощание с институтом тяжело переживала мама. Ведь я учился недурно, приемные экзамены сдал отменно. И вот — скандал!! И все-таки я благословляю и этот первый удар судьбы. Он невелик по сравнению с теми, что последуют дальше. Но другие, высокие звезды, указывают мне путь. Идти в жизнь, обретая духовность через испытания, борьбу с обывательским течением жизни, с самим собой...

1983—1992

Эдуард Шнейдерман

ЧТО Я ИЗДАВАЛ, В ЧЕМ УЧАСТВОВАЛ

1. ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ

Сначала в доме заводятся альбомчики, тетрадки — они дарятся детям на дни рождения, именины и Рождество с дурацкими надписями, как, например:

Когда ты будешь дедушкой,
Одень свои очки
И вместе с твоей бабушкой
Прочти эти стихи.

И будущий дедушка (будущая бабушка) в коротких панталончиках (платьице) принимается прилежно списывать странички. Чем же? Сначала — своими и гостей глупенькими фразами. На следующем этапе жизни появляются высказывания «властителей дум» и стихи, наиболее сильно впечатлившие владельца альбомчика, ну, скажем:

Отчего так бледны и печальны розы?
Отчего фиалки пламенные слезы
Льют в затишьи ночи голубой?

Надсон

А позже —

Ах, где весна прежних дней,
Май, полный грез?!
Вы пронеслись навсегда!!! и т.д.

«Элегия» Массне, слова Л. Галле

Хозяин альбомчика все взрослеет и поворачивается лицом к жгучей современности. И заносит в альбом:

Нет! Если ты готов постыдно отказаться
Бороться до конца
Под знаменем любви, — не смеешь называться
Ты именем бойца!

Появляются и стишки собственного изготовления, а также сочиненные родственниками и знакомыми, и рисуночки.

Наконец, это занятие надоедает, и тогда его прекращают как детское, глупое, несолидное и переходят в следующую стадию — ведение дневников (со временем они могут приобрести немалый интерес) или же издание рукописных журналов. В домашнем кругу единомышленников в обрез, и журналы глохнут. Зато пышным цветом они расцветают в учебных заведениях.

Весь прошлый век в гимназиях издавали рукописные журналы. Едва в 1811 году открылся Царскосельский Лицей, как среди воспитанников возникла настоящая журнальная эпидемия — появились «Юные пловцы», «Неопытное перо», «Сверчок» и множество других. Убедившись, что это сильно отвлекает лицеистов от учебы, начальство года через два запретило журналы. Тогда лицеисты переключились на выпуск рукописных сборников.

Журнальные страсти продолжали бушевать и в начале XX века. Вот, к примеру, 14-летний Анатолий Мариенгоф в 1911 году, т. е. ровно через сто лет после возникновения первых лицейских журналов, издает, вместе с одноклассниками по Нижегородскому дворянскому институту (фактически, гимназии) императора Александра II, журнал «Сфинкс», печатавшийся аж на гектографе. Переехав затем в Пензу, он и здесь продолжает в гимназии издательскую деятельность — выпускает журнал «Мираж» (1914), «более чем наполовину заполняя его собственными стихами, рассказами, статейками...»

Традиция эта захирела после ВОСР, но не пресеклась вовсе, доползла до нашего времени.

2. «ОГОНЕК», «НЕВИДИМКА», «ЛЕНИНГРАД».

Парголово, 1948-1950.

Не знаю, как было у других, — у меня это увлечение началось в 12 лет. Наша — моя личная и кузины Эммы — совместная издательская деятельность расцветала в дни летних каникул, проводимых три года подряд на даче в Парголово, где нас бдительно пасла бабушка Гинда. Экспроприировав пару незрелых огурцов на хозяйском огороде (голодное детство) и будучи уличенными, мы с легкостью переключились на творческие деяния — на издание журнала. Назвали его, недолго думая, «Огонек». Взяли школьную тетрадку, цветными карандашами вывели заглавие.

Прежде всего требовались, конечно, стихи. И мы и вместе, и врозь насочиняли их необходимое количество. Было здесь и идейно выдержанное стихотворение — «Аврора», и песня — «Пионерская». А также поэма «Три русалки» и баллада «Красотка Демонье», — наша гордость аж на три года, баллада эта, проиллюстрированная Эммой, переиздавалась в следующих журналах. Я вел внушительный раздел «Отгадай!», заполняя его своими кроссвордами, чайнвордами, буквограммами, головоломками.

Летом 49-го журнал, названный «Невидимка», вышел в трех номерах. В июньском, помимо стихов, начали публиковать большую сказку Эммы, которая так и называлась — «Сказка». Но продолжения не последовало — в июле появилась голубика, пошли сыроежки, и выкраивать время на журнал становилось все труднее. Однако «Пионерская страничка» была, юмор был, количество (и качество!) кроссвордов возросло, появились даже тематические — «Цветы», «Вулканы», «Морской».

Третий журнал, изданный на более высоком «полиграфическом» уровне следующим летом, назвали «Ленинград», как бы приняв эстафету от запрещенного четырьмя годами ранее А. А. Ждановым. Возмужание авторов сказалось на расширении тематики. Увеличилась доля прозы.

Разумеется, в наших журналах не было оригинальности, как не было ее, простите за сравнение, и в лицейских. Мысль пребывала еще в детском состоянии. Было одно — почти необъяснимая потребность издавать свой журнал и делать его своими руками.

3. «ЗОВ».

Сахалин, 1957, N1

Первый год армейской службы я отбывал в школе «осназ» под Ленинградом. У нас сбилась отличная компания: все — питерские, все — со средним образованием, техническим, музыкальным или художественным. Морзянку принимали нормально. Зато дисциплина хромала — мы постоянно пререкались с начальством, стремясь отстоять свою независимость и доказать относительность армейских истин, что обычно кончалось нарядами вне очереди, а то и «губой». Дабы избавиться от «шибко умных» разгильдяев (заправка коек не по форме, медленное одевание после подъема, нежелание печатать шаг на строевых, застегивать верхнюю пуговицу гимнастерки, недостаточный блеск пуговиц, бляхи, сапог и т. д. и т. п.) и, в то же время, хороших специалистов, — наиболее активную часть нашей компании после окончания «осназа» отправили как можно дальше — на остров Сахалин. Но мы были счастливы: такое путешествие, да еще бесплатно!

Доехали. Доплыли. Осмотрелись. Освоились. И весной 57-го затеяли журнал. Придумали его втроем — Олег Канахин, Евгений Павлов и я.

Уединяться удавалось без проблем. Работа была трехсменная: восемь часов в наушниках у приемников. Когда выпадала ночная смена, то отработав ее, ты обязан был восемь часов отдыхать.

Позавтракав, хватаем матрасы и не вполне законно выбираемся за пределы части — в дикую таежную экзотику. Углубляемся в густые заросли, раскладываемся и приступаем к делу.

В стране наступила «оттепель» (одноименная повесть Эренбурга и «Не хлебом единым» Дудинцева были уже прочитаны). Просачивалась кое-какая информация о новом изобразительном искусстве. Скажем, я привез на Сахалин гэдээровскую газету «Kunst und Literatur» с материалами о Пикассо. Для меня целой школой нового искусства стала черно-белая репродукция «Герники». В рабочей машине стояли первоклассные приемники, по два на каждого, отлично отстраивавшиеся от глушилок, — ночами в одном ухе звучало «пи-пи-пи», в другом — «вражеские голоса» и «музыка толстых». Что-то внутри бродило, соцреализма духовный желудок не принимал, остро хотелось нового, яркого, неведомого. Поэтому свой журнал назвали «Зов».

Подзаголовок придумали нагло-самоуверенный: «Экспериментально-новаторский журнал». Я изготовил акварельную вариацию на тему «Герники», Женя — разворот в экспрессионистском духе. Остальные иллюстрации, очень даже недурные, принадлежали Олегу. Все материалы шли под псевдонимами, легко, впрочем, угадываемыми.

В открывавшей журнал заметке «Наше кредо» говорилось: «Зов» — эксперимент, проба сил. ... Мы зовем к борьбе за новаторство в искусстве». Пафосом этой борьбы проникнуты и обе статьи — «Шаг вперед» Е. Павлова и моя — «Тормоза и движители», направленные против канонов соцреализма, против застоя в советском искусстве.

Художественная часть заметно отставала от наших трубных призывов. Что вполне естественно — ведь, по сути, это были первые наши опыты. Свои стихи сейчас бы я просто заклеил.

Но искренность присутствовала. И в «Этюде о саксофоне» О. Канахина — наивном признании в любви к инструменту, которым Олег тогда буквально бредил. И в нашем с Павловым юмористическом рассказике о солдатской житухе. И в большом рассказе четвертого участника, Бориса Патлатюка — «Вечер Вадима Кострова» — о певце, отсидевшем в лагере на Севере (прототипом служил Вадим Козин). Если бы этот рассказ был автором закончен, возможно, это было бы первое в стране произведение на лагерную тему.

Журнал любопытен как изготовленная ручным способом вещь, сработанная не за столом в нормальных условиях, а на фанерке, на коленях, на матрасе. Переписывал, рисовал, бронировал Олег. Мы с Женей рождали идеи.

Никакой неофициальной литературы мы тогда в глаза не видели, — ее практически еще не было, по крайней мере, на

Сахалине. Вот и «Зов» не содержит политически и формально смелых сочинений, не несет мощных идей. Он создан вне среды, одним желанием, тягой к творчеству, страстным, хоть и не оформившимся еще стремлением к новому искусству.

4. «ОПТИМА». Л., 1960-1962, NN1-5

Едва поступив на вечернее отделение филфака ЛГУ, проучившись всего две недели и не успев даже хорошенько познакомиться друг с другом, мы решили создать собственное литобъединение (в пику официальному университетскому, возглавляемому проф. Е. И. Наумовым) и на его основе — журнал. Нас было трое — Ким Горев, Леонид Михайлов и я.

Название ЛИТО и журнала произошло от пишущей машинки, на которой перепечатывала материалы наша сокурсница Галя Левина. Но означало оно гораздо большее, расшифровываясь как «Оптимистические мастера». Мы действительно были преисполнены оптимизма относительно своего начинания и намеревались пробудить сонную после рабочего дня массу вечерников к свободному творчеству.

Сразу принялись за дело. Обсуждения происходили в перерывах между лекциями, на самих лекциях и вместо лекций. Заседания устраивали и в выходные дни — у кого-нибудь дома либо в баре за портером (был такой сорт пива сложных вкусовых оттенков и повышенной крепости). Иногда вели даже протоколы заседаний.

Первый номер был готов уже через месяц. К сожалению, не могу привести полный перечень авторов «Оптимы» — комплект журнала у меня не сохранился — его «увел» кто-то из читателей. Попытаюсь хотя бы отчасти восстановить картину по уцелевшим записям и другим материалам.

Л. Михайлов выступал со стихами, К. Горев был «чистый» критик, я помещал стихи и статьи — нечто о современной поэзии, запись встречи с К. Паустовским, одним из «маяков оттепели», в Библиотечном институте и т. д. Публиковали различные материалы других вечерников. Но не замыкались на «своих», старались привлечь также авторов со стороны.

В отделе поэзии печатались Михаил Коносов из ЛИТО «Нарвская застава», солист балета Кировского театра Александр Лившиц и другие.

В протоколе от 17 января 1961 г. значится: «Отсутствует один чел. (Рубцов). Выяснить причину». Николай Рубцов, привлеченный мною, бывал на заседаниях, участвовал в обсуждениях. Стихи его, относящиеся к лучшему из написанного им в Ленинграде,

появлялись в «Оптима» трижды¹. Осенью 1962 года Рубцов, поступивший тогда в Московский литинститут, прислал мне в письме 12 стихотворений для 5-го номера. Мы отобрали из них пять².

Печатались у нас и переводы — в частности, стихи Тадеуша Ружевиша, переведенные Зинаидой Сикевич; и статьи Эммы Великович о музыкальных новинках.

Наше литобъединение тоже действовало. Однажды мы выступали в университетском ЛИТО. После окончания хотели показать номера «Оптима» Е. И. Наумову. Но он перепугался, спрятал руки за спину и ка-те-го-ри-чес-ки отказался не то чтобы взять почитать, — даже полистать, что нас сильно удивило: на дворе «оттепель», а профессор не тает.

Начали резво: на 1-й номер ушел всего месяц, 2-й был готов в январе 61-го, 3-й — в марте. Но потом дело пошло медленнее. Катастрофически не хватало времени. Душили «хвосты», надо было писать курсовые. Ну и, конечно, работа — все мы где-то служили. С другой стороны, мы были весьма разных убеждений — и в политике, и в поэзии, постоянно спорили довольно непримиримо. Но все же, будь время, «Оптим» могла бы продолжаться, — в авторах недостатка не было. Однако к концу 62-го года, на 5-м номере, журнал угас.

5. «ЛЕПТА. Антология». Л., 1975

Не знаю, кому первому пришла идея «Лепты», но несомненно, что родилась она под впечатлением первой разрешенной, (правда, всего на четыре дня) выставки ленинградских неофициальных художников в ДК им. Газа в декабре 1974 года. «Лепта», собравшая стихи так называемых неофициальных поэтов, была замыслена для официального, причем безгонорарного издания.

Когда в начале марта я впервые переступил порог квартиры Юлии Вознесенской на улице Жуковского, работа над сборником в его черновом варианте близилась к концу. Отбором стихов занималась инициативная группа: Б. Иванов, В. Кривулин, К. Кузьминский, Е. Пазухин и Юлия.

¹ В статье «Говорили только о стихах...» (фрагменты из книги «Слово и слава поэта», полностью: «Часы», №№ 49, 51), опубликованной в «Искусство Ленинграда» (1991, N1) я упомянул лишь две публикации; уточняю теперь их число по найденным мною записям того времени.

² Пользуюсь случаем, чтобы внести исправление. Письмо это (подлинник — в Вологодском обл. архиве) опубликовано в «Воспоминаниях о Николае Рубцове» (Вологда, 1983. С. 301-302) с купюрами и искажениями. Следует читать: «<...> Стихи печатай смелей, там ведь ничего нет о политике. Просто известное отв- /отмеченное-курсивом/ лечение, точно? ... Привет Киму, Лене ...» (С. 302). Выброшенные составителем слова даю здесь курсивом.

Многолюдно здесь было всегда. Десятка три-четыре, а то и больше поэтов толкались в коридоре, маленькой комнатушке, большой комнате с неоштукатуренной вызывающе краснокирпичной стеной, выплескивались на коммунальную кухню. Стульев, табуреток, кушетки, самодельных скамеек — не хватало, усаживались на пол, кто-то даже возлежал на верхней крышке пианино «Красный Октябрь». Общие собрания всегда бывали шумные, нервные, со взрывами страстей. Как-то поэт по фамилии Гнор, обидевшись на критику, закатил истерику и покинул квартиру и сборник.

У входа нередко «дежурил» кое-кто из поэтов, агитируя входящих «идти другим путем».

«Генеральная линия» состояла в том, чтобы требовать у ЛОСП издания сборника без каких бы то ни было сокращений. Однако кое-кто считал, что компромисс, некоторые уступки союзу — необходимы. На этой позиции стоял О. Охупкин. Он то выходил из сборника, то возвращался в него, — так было три или четыре раза. К нему присоединились и вышли из «Лепты» В. Шерали, П. Чейгин и Б. Куприянов.

На собрании 11 марта составители отчитались: за месяц напряженной, до 2-3-х часов ночи, работы были просмотрены стихи 70 авторов. Потом их число возросло до ста.

«Лепте» предшествовал сборник К. Кузьминского «Живое зеркало» (1973): из включенных в него 14 авторов в «Лепту» вошло 11. Окончательный вариант «Лепты» содержит стихи более 30 поэтов.

Когда в марте я прочел первый вариант сборника, он произвел на меня смешанное впечатление. В целом он более или менее отражал состояние неофициальной поэзии Ленинграда. Но наряду с авторами вполне устоявшимися, представленными весьма широко (порой за счет второстепенных вещей, даже слишком широко), присутствовали слабые, несамостоятельные. Несоизмеримы были и подборки: у одних — 40-50 страниц, у других — 50-100 строк, 2-3 стихотворения. Чувствовалась некоторая (вполне понятная, впрочем) скованность в отборе. К примеру, не было включено несколько острых текстов Гаврильчика — разумеется, ради большей проходимости сборника. Не вошли в него стихи уехавших за рубеж. И вообще, хотелось бы большего разнообразия, большей социальной и формальной смелости.

На очередном собрании я высказал свое мнение и предложил создать редакционную группу для доработки сборника. В группу включили А. Морева и меня. Вскоре мы предложили кое-какие сокращения и замены.

Собирались не только для обсуждения сборника. Часто читали стихи. Выступали несколько раз в неделю — в различных домах, в мастерских художников, в общежитии Герценовского института,

но чаще всего — у Юлии. Чтения продолжались и осенью, когда судьба сборника была уже решена, и в следующем году.

Необходимо рассказать и о другой стороне дела — о попытках вступить в контакт с Союзом писателей. 13 февраля инициативная группа отправила в Секретариат ЛОСП письмо, содержащее просьбу «об издании сборника произведений ряда ленинградских поэтов, практически ранее не печатавшихся», и требование включить в редакционную коллегию сборника членов инициативной группы. Вскоре отдельное письмо в Секретариат послал О. Охапкин.

Заседание Секретариата, где эти письма разбирались, происходило 6 марта. Присутствовали: 21 секретарь ЛО и «куратор» Союза от Обкома КПСС.

Обсуждение проходило по бюрократическим канонам. Каковы основные заповеди бюрократа? — а) стараться как можно меньше «наследить», т. е. по возможности не отвечать в письменном виде на письма, просьбы, жалобы и т. д.; б) всеми силами стараться отпихнуть от себя дело, перекинуть его в другие инстанции, дабы в конечном итоге оно, дело, ушло в песок. Обе эти заповеди были выполнены писателями-секретарями.

В. Торопыгин: «Ответ им, вероятно, посылать не надо. Предлагаю пригласить 2-3 человек и провести с ними серьезный разговор, разбор их стихов». (Но почему — 2-3-х, когда речь должна была идти о тридцати с лишним? — Э. Ш.)

Д. Гранин: «Я против письма и против сборника. ...Отвечать им не надо. Надо поручить Комиссии по работе с молодыми ответить им на это письмо устно».

Не буду приводить все высказывания, это скучно, — процитирую еще лишь одно, наиболее лаконичное и точное, принадлежащее Н. С. Пантелеймонову, «куратору», а точнее, надсмотрщику от Обкома над ленинградскими писателями.

Но сначала один штрих из его биографии. Он чувствовал себя здесь почти своим: сам сочинял, и даже критику — выпустил незадолго до того книжку «Александр Решетов» — и решил вступить в Союз. Подал. Прошел уже приемную комиссию. Однако впоследствии, через десять месяцев после описываемого мною собрания, секретариатом его кандидатура была отклонена.

Так вот Н. С. Пантелеймонов сказал: «Нельзя им писать! Этим вы признаете их как организацию», — т. е. четко перевел дело на политические рельсы.

Никакого профессионального писательского, ни даже чисто человеческого интереса к «Лепте» никто из 21 секретаря-писателя не проявил — что это за сборник? что за стихи? а вдруг это интересно? надо бы сначала почитать, а потом уже принимать решение, — ничего подобного! Был только страх, как бы не встрять в неприятную, может быть, политической окраски исто-

рию — речь-то идет о не-санк-ци-о-ни-ро-ван-ной организации! Но как-то ведь реагировать надо? И тут секретари делают второй бюрократический ход:

«ПОСТАНОВИЛИ: 1. Передать письмо для обсуждения в Комиссию по работе с молодыми авторами. Поручить Комиссии пригласить авторов письма для беседы. 2. Предложить авторам письма обсуждение их творчества с привлечением опытных членов Союза писателей». Какого рода было бы это обсуждение, совершенно ясно. С. Ботвинник тут же пообещал: «Мы (т. е. секция поэзии — Э. Ш.) готовы помочь комиссии».

Итак, ответа на письмо мы не дождались. 25 марта в Секретариат было послано второе письмо (копия — в Ленгорисполком), где сообщалось, что работа над сборником закончена, и руководству союза предлагалось «выделить ... ответственное лицо для осуществления контакта и консультаций по вопросам совместной работы над будущей книгой». И снова ответа не последовало.

В середине апреля сборник был отдан главному редактору издательства «Советский писатель» А. Чепурову. Чрезвычайно обескураженный этим (он ведь участвовал в заседании Секретариата 6 марта и значит был вполне в курсе дела) — Чепуров все же вынужден был зарегистрировать сборник и отдать его на внутреннюю рецензию. Написала рецензию Майя Борисова, безоговорочно высказавшись за издание «Лепты». Это было абсолютно не то, на что рассчитывал главред. И тогда он отдал рукопись на растерзание П. С. Выходцеву, надежнейшему церберу соцреализма, от которого получил большую погромную рецензию, содержащую сплошную ругань в адрес сборника в целом и каждого автора в отдельности, — всюду в книге рецензент чуял антисоветский дух. С чувством большого облегчения Чепуров возвратил нам сборник. Издание «Лепты» не состоялось.

6. «ОСТРОВА».

Антология ленинградской неофициальной поэзии. Л., 1982

Весной 1981 года, когда зарождался Клуб-81, я часто бывал у Бориса Ивановича Иванова. Как-то он завел разговор о том, что неплохо бы собрать антологию неофициальной поэзии Ленинграда. Я сразу его поддержал, ибо и сам подумывал об этом. Опыт подобной работы у меня был (два коллективных сборника в «Библиотеке поэта»), и она мне нравилась. Борис Иванович переговорил также со Светланой Востоковой, Вячеславом Долиным и Юрием Колкером. Они тоже одобрили идею.

Решение делать антологию мы приняли, собравшись вчетвером 5 мая, аккурат в День печати, в мастерской скульптора Любови Добашинной, приютившей нас впоследствии на весь дол-

Борис Иванов (журнал „Часы“) и Нина Маслова (журнал „Сумма“).
(Фото О. Старостина)

На снимке (слева) Борис Остаин, редактор журнала „Часы“, и поэт Владимир Ханан в котельной на проспекте Уткина, 2. В этой же котельной работали известные участники культурного движения Б. Иванов, Ю. Колкер, Е. Пазухин, Б. Лихтенфельд

гий период работы. Тогда мы еще не представляли себе, сколько эта работа погребует времени, а заняла она более полутора лет. Но всех нас увлекла идея — перевернуть плотный пласт самиздатовской поэзии, отобрать наиболее своеобразное и всей суммой отобранного показать ее силу и многогранность.

Была ли потребность в антологии? Убежден, что была, и — значительная. Ее надо было сделать, чтобы не рассеялись, не ушли в небытие машинописные листки со стихами. Жизнь самиздатовского произведения эфемерна: перепечатанное автором в нескольких экземплярах, оно не всегда расходуется широко, и зависит это не только от качества. Перепечатки оседают в личных архивах. Потом, по различным причинам, многое уничтожается: при переездах и отъездах насовсем; когда хозяин, посолиднев, остывает к поэзии; из опасения обыска. И чем дальше в прошлое, тем труднее, конечно, обычно бывают поиски. С этим мы сталкивались нередко. Если тексты поэтов 2-й половины 70-х годов обычно получали в изрядных объемах, то стихи 50-начала 60-х — в очень незначительных, а порой не находили вовсе. Так, не нашли стихов С. Кулле, Л. Виноградова (они были обнаружены позже), добыли всего по несколько вещей Л. Енгина, К. Унковой.

С другой стороны, в начале 80-х наступил новый период существования «второй литературы», что во многом связано с появлением Клуба-81. Кончилось время «глухого подполья», чтение главным образом на кухне (вечера типа «У камина» в Доме композиторов или в передовых закрытых НИИ были редки, публика немногочисленна). С появлением Клуба-81, объединившего шесть десятков питерских литераторов (а сколько еще группировалось вокруг!) началась легализация «второй литературы», чему способствовали и чтения в Музее Ф. М. Достоевского, собиравшие полный зал, и работа на П. Лаврова, 5, и, наконец, выход сборника «Круг» (Л., 1985), собранного произведения 24 поэтов и 10 прозаиков. Кроме того, это годы прихода в литературу нового поколения поэтов со своей эстетикой.

Так что заняться подведением итогов предыдущего 30-летнего периода было самое время. Ни один из коллективных сборников, появившихся до «Островов», антологией фактически не является — ни «Живое зеркало», собранное по кружковому принципу, ни «Лепта», ориентированная на выход в советском издательстве. В обоих по разным причинам отсутствует целый ряд заметных имен: Д. Бобышев, И. Бродский, А. Бергер, Е. Вензель, А. Волохонский, М. Еремин, А. Лосев, Е. Рейн, К. Ункова, А. Хвостенко и др.

Итак, мы принялись за работу. Составили внушительный список имен, все пополнявшийся. Договорились изо всех сил стремиться к объективности оценок.

Стихи отбирали по всевозможным источникам: самиздатовским журналам (прежде всего, это «Часы» — тогда вышло уже

около 40 №№, «37», «Обводный канал»), машинописным коллективным и авторским сборникам, различным подборкам, доставаемым у самих авторов и других лиц, зарубежным сборникам и журналам. Всего нами было просмотрено более 6200 стихотворений 172 авторов. В «Острова» включено 413 стихотворений 80 авторов. Это менее половины имен, точнее 46,5%; стихов же — 6,7%. Отбор, следовательно, был весьма жестким.

Читали и оценивали стихи врозь. Собравшись, сводили оценки. Был установлен «проходной балл». Вкусы составителей были далеко не тождественны. Порой один оценивал стихотворение твердым плюсом, другой — столь же уверенным минусом. С. Востокова (в антологии — под псевдонимом: С. Нестерова) и В. Долинин занимали позиции ближе к центру. Особенно частые несовпадения в оценках бывали у меня с Ю. Колкером. Мы и в литературе стоим на разных позициях. Колкер, убежденный традиционалист («пассеист», его излюбленный термин) к формальной, авангардистской поэзии относился тогда (не знаю, как обстоит дело теперь) с большим предубеждением; я же настоящие, результативные формальные поиски ценю (признаюсь, что от антологии в целом ожидал большей левизны). Надо сказать, что мнение С. Востоковой, филолога по образованию, обладающей тонким вкусом, порой решало наш спор. Впрочем, нередко шли на компромисс.

Добытанием рукописей занимались все. Но особую энергию и результативность в этом проявлял В. Долинин, наладивший контакты со множеством авторов и держателей текстов.

Мое предисловие датировано июнем 1982 года. Мы обсудили его вчетвером. А 14 июня В. Долинин был арестован. При обыске папки с материалами «Островов», к счастью, не привлекли внимания сотрудников КГБ. Тогда мы этого, конечно, не знали и на всякий случай скрыли Долинина под псевдонимом А. Антипов.

Доработка, перепечатка (в 2 закладки), сверка текстов, окончательный просмотр корпуса антологии — все это потребовало нескольких месяцев. Полностью работа была завершена глубокой осенью 82-го.

Мне известно о существовании не менее 30 экземпляров «Островов». 20 из них, напечатанные нами, имеют на титульном листе штамп «Четырехглавый дракон». Перепечатывали антологию в Свердловске. Распространялась она в Москве, Риге.

Не все в «Островах» удалось. Несколько авторов (представленных, правда, небольшим числом текстов) к самиздату имеют лишь косвенное отношение. Располагать авторов следовало бы не по алфавиту, как у нас, а по годам рождения — тогда отчетливо видно было бы движение поэзии во времени, соседствовали бы творчески близкие друг другу авторы. Но данные тогда мы смогли собрать не обо всех.

И все же считаю, что в целом антология получилась. Со времени ее выпуска прошло десять лет — «Острова» остаются единственной антологией неофициальной петербургской поэзии 1950-1970-х годов. За последние годы накоплено немало материалов для ее пополнения, усиления. Думаю, что пришло время для издания «Островов» типографским способом.

Владимир Эрль

НЕСКОЛЬКО ДОПОЛНЕНИЙ

(«Fioretti»; «Историко-литературные чтения»;
издательства «Польза» и «Палата Мер и Весов»;
мелкие замечания)

Я хотел бы сделать несколько дополнений, относящихся к периодике рукописного, так сказать, периода. Сначала — о двух альманахах.

В апреле 1965 года поэтами Малой Садовой был выпущен в свет альманах «Fioretti» (что в переводе с итальянского значит — «Цветочки»; имелись в виду, конечно же, «Цветочки Франциска Ассизского»). На титуле альманаха стояло «СПб: Народное просвещение, 1965». Редактором и составителем альманаха был Александр Сергеевич Чурилин (кажется, отдаленный родственник знаменитого поэта). Альманах открывался двумя предисловиями редактора¹ и эпиграфом из 74-го сонета Шекспира:

Когда меня посадят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест —
Мне памятником будут эти строчки.

Кроме собственно поэтов Малой Садовой (Романа Белоусова², Тамары Буковской³, Евгения Вензеля, Андрея Гайворонского, Евгения Звягина, Дмитрия Макринова, Александра Миронова, Олега Ниворожкина, Коли⁴ Николаева и вашего покорного

¹ Предисловия были подписаны двумя разными псевдонимами.

² Роман Белоусов подписывался в те времена Р.Разиным.

³ Тамара Буковская подписывалась в начале 60-х годов другим псевдонимом; инициалами своего юношеского псевдонима она подписывала, между прочим, рецензии на книги стихотворений в «Северной почте» (1979-1981)

⁴ Именно так!

слури), в альманахе были представлены обширными подборками стихотворений Леонид Аронзон и Александр Альтшулер. Проза альманаха состояла из «журнального варианта» романа А. Чурляниса¹, рассказа О. Ниворожкина и писем (вполне, кстати, литературных) московского художника Василия Федорова. Статей, критики, полемики и другой публицистики в «Fioretti», если не считать двух предисловий, не было. Общий объем альманаха составил около ста пятидесяти страниц плотной (через один интервал) машинописи. Альманах сохранился в двух вариантах: в виде оригинального («редакторского» — с пометами, невключенными произведениями участников и т. п.) экземпляра и в машинописи, выполненной к концу 60-х годов одной из машинисток Малой Садовой. Любопытно, что вторая «версия» имеет существенные отличия от первоначального замысла: с одной стороны, опущены — проза Чурилина (в данном случае, мы должны отнестись к машинистке с большим пониманием), письма Федорова и два стихотворения Буковской; с другой стороны, добавлены, кажется, два стихотворения Вензеля.

Оба варианта «Fioretti» широкого (по крайней мере, такого же, как у позднейших повременных рукописных изданий) хождения не имели; планировавшийся второй выпуск альманаха остался только в замыслах. Большая часть стихотворений поэтов Малой Садовой, входивших в «Fioretti», была перепечатана К. Кузьминским в томе 4-А его замечательной антологии «У голубой лагуны», — лучшим² томе антологии...

Второй альманах, о котором я хотел бы сказать несколько слов, это «Историко-литературные чтения»³. Если бы этот альманах был осуществлен в том виде, в каком он задумывался, а также имел бы продолжение, то стал бы, может быть, самым большим достижением петербургского самиздата. Большая часть «Историко-литературных чтений» была посвящена Н. С. Гумилеву и современной ему литературе. Помимо многих впервые публикуемых документов и других материалов, относящихся к жизни и литературной деятельности поэта, в научный оборот —

¹ «Прозрачный» псевдоним редактора-составителя.

² Тот, кто держал в руках именно этот (а не 4-Б, как некоторые неправильно полагают) том, несомненно поймет, почему том 4-А представляется автору этих строк лучшим.

³ Полное название единственного (из четырех!) сохранившегося в России экземпляра: Историко-литературные чтения на 1980/1981 годы: Н. С. Гумилев. [Л., 1982].

тоже впервые — вводились несколько стихотворений, переводов и забытых рецензий Гумилева. Стихотворения и переводы публиковались по автографам, оказавшимся к тому времени доступными, — не надо забывать, что том «Чтений» начал готовиться в 1980 году, когда Гумилев еще не был «помилован». Другую часть «Чтений» составляли поэты нашего времени, которых составитель относил — порой весьма условно¹ — к акмеистической традиции: Тамара Буковская, Юрий Колкер, Борис Лихтенфельд, Олег Охалкин, Елена Пудовкина, Ирина Ратушинская, Сергей Стратановский, Владимир Ханан, еще несколько авторов и, опять-таки, ваш покорный слуга. Подавляющая часть статей и публикаций тома принадлежала перу его составителя — книговеда Ивана Федоровича Мартынова. Из других авторов статей следует назвать Т. Л. Никольскую, Ю. И. Колкера, а также снова меня².

В сильно видоизмененном виде и под первоначальным названием («Гумилевские чтения») том «Чтений» был издан «Венским славистическим альманахом»³. Ссылки на венское издание в последние годы встречаются в отечественной печати, — в основном в различных комментариях Н. Богомолова. Следует добавить, что «Историко-литературные чтения» задумывались как серия ежегодников, а образцом, точнее, отправной точкой, для них служили тома «Литературного наследия». Планировались (обдумывались) по крайней мере еще три тома: том, посвященный Вагинову, том, посвященный ОБЭРИУ, и том, посвященный русскому футуризму; шли разговоры и о последующих книгах серии. По разным причинам (не последняя из которых таилась в личности составителя), замечательная первоначально идея оказалась, к сожалению, мертворожденной. С другой стороны, «Историко-литературные чтения» делались в первую очередь для зарубежных славистов и в Ленинграде хождения практически не имели...

Во второй части своего выступления я хочу рассказать о своей собственной издательской деятельности. Начиная с лета 1965 года по 1968 год включительно, мною было издано более семи-

¹ Так, например, я был представлен небольшой подборкой только потому, что одно стихотворение было написано в форме сонета, а в другом шла речь о мореплавателе (!).

² Статья «Несколько слов о Леониде Аронзоне», перепечатанная «Часами» (№ 56, 1985), «Стрельцом» (1988, № 5) и «Вестником новой литературы» (№ 3. — Л., 1991).

³ Гумилевские чтения // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 9. 1982; Ibidem. Sonderband 15. 1984.

десяти разного объема книг, или, точнее, брошюр. Обычно это делалось так: машинописный лист обычного формата складывался вдвое, таким образом, на каждом листе умещались четыре страницы текста — т. е. я использовал лист с обеих сторон. Каждая книга состояла из одной тетрадки, сшитой либо не сшитой по сгибу; максимальный объем книги не превышал ста страниц (как правило, через один интервал), тираж — шести экземпляров. Некоторые издания печатались уменьшенным форматом: каждый машинописный лист предварительно разрезался на две части, затем его половины складывались как сказано выше и т. д.

Издательство, которое я представлял в одном собственном лице, носило гордое название «Полезьа». «Полезьой», помимо моих собственных сочинений и сочинений других Хеленуктов (Дм. М., А. Миронова, В. Немтинова), были выпущены книги Леонида Аронсона, Леона Богданова, Алексея Хвостенко, Анри Волохонского и некоторых других авторов, — в частности, Н. М. Олейникова. Забавно, что первая маркированная издательством «Полезьа» книга была сборником двух авторов и называлась по одноименной их совместной трагедии, скажем... скажем, «Лесные (персонажи)», а титульный лист был украшен надписью «Дозволено цензурою». Все издания «Полезьы» особого распространения не имели и, может быть, поэтому ни у кого и никогда не изымались.

Начиная с 1970 года моя издательская деятельность возобновилась. Однако это были книги уже, так сказать, «второго поколения». Каждая книга была предназначена для хорошего переплета и этот переплет получала. Для каждого издания выбирался свой формат — рассчитывались ширина поля (количество знаков в строке), количество строк на странице и т. п. Таких книг с 1970 по 1978 год было выпущено около тридцати. Новое издательство получило и новое название: теперь это была уже не «Полезьа», а «Палата Мер и Весов» (или сокращенно ПМВ). Местом издания «Палаты...» обозначался обычно какой-либо несурьезный город, — чаще всего Рыбинск или Арзамас. Авторами «Палаты...» были в основном пять человек: А. Ник, Л. Богданов, Б. Ванталов, А. Миронов и я. Книги «Палаты...» имели еще меньшее хождение, чем книги издательства «Полезьа», и обычно оседали у авторов и их друзей. Выглядели книги «Палаты...» — не могу не похвастаться — замечательно.

Пользуясь случаем, хочу рассказать прелюбопытнейшую историю одной из выпущенных «Палатой...» книг. В 1968 году Алексей Хвостенко перебрался в Москву, где и жил до своего отъезда на Запад. Как мне потом стало известно, при переездах он умудрился растерять почти все свои рукописи. У меня же большинство сочинений Хвостенко имелось в копиях — частью изданных «Полезьой», частью просто переписанных от руки. В

1971 году я собрал «все сочиненное» Хвоста и выпустил в свет под заглавием «Верпа и ее окрестности». Поскольку это издание я делал лично для себя (да, впрочем, и без ведома автора), то книга была выпущена в одном(!) экземпляре. Это собрание выпросил у меня для ознакомления Кузьминский, обещав вернуть его переплетенным. Книгу (а в ней было, если мне не изменяет память, под двести страниц) Кузьминскому действительно переплели, но зато почти сразу же и похитили. Только в январе этого года я узнал от приезжавшего в Петербург Хвоста, что изданное мною собрание настигло-таки своего автора в Париже и послужило основой для нескольких его публикаций... Дивны дела твои, Господи!

Собственно говоря, я уже исчерпал тему своего выступления и мог бы на этом закончить, но, пользуясь случаем, хочу кое-что добавить к прозвучавшим позавчера и сегодня докладам. В субботу говорилось о картотеке Сергея Владимировича Дедюлина, посвященной отечественным правозащитникам. Мало кто знает о другом его начинании. В 1980 году готовилось новое издание справочника «Писатели Ленинграда»¹. «Естественно», в этот справочник не попадали писатели уехавшие, вышедшие из Союза писателей и, разумеется, в этом Союзе не состоящие. Так вот, отталкиваясь от готовящегося словаря, Сергей Владимирович задумал (не без моего участия, между прочим) нечто вроде энциклопедического словаря современной неофициальной литературы Петербурга-Ленинграда. В этом словаре, помимо персональных именных статей (или кратких справок), должны были быть статьи о литературных группах, рукописных (самиздатских) журналах, сборниках и альманахах²; статьи должны были сопровождаться обширной библиографией — тамиздатской, самиздатской и (если кому повезло) отечественно-официальной... Материал для словаря собирался, но, к сожалению, работа была прервана, поскольку Сергея Владимировича, как известно, буквально вышвырнули за границу³... Отчасти для задуманного словаря, отчасти для отдельного самостоятельного издания я взялся за подробную библиографическую роспись ленинградских неофициальных — в первую очередь, литературных — изданий, ограничив, правда, себя рамками приблизительно одного десятилетия, а именно 1975-1985 годами. В эту библиографию, замечу в скобках, входят не только ленинградские, но и иногородние жур-

¹ См.: Писатели Ленинграда: Библиографический справочник. 1934-1981 / Авторы-составители В. Бахтин и А. Лурье. Л.: Лениздат, 1982. См. также рецензию: Нехотин В. Летопись ленинградской литературы // Вопросы литературы. 1984. № 1. С.213-219.

² Таким образом, можно сказать, что С. В. Дедюлин стоял у истоков настоящей конференции!

³ Работа по сбору материала началась в конце 1980 года; собранный материал (к сожалению, черновой и очень небольшого объема) находится в настоящее время в моем распоряжении.

налы, постоянно публикующие петербургских авторов, например, псковско-фрунзенская «Майя», московский «Эпсилон-салон», ейс-кий «Транспонанс»... Каждое издание предваряется небольшой историко-литературной справкой, а завершает библиографию сводный указатель имен. На эту работу, поддержанную С. В. Дедюлиным, В. Э. Долининым и еще несколькими людьми, я затратил несколько лет, однако роспись все еще далека от завершения и зияет чудовищными лакунами... Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую признательность всем тем, кто оказал поддержку моим изысканиям. К сожалению, очень многие (они знают, кто!) вместо помощи моей библиографической деятельности, всемерно мне мешали¹...

Еще два кратких добавления.

Я считаю, что Виктор Борисович Кривулин упустил в своем докладе из вида, так сказать пра-идею «37». Дело в том, что году в 1971-1972 Кривулин начал вести что-то вроде собственного журнала — журнала одного автора. Это был именно журнал (термин самого Кривулина), где проза перемежалась с заметками о литературе или прямыми рецензиями. Обширные фрагменты журнала Виктор Борисович периодически читал вслух (в частности, и мне). Позднее затея личного журнала была оставлена и, как будто, забылась. Тем не менее, мне кажется, что именно эта идея, условно говоря, «моего журнала» подспудно лежит в основе замысла — тоже во многом личного по своим позициям — журнала «37».

И последнее. В докладе Э. М. Шнейдермана я обнаружил некоторые неточности, но сказать хочу совсем о другом. Эдуард Шнейдерман был одним из составителей антологии «Острова». Может быть, можно спорить как о достоинствах антологии, так и о праве составителей включать в антологию нигде не опубликованные произведения. Поразительно то, что Э. М. Шнейдерман взял на себя смелость перепечатывать — причем без ведома авторов! — стихотворения из этой самиздатской (т. е. по своему статусу неофициальной) антологии в официальной, к тому же низкопробной прессе², нарушая тем самым не только авторские, но и материальные права поэтов. Против этого я (также подвергшийся принудительной публикации) заявляю решительный протест.

На этой печальной ноте я свое затянувшееся выступление заканчиваю. Спасибо за внимание.

¹ Список этих лиц, по примеру профессора Тарантоги, я поневоле опускаю.

² Наш дом: Вестник МЖК. [Л.]. № 38 (55). 5-11 окт. 1990. — Спустя полтора года еще две публикации появились в ленинградской же «Новой газете»...

Валерий Ронкин

«КОЛОКОЛ»

Наш архив, «взятый на хранение» в 1965 году самыми компетентными в мире органами, я еще не получил, поэтому минувшее мне приходится восстанавливать по памяти.

Это имеет и свои плюсы, и свои минусы: память зачастую искажает обратную перспективу, но, с другой стороны, память человеческая выделяет, как правило, самое важное и существенное.

Рассказу о журнале «Колокол» надо предпослать краткую историю возникновения нашей «подпольной антисоветской организации», по формулировке все тех же компетентных органов, а если говорить нормальным человеческим языком, — дружеской компании, связанной общими взглядами, взаимным доверием и взаимными симпатиями. Сегодня эти взаимные симпатии насчитывают уже более тридцати пяти лет, тогда, в 65 году, наше знакомство и дружба отмечали свое десятилетие.

Основное ядро этой компании образовалось, как это ни покажется странным сегодня, в комсомольском патруле Ленинградского Технологического Института.

Знаменитая «ворошиловская» амнистия, проведенная после смерти Сталина, и общий идеологический стресс, вызванный «десталинизацией» общества, начавшейся, хотя и не так явно, сразу же после смерти «великого кормчего» и корифея всех наук и открыто заявившие о себе на XX съезде КПСС, все это вызвало резкий рост уголовной преступности. Обеспокоенные власти решили обратиться за помощью к населению. Возможно, у властей были и другие резоны — «приблизить к народу» органы принуждения, изрядно дискредитированные разоблачением и деморализованные казнью Лаврентия Берии и некоторых его подчиненных.

Как бы то ни было, где-то «наверху» было принято решение об образовании на предприятиях и в институтах рейдовых бригад комсомольского патруля, призванных помогать милиции

в наведении порядка. Те задачи, которые первоначально были поставлены перед комсомольским патрулем, требовали безусловной добровольности, что первоначально и соблюдалось властями. Но к середине пятидесятых годов в нашей стране было очень мало людей, которым когда-нибудь приходилось участвовать в действительно добровольных общественных организациях или хотя бы наблюдать таковые. Начальство растерялось, не встретив среди молодежи на этот счет энтузиазма. Прошло около пяти лет, пока на смену комсомольским патрулям пришли полностью подконтрольные властям народные дружины.

Наши студенческие годы как раз пришлись на это пятилетие. Кроме участия в патруле, нас связывали летние студенческие стройки, в те времена практически неоплачиваемые, поездки на целину, турпоходы.

Мы пытались реализовать себя в сотрудничестве с существовавшим режимом, но поскольку за нашей деятельностью никаких карьерных и рваческих мотивов не замечалось, наиболее дальновидные представители властей начали усматривать в самом существовании нашей компании некую крамолу. Особенно усердствовал в этом отношении редактор нашей многотиражки «Технолог» — М. Кулаковский. Вышестоящие «товарищи» к нему тогда не прислушались, им нужно было отчитываться и отвечать за уровень комсомольской активности, а мы эту активность проявляли.

Во время патрульных рейдов, на стройках, целине мы начали сталкиваться с фактами, не укладывавшимися в схемы, предлагавшиеся нам на лекциях по истории КПСС и передовицами газет. Наша действительно бескорыстная деятельность не могла сводиться к тупому или показушному выполнению указаний свыше. Мы начали обсуждать и анализировать увиденное. А тут еще знаменитый XX съезд, на котором было заявлено о том, что страна по сути все прошлые годы жила в условиях мрачной диктатуры. И почти сразу же после этого съезда произошли события в Венгрии.

После XX съезда перед нами встал вопрос: как могли наши отцы допустить то, что именовалось «культом личности», и еще: что должны сделать мы, чтобы мрачное прошлое не повторилось вновь. Эти размышления поставили нас перед проблемой — как могло случиться, что самое разумно организованное общество в человеческой истории, каким мы мыслили социализм, оказалось не защищенным от злобности одного прохвоста, получившего неограниченную власть, почему эта власть оказалась неограниченной и почему существовавшая в стране социально-политическая система допустила к власти именно Сталина.

Ответ, который я до сих пор считаю правильным, нам подсказал марксизм: то, что советская пропаганда тех лет назвала «культом личности», на самом деле была диктатура партийно-государственной бюрократии, «нового класса», по выражению Милована Джиласа. Позже, на следствии, нам было предъявлено большое количество чуть ли не текстуальных совпадений с этим автором, но мы опровергли обвинение в плагиате — действительно, к моменту написания нашей книжки «От диктатуры бюрократии — к диктатуре пролетариата» книгу Джиласа «Новый класс» мы еще не читали.

Исходя из классового анализа общества, мы считали необходимым создание партии, защищающей интересы рабочих, вернее, работников наемного труда, к которым мы причисляли, кроме собственно рабочих и инженеров, учителей, врачей, противопоставляя их классу бюрократии, выразителем интересов которого была КПСС.

Диктатуру работников наемного труда мы представляли в виде многопартийной системы, так как считали, что партия не авангард класса, а инструмент, которым класс пользуется в политической борьбе. Авангардом же пролетариата мы считали наемную интеллигенцию, так как выделяли те или иные группы не по идеологическому, а по социальному признаку.

Вокруг обсуждения, а затем и размножения (фотоспособом) этой книги и начала складываться наша группа, большая часть которой, как уже было сказано, познакомилась и подружилась еще в комсомольском патруле.

Затем было распространение этой книги, листовки, развешанные в университете, на туристском слете, в районе, кажется, Репина и розданные пассажирам студенческого эшелона, отправлявшегося на целину.

В начале 1965 года мы решили начать выпуск журнала. Остановились на названии «Колокол». Связь с герценовской традицией подчеркивало не только слово «колокол», но и то, что клише для названия (его изготвила Валя Чикатуева) было скопировано с герценовского журнала. Начали мы свой журнал прямо с № 23. Такая нумерация вовсе не преследовала цели обмануть «рядового» читателя, придав нашему журналу большую значительность; наша хитрость была рассчитана на «компетентных» читателей, по нашему мнению расчет КГБ должен был отнести первые номера издания к тому времени, когда меня еще в Ленинграде не было, а Сергей Хахаев находился в длительных командировках. Журнал должен был выходить раз в два (или в три — точно не помню) месяца.

С тех пор прошло более четверти века, история нашей страны сделала крутой поворот, но от большинства того, что было

опубликовано в «Колоколе» или готовилось к публикациям, я не откажусь и теперь.

Всего вышло два номера журнала № 23 и № 24, для третьего номера материал был уже готов.

Некоторые названия статей говорят сами за себя: «О подлинном и мнимом величии Ленина», «Первые шаги нового правительства», «Лавирование или поворот».

Первая из названных статей, написанная В. Смолкиным в соавторстве со мною, разоблачала официальные славословия в адрес «основателя и организатора партии и государства» В. И. Ленина; мы говорили и о том, что многие ленинские положения замалчиваются, что не идеология государства делается «по Ленину», наоборот, — ленинизм подгоняется под нужды бюрократического государства и очередные речи его лидеров. Сегодня я усилил бы акцент на том, что Ленин был трагической фигурой русской истории, трагической не только для народа и страны (об этом в 65 году мы не думали), но и сам по себе, — его деятельность привела не к осуществлению тех идеалов, за которые он ратовал, а к результатам прямо противоположным. Впрочем, сегодня об этом уже много написано и без меня.

Вторая статья, анализирувавшая выступления Косыгина и некоторых других идеологов антихрущевского переворота, доказывала, что этот переворот был сделан бюрократической верхушкой в интересах всего класса бюрократии, на которые Хрущев посягал.

Третья статья касалась восхвалений в честь «генералиссимуса Сталина», сопровождавшихся «бурными, долго не смолкающими аплодисментами» собравшихся на кремлевском камлании, посвященном двадцатилетию победы в Отечественной войне. Статья анализировала те плюсы и минусы, которые получила бы бюрократия в случае реанимации идей «Отца народов». С одной стороны, это позволило бы бюрократии ужесточить идеологический контроль и усилить репрессии против оппозиции, с другой — сделало бы вновь опасным пребывание на высоких постах, с которых в оные времена бюрократы попадали либо в лагерь, либо в небытие, пройдя предварительно пытки.

Была в нашем журнале и рубрика «Они управляют страной», в которой мы успели поместить биографии Косыгина и Сулова. Все материалы для их биографий мы брали из официальных источников. Наш криминал состоял, во-первых, в том, что мы пользовались и «идеологически устаревшей» литературой, и, во-вторых, в компоновке — некоторые высказывания наших вождей идеологически приемлемые сами по себе, приведенные рядом недвусмысленно указывали на их полнейшую беспринципность. Конец статьи о Сулове: «советские граждане могут

быть уверены, что Суслов и впредь будет столь же принципиален, как и ранее» мой следователь Елесин расценил, как безусловно клеветнический. Сам Суслов был такого же мнения: ознакомившись со своей биографией в нашем изложении, он вмешался в ход процесса, который ленинградские власти хотели «спустить на тормозах», и обеспечил по крайней мере «главарям» срок «на полную катушку» (так нам рассказывали во время процесса некоторые адвокаты). В статье о Косыгине перечислялись люди, погибшие во время «чисток», чьи посты после их гибели последовательно занимал Косыгин, двигаясь вверх по иерархической лестнице.

Среди неопубликованных материалов, приготовленных для третьего номера «Колокола», была статья В. Иофе о руководителях промышленности и сельского хозяйства, получивших в последние дни правления Хрущева некоторую экономическую самостоятельность. Он фактически предсказал судьбу таких людей, как Худенко, погибшего в лагере.

Я подготовил статью под заголовком «Куда ведут следы?» — статья эта была реакцией на опубликованную то ли «Известиями», то ли «Литературкой» статью — «Следы ведут в заповедник». В ней рассказывалось о местном начальстве, не только превратившем государственный заповедник в свое личное охотничье хозяйство, но и стрелявшем в егеря, пытавшегося охранять народное добро от его, народа, корыстных и нерадивых слуг. По моему мнению, следы вели в недра бюрократической системы, при которой класс бюрократов считал все достояние страны своей коллективной собственностью, и если иногда и разрешалось газетам обличать некоторых зарвавшихся низовых чинуш (суда над бандитами, пытавшимися в открытую убить человека, так и не было), то делалось это исключительно для того, чтобы отвести подозрение от бюрократии в корысти и подставить народному возмущению очередного «управдома».

В статье, подготовленной С. Хахаевым, анализировалось положение в так называемых слаборазвитых странах, выбравших «некапиталистический путь развития». Автор анализировал соотношения социальных сил в этих странах и доказывал, что полуфеодалская бюрократия, еще недавно не знавшая самого слова «социализм», со временем поняла, что та система, которая будет реализована под этим названием, позволит ей не только сохранить свою прежнюю власть и привилегии, но и сделать то и другое абсолютными. Она понимала также, что утверждение капитализма в их странах отодвинет бюрократическую верхушку на второй, а то и на третий план.

Возможно, кое-какие материалы, подготовленные к публикации или опубликованные, я не упомянул, а кое-что и напутал.

Ничего страшного — живы те, кто может меня поправить, да и материалы эти, надеюсь, скоро станут доступными.

С объявлением гласности мы полусутя обсуждали проблему возобновления выпуска «Колокола», но не имея ни средств, ни организационных талантов, на сем и успокоились.

И сегодня социалистические идеалы братства, равенства, свободы и бескорыстия дороги и мне, и некоторым моим друзьям. Однако это общество должно быть построено не теми методами, к которым призывают вернуться сегодняшние национал-большевики, и вовсе не для того, чтобы они вновь стали хозяевами страны.

Валерий Сажин

САМИЗДАТ В ЛГПИ. ГАЗЕТА «VITA»

И без того безобразно деформированный жанр мемуара в последние годы все чаще напоминает показания на следствии по собственному делу. Ощущаешь инстинктивное побуждение ограничить свою откровенность, хотя сознаешь абсолютно неоправданными какие-либо опасения и самоограничения. Тем более, что факты и события, о которых речь ниже, не содержали особой криминальности даже в те годы и не имели видимых репрессивных последствий для нас, студентов.

Выпуску единственного номера стенной газеты «Vita» на факультете русского языка и литературы Ленинградского Государственного Педагогического института им. Герцена предшествовали два других издания.

Весной 1965 года студенты 1 курса начали выпуск «Альманаха». На сохранившемся у меня № 3 обозначена редколлегия: Т. Аркадьева, Л. Ентина, Н. Пивень, В. Сажин (отв. редактор), Т. Фалева, Г. Шалита. Всего вышло, кажется, 7 номеров: №№ 1-2 — весной 1965 года, №№ 3-4 — осенью 1965 года, №№ 5-7 — зимой 1965 — весной 1966 года. Объем каждого номера — 14 машинописных страниц обычного формата. Насколько я помню, делались две закладки по 5 экземпляров. Тираж расходился по всему факультету, так как в «Альманахе» участвовали студенты разных курсов.

Никакой заранее заданной программы у издания не было. Существовало лишь намерение реализовать творческие потенции: склонность к стихосложению, литературоведческому анализу и т.п. Ни у кого из составлявших «Альманах» и участвовавших в нем не было ощущения подпольности этого занятия, как не было и намерения продемонстрировать свою оппозиционность существующему порядку вещей. С другой стороны, «Альманах» не был лишен внутреннего смыслообразующего единства. Это следует хотя бы из тех немногих материалов, которые сохранились в моем архиве. Весной 1965 года по моей просьбе главный режиссер Театра Комедии Н. П. Акимов написал статью «Размышления о сатире» — о социальной сатире «против всяческого мракобесия

и изживших себя общественных формаций». Статья была написана в стиле того времени — с использованием намеков и умения читателя читать между строк.

Студент выпускного курса В. Гитин (ныне — профессор Гарвардского университета) поместил статью «Нецогашенная свеча» — о социальных мотивах поэзии Ахматовой, содержащую многочисленные отсылки к «Реквиему». В стихотворении А. Гольдберга «Песня об утонувшей Бригантине» звучала «отходная» задорному розовому романтизму, всячески пропагандировавшемуся официальной идеологией.

Как реакция на обвал газетных статей конца 1965 — начала 1966 года, разоблачавших «общечеловеческие» «абстрактные» ценности, а также нудные споры о «правде факта» и «правде века», классовости морали и т. п., в «Альманахе» была помещена статья «О правде, честности и двойной морали», где вся эта газетная чепуха незамысловато опровергалась утверждением, что «Есть Правда и Ложь». Сейчас, по прошествии 25 лет, памятливые люди отметят, что, хотя издатели «Альманаха» не имели оппозиционных намерений, наше издание покушалось на истинность того, что утверждалось с общественно-политических кафедр. Но не из-за таких публикаций «Альманах» прекратил свое существование.

Тогдашняя правдоискательская литература была литературой аллюзий, и в соответствии с этой ее особенностью мне и моей сокурснице Н. Шерман (ныне проживает в США) пришлось в голову параллельно с «Альманахом» анонимно выпускать пятишестистраничные сборнички под названием «Любитель настоящей русской словесности, или старовер». Мы печатали их на полулистах (от обычного формата), каким тиражом — не помню. Сборники содержали сатирические или публицистические тексты писателей XVIII века, которые невольно связывались читателем с современной политической проблематикой. «Староверов» в феврале-марте 1966 года вышло 4 номера. Эти листки произвели некоторый переполох у администрации факультета. Беспокоило ее не только содержание, но и то, что «Старовер» распространялся подобно листовкам — анонимно и скрытно, а задиристая политическая аллюзионность их была слишком очевидной.

Тогдашний декан факультета С. И. Андреева проявила, на мой взгляд, максимум снисходительности — для нее, как и для многих, имена издателей «Старовера» не были секретом, но она не стала ни о чем допытываться и затевать «дело», но попросила меня перенести «Старовера» на страницы «Альманаха». Так и было сделано. Не могу сейчас определенно вспомнить причины прекращения выпуска «Альманаха» (вкуче со «Старовером») но, кажется, слишком откровенные аллюзии последних выступлений «Старовера» — отрывок из «Торжка», главы радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», с пропагандой свободы кни-

гопечатания — особенно резали слух начальства. «Альманах» перестал выходить. С ним прекратил свое существование и «Старовер». Это была весна 1966 года.

Стенная газета «Vita» появилась, если не ошибаюсь, в начале зимы 1966 года. Традиционной стенгазетой факультета было «Слово». Примерно с осени 1965 года газета стала привлекать общее внимание — не только своими размерами /3 — 3,5 метра длиной/, не только интересным оформлением, но и содержательностью. Хотя, помнится, по поводу каждого номера приходилось препираться со специально назначенным от администрации лицом. Видимо, в подцензурном «Слове» мы уже не могли сказать то, что нам хотелось. Поэтому мы задумали выпускать газету независимую и неподконтрольную. Название газеты — «Vita» (жизнь), — кажется, пришло из Данте. Газету делали втайне от всех, она не должна была быть чьим-либо органом, кажется, насколько помню, мы даже не планировали делать газету периодической.

Что было помещено в газете?

Заглавными были две статьи. Одна посвящалась войне во Вьетнаме и была сугубо пацифистского содержания: о том, что на войне равно страдают обе стороны, а главное — страдают матери и вьетнамских и американских солдат. Другая статья отстаивала идею о выдвижении интеллигенции (на место рабочего класса) на первый план в качестве наиболее прогрессивной социальной силы, передового класса. Помимо этих двух материалов, была помещена сказка, содержания которой я совершенно не помню, но уверен в ее сугубой аллюзионности. Еще была перепечатана подборка стихотворений поэта Л. Мартынова из только что вышедшего номера «Вопросов литературы» /1966, № 6/. Это была публикация смелая для журнала и неожиданная с точки зрения наших представлений о поэте. Одно из стихотворений, откровенно публицистическое, заканчивалось так: «Мы научились все-таки идти//Спиной к спине к одной и той же цели». Газета, помнится, была интересно оформлена.

И вот газета вывешена в коридоре факультета. Провисела она, насколько я помню, два дня. На третий исчезла. Мы бросились выяснять, кто ее снял. Узнали, что сделал это заведующий клубом института А. А. Ахаян, бывший в глазах студентов бывший как бы надзирателем за идеологией в институте, хотя это вполне мог быть и студенческий миф. Одновременно пошли выяснения, кто газету выпустил. Отпираться я не видел смысла.

Как я сейчас понимаю, на нашем факультете по тем временам существовала довольно либеральная атмосфера. Вместо принятия административных мер к виновным в выпуске «Vita», было предложено ограничиться публичным обсуждением газеты. Довольно быстро это обсуждение было организовано. Те, кто готовил разносные выступления, могли с газетой ознакомиться в парткоме

вуза. Ахаян лично пригласил на разборку преподавателей партийно-идеологических кафедр. Оттуда и раздался самый серьезный окрик: на обсуждение пришел заведующий кафедрой истории КПСС Б. И. Сандин /известный доносчик, кажется, от угрызений совести он вскоре покончил с собой, но это особая история/. Обсуждение, как и ожидалось, вращалось вокруг упомянутых статей, пунктами обвинения были: абстрактный гуманизм, пацифизм и непонимание роли классов в историческом процессе. Это были серьезные обвинения для студента, претендующего стать учителем. Настолько серьезные, что Сандин потребовал отчислить меня из института «за сознательное выступление против рабочего класса». Помню, что это требование было воспринято всерьез, казалось, что будущее отчисление неминуемо.

Однако атмосфера в аудитории, в которой находилось более полусотни преподавателей и студентов-филологов, изменилась после выступления редактора институтской газеты Б. И. Иванова. Он не только заявил о праве студентов выражать свободно свои мнения, но и обвинил Сандина в демагогической игре с понятием свободы, когда свобода выражать свое мнение и свобода сорвать газету (заткнуть другим рот) приравниваются друг к другу. Затем последовало выступление заведующей кафедрой русской литературы Л. И. Кулаковой — мужественное и берущее издателей под защиту. По ее мнению, вся газета не стоила таких бурных дебатов и тем более репрессивных. Выступления Б. И. Иванова и Л. И. Кулаковой дали возможность высказаться в примирительном тоне еще многим, в том числе, что было важно, студентам.

Таковы предыстория и обстоятельства выпуска стенной газеты «Vita», которая на некоторое время оказалась в поле внимания институтского начальства и студентов¹.

¹ История с выпуском газеты «Vita» получила отражение в романе А. Жмаева «Туда и обратно», отрывки из которого были опубликованы в самиздатском журнале «Часы» (см. №№ 73, 74, 77). Там же помещен комментарий об этом событии Б. Иванова

Виктор Кривулин

«37», «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА»

Мы задумали новый журнал «37» сразу после работы над «Лептой», которая была отвергнута «Советским писателем» весной 1975 года, а осенью уже началась работа по созданию регулярного издания. С моей точки зрения и с точки зрения Тани Горичевой работа эта шла очень медленно. Возникла трещина, «37» и «Часы» вышли в свет почти одновременно: мы, кажется, на 2-3 месяца опередили «Часы». «37» и «Часы» как бы взаимодополняли друг друга, и динамика их оппозиции в исторической перспективе соотносима с конфликтом славянофилов и западников в прошлом веке. «Часы» играли роль почвенного издания, «Москвитянина», допустим, а «37» был чем-то вроде «Современника». Сопоставление двух наших изданий почти пародийным образом воспроизводит основную парадигму отечественной культуры. Несколько раз возникали идеи объединить оба издания: их авторы и читатели практически не различались. Одни и те же люди печатались в «Часах», и в «37». Больше того, некоторые номера «Часов» выходили по материалам «37». Естественно, не прерывались и дружеские связи. Но объединение оказалось невозможным.

Расскажу об одной из попыток. Это был 1978 год, по-моему, вторая или третья попытка объединения. Мы составили общий номер, и возникла проблема названия. О названии мы не смогли договориться. Названия не было. Начались дискуссии, но решающим было следующее. Борис Иванов принес как материал к опубликованию перевод французской статьи «О роли и технике человеческого сознания». Статья была написана в 1963 году, и, естественно, мне казалось, что не имеет смысла ее публиковать, потому что то была, скорее, даже не философия, а актуальная философская публицистика, потерявшая актуальность. Здесь возник скандал, новый разрыв. Дело заключалось, видимо, в том, что «37» и «Часы» представляли собой различные типы изданий. «37» ставил своей целью создание некоего языка,

способного описать актуальное состояние культуры и исторического момента в России с точки зрения личности, тогда как «Часы» ставили задачу «собирания грибов», т. е. выживания в существующем культурном ландшафте. Две эти задачи в каком-то смысле не совпадали, хотя, как ни странно, сейчас я думаю, что эти издания, как-то достраивали друг друга. Вышел 21 номер журнала «37», общий объем материалов с трудом поддается исчислению, поскольку номера были от пяти (минимально) авторских листов до двадцати пяти. Это зависело от структуры и от поворота, от позиционных установок. Более того, журнал менял дважды в течение своего существования радикально редколлегию и направление. Есть так называемый старый «37», и есть новый. Это все равно, что старый «Современник» и новый. Водораздел произошел в 1980 году. Новый «37» — это номера 19, 20, 21, которые вышли после отъезда Горичевой.

С начала 1976 года в редколлегию входили Т. Горичева, В. Кривулин, Е. Пазухин, Л. Рудкевич. С конца 1976 по конец 1978 — Н. Шарымова. С лета 1980 по весну 1981 (после отъезда Горичевой) — Б. Гройс, Л. Жмудь, С. Тахтаджян.

Журнал переплетался иногда плохо, иногда профессиональными переплетчиками.

Важной задачей журнала было не доказать всем возможность существования независимой культуры, а ощутить границу допустимого высказывания, и обозначить пределы интеллектуальной свободы человека в тогдашних условиях. В принципе, «37» можно описать как журнал, который вибрировал на достаточно подвижной, но опасной идеологической границе. С этой точки зрения для будущих исследователей журнал будет наиболее интересен. Он переживал те идеологические приливы и отливы, которые присутствовали в нашей жизни. Он рефлексировал — такова была его задача. Конечно, факты культурного бытия в первую очередь отслеживаются и регистрируются исследователями или современниками, но более важно создание атмосферы, в которой живет человек культуры. Это и была главная, стержневая задача журнала «37» на протяжении всех 5 лет его существования, как бы ни менялись концепция и внешний вид издания. Формы выполнения этой задачи зачастую граничили с игрой. Установка на игру присутствовала достаточно последовательно и сознательно, ибо именно игровое начало более всего было ослаблено в те годы, да и теперь, а без игры невозможно креативное напряжение, динамика развития.

Третья существенная задача, стоявшая перед издателями «37», — включение русской культуры в контекст современной планетарной культурной ситуации. Сейчас такая задача стоит перед всей страной, но пятнадцать лет назад мы были первыми,

кто последовательно занимался налаживанием культурного моста между Россией и Западом, обращаясь к опыту и отечественного и западного андеграунда. Благодаря «37» у нас завязались связи с культурным андеграундом Англии, Америки, Франции. Оказалось, что тамошняя ситуация в чем-то похожа на здешнюю, нашу. «37» совершенно естественно сделался одним из международных пост-авангардных изданий тогда, когда понятие пост-авангарда еще не пришло в Россию. Существовал еще один аспект, определявший направление «37», — речь идет о религиозно-философской ориентации журнала. В принципе, так или иначе (кроме последних трех номеров), богословские материалы всегда доминировали в «37», равно как и философский раздел.

Возникло странное, невозможное на первый взгляд соединение очень сложного, терминологически окрашенного философского жаргона, который понимали два-три человека (статьи Гройса, бесконечная феноменологическая переписка Горичевой с Иноземцевым), модернистских поэтических текстов в духе соц-арта и дидактических религиозных фрагментов (жития святых, описания православных календарных праздников и т. п.). Это составляло своеобразие журнала, какие бы конкретные формы в тот или иной момент ни принимало само издание. Нашей задачей было соединение, а не разъединение. В конце концов опыт «37» можно рассматривать и как эксперимент по соединению несоединимого. Я вообще считаю, что понятие границы является фундаментальным для нашего сознания. Вибрирование границ одновременно и спасительно, и разрушительно для национального менталитета. В «37» вибрировало все, даже тираж. Если, скажем, «Часы» выходили фиксированным объемом, в фиксированные сроки и в определенном количестве экземпляров, то тираж журнала «37» колебался от 200 экземпляров (третий номер вышел тиражом более 200 экземпляров и распространялся во Владивостоке, Львове, Кургане, Свердловске, Новосибирске) до полутора десятков.

В отличие от «Часов», «37» распространялся бесплатно, и даже машинистки, которым «часовщики» платили, на нас работали бесплатно. Платой было сознание участия в креативном процессе. И машинистки (их было три) работали на совесть, делая по пять, десять закладок. Им надо отдать должное — действительно, самоотверженные и бескорыстные люди. Мы работали с крайним напряжением. Будущие номера обсуждали до хрипоты, доходило до ссор. Атмосфера в редакции журнала «37» была накаленной, на грани истерики, но такое напряжение есть, на мой взгляд, необходимое условие существования человека в культуре. Когда мы успокаиваемся, когда начинаем замечать, что почва под ногами достаточно прочная и жесткая, тогда-то

и наступает стагнация в культуре, снижение инициативы, которое для творчества губительно. Мы провоцировали напряжение, зачастую даже искусственно вызывая его. Провокационным было само название — «37». Властям оно напоминало о 1937-м годе, хотя это всего-навсего был номер квартиры, которую мы снимали с Горичевой и Рудкевичем. Но присутствовал и другой, скрытый смысл. В математике есть число E , гармоническая постоянная. Оно обозначает возможность оптимального выбора.

Единица деленная на E , — это 0,37. Для меня E остается метафорой творчества. Многозначность, многосмысленность человеческого существования, многоуровневость нашего социального бытия и его многоплановость — вот что такое «37». Многозначность названия заложена в полифонии, в споре, поскольку журнал «37» возник как естественное продолжение религиозно-философских и литературных семинаров, проходивших в атмосфере дискуссий. Здесь в зале присутствует Галя Григорьева, участвовавшая в работе этих семинаров и впоследствии в журнале «Мария», который как бы отпочковался от «37». На страницах «37», помимо разных произведений, созданных в рамках культурного движения, мы печатали стенограммы дискуссий. Сейчас было бы интересно к ним вернуться. Некоторые только теперь приобретают актуальность. В частности, имело бы смысл опубликовать материалы обширной дискуссии по теме: «Религия и национальный вопрос», где фактически были отслежены, как возможные, те ситуации, с которыми мы имеем дело сейчас. В принципе, тогда, в 1977 году, намечалась схема развития общества, свидетелями реализации которой становится новое поколение.

Мы считали нужным публиковать в журнале западные переводы. Их выбор не был ни случайным, ни произвольным. Мы обращались к ключевым артефактам современности. Например, вспоминается Борхес, впервые переведенный на русский язык Борисом Гройсом. Появление Борхеса дало возможность открыть целое направление — пост-авангардизм или пост-модерн, фактически неизвестное тогда в России. Для нас важно было воссоздать целостный контекст современной культуры, а не просто пятна. После публикации статей Гройса в 19-20 номерах новые имена оказались устойчиво включенными в отечественный культурный оборот. Эти имена (Лакан, Деррида, Делез) значимы до сих пор, но тогда, 15 лет назад, здесь они никому еще не были известны. Порой мы опасно и не всегда успешно экспериментировали, чаще — эксперимент достигал сильного эстетического эффекта. Мы пытались расшатать традиционную для русских толстых журналов структуру, где членение на отделы «поэзии», «прозы» и «публицистики» уже заранее задает

форму презентации того или иного автора. Нарушая эту традицию, мы могли позволить себе опубликовать огромные книги стихов Ольги Седаковой, Всеволода Некрасова или Елены Шварц (в среднем до 10 авторских листов) в пределах одного номера. Эти сборники, которые мы впечатывали в журнал, не выпуская их отдельным приложением, как правило, окружала аура теоретического материала, который как бы подбирался согласно с тематикой, заключенной в поэтических книгах. Возникал некий новый тип издания — тот тип, к которому, я думаю, в конце концов мы придем, — не традиционный толстый журнал, а нечто среднее между альманахом и тематическим сборником, где весь материал сгруппирован вокруг одного «центрального» текста. Он был апробирован в журнале «37», и надо сказать, что на основании тех публикаций сейчас и О. Седакова, и В. Некрасов выпускают свои сборники, практически без изменений вычленив то, что было отобрано для «37».

Каждый номер журнала создавался как законченное художественное произведение, как музыкально-симфоническое единство. Могли быть удачи, были и провалы, но любой номер имел свою единую, стержневую линию движения, которую легко уловить. К такой форме мы пришли не сразу. После четвертого номера поняли, что тот композиционный принцип, который был принят изначально (диалоги на основе Евангелия, затем художественная часть, затем богословская и в конце концов — хроника культурного движения), — этот принцип построения не лучший. Изменилась структура номеров, появились номера-монографии, как мы их называли, посвященные той или иной проблеме, рассматриваемой с разных точек зрения.

Второе изменение курса связано с отъездом Татьяны Горичевой и переменами в составе редколлегии. В редакции появились совершенно новые силы, новые люди. Я имею в виду Леонида Жмудя и Сурена Тахтаджяна. Главным человеком в «37» в этот момент становится Борис Гройс. К сожалению, эти перемены сопровождались расколом редакции. Из нее вышли Виктор Антонов и Евгений Пазухин, напуганные радикализацией политического курса. (В это время «37» сближается с диссидентским движением. Антонов, как известно, впоследствии стал лидером «Памяти», Пазухин работает на радио «Свобода»). С 19 номера богословский отдел «37», который вели Антонов и Пазухин, перестает существовать. Поводом к расколу стал перевод статей Джорджа Оруэлла. Эти статьи до сих пор не опубликованы у нас в широкой печати. Я думаю, что они проливают свет на то, что происходит в России сейчас, хотя написаны в 1944 году, когда Оруэлл анализировал, сравнивая возможные последствия краха гитлеризма и свержения стали-

низма. Создается картина, которая сегодня у всех перед глазами. Статьи Оруэлла не были изданы даже в Англии, они печатались только в приложении к ведомственным сборничкам, издаваемым Би-би-си. Публикация этих статей в 1980 году могла привести к серьезным неприятностям.

Как бы то ни было, после отделения богословского отдела, «37» начал ориентироваться на московских авторов, таких как Д. Пригов, Л. Рубинштейн, М. Айзенберг, В. Некрасов, Е. Шифферс, И. Жданов и др. Фактически журнал переместился в Москву, хотя и издавался в Петербурге. В новом «37» появились очень интересные статьи скорее позитивистского плана, более скептические, нежели патетические. Недавно я пересмотрел 21-й номер и с удовольствием отметил рецензию на повесть Лимонова «Это я, Эдичка». Лимонов рассматривается как «герой нашего времени», в статье дается новая культурная парадигма, а это 1981 год. Кроме того, обратил внимание на статью о возможности русского православного большевизма, увидел ряд статей, которые и сейчас, наверное, не менее интересно читать.

Был в журнале «37» и еще один раздел, о котором хотелось бы сказать. Это раздел публикаций. Мы практически не публиковали мемуары, мы не печатали того, что обычно принято помещать в толстых журналах. И все же мы публиковали документы, имеющие, на наш взгляд, не только личностный, но и глобальный культурный смысл. В частности, необыкновенно интересная публикация была в тринадцатом, кажется, номере «37». Наль Подольский подготовил к печати письма, найденные на чердаке. Публикация совершенно потрясающая. Недавно я ее нашел. Я думаю, сейчас ее следует опубликовать. Это письма поручика Петровского — реальные письма с фронта Первой мировой войны. Письма человека, которого убили на этой войне. По ним просто видно, как меняется на фронте психика интеллигента-патриота. Этот документ мощнее, чем «Доктор Живаго», погружен в то же время и описывает то же состояние, что и роман Пастернака, но как бы изнутри, совершенно особым языком. Это пишет человек, который после университета попал на фронт, и даже с его языком происходит радикальная перемена.

Подводя итоги, я хочу подчеркнуть, что культурная миссия журнала «37» может считаться в какой-то степени успешно выполненной, хотя основная основная духовная задача, которая стояла перед журналом, не была решена. Журнал насильственно прекратил существование в марте 1981 года. Но виной тому не только давление со стороны КГБ. К этому времени, когда началось явное кэгебистское преследование журнала, многие его читатели, к сожалению, оказались на Западе. Это ситуация

гораздо более страшная, нежели угрозы органов. Уехали и наши основные авторы. «37» вынужден был закрыться, потому что изменилась культурно-общественная ситуация.

Параллельно журналу «37», не будучи его преемником, но очень тесно с ним связанный, возник журнал «Северная почта». Где-то с осени 1979 года мы с Сергеем Дедюлиным начали обговаривать это предприятие — идею журнала уникального, посвященного исключительно проблемам поэзии. До сих пор, хотя мы уже живем в условиях относительной свободы печати, нет в России ни одного журнала, посвященного целиком русской и мировой поэзии, то есть специализированного. «Северная почта» впервые сделала поэзию основным, главным предметом своего существования. В «Северной почте» мы помещали не только стихи, это был «журнал стихов и о стихах», где также печатались исторические материалы, публикации, эссе и так далее.

Журнал изящно издавался пунктуальным Сергеем Дедюлиным. Каждый номер перепечатывал он сам, по определенным правилам. Это был самый красивый, самый тонкий, изысканный по оформлению самиздатский журнал. Сейчас возникли слухи, что «Северную почту» издавал один Дедюлин, а я не имел к этому никакого отношения. Это, конечно, не так. Все обсуждалось вместе — и материалы я подготавливал для каждого номера, но печатал все и компоновал Дедюлин, меня он к машинке не подпускал. Во время издания журнала сменилось, по-моему, три машинки. Их изымали на обысках, я не знаю, вернули потом или нет. Обыски были на квартире Дедюлина.

Вышло восемь номеров «Северной почты», из них три номера, шестой, седьмой и восьмой, напечатаны в течение двух недель, предшествующих отъезду Дедюлина на Запад, изгнанию его — то есть, в то время, когда другие люди накануне отъезда на Запад занимаются улаживанием дел, продажей и покупкой вещей, Дедюлин сидел и печатал номера журнала, чтобы довести до конца дело, которое мы делали вместе. Материалы «Северной почты» частично перепечатаны в «Посеве». Полностью журнал не выходил в типографском виде, а жаль.

Что можно сказать о его содержании? В четырех номерах были мои статьи, в том числе, в двух — обзорная статья о неофициальной поэзии. Были напечатаны заметки и стихи Ахматовой, появились неопубликованные письма Пастернака. Это были уникальные публикации. Дедюлин собрал стихи Заболоцкого и Ахматовой, посвященные Сталину и тогда еще неизвестные, а не только те, которые уже были опубликованы. Кое-что из этого до сих пор не напечатано. В журнале «Северная почта» мы печатали и поэтов молодого поколения, таких, как

Павловский, Шенкман, будущих членов Клуба-81. Но основными авторами оставались все те же: Сергей Стратановский, Олег Охупкин, Александр Миронов, то есть признанные мэтры неофициальной культуры 70-х годов. В основном мы печатали петербуржцев: это лучше состыковывалось со вкусами Сергея Дедюлина. Как сотрудник он был идеален. Да, «Северная почта» была единственным самиздатским журналом, где не было опечаток, этих родимых пятен самиздата. «37» пытался бороться с ними, но безнадежно, а единственный журнал, в котором абсолютно не было опечаток, — это «Северная почта». Журнал был неплохим даже по строгим европейским меркам.

Борис Иванов

ПО ТУ СТОРОНУ ОФИЦИАЛЬНОСТИ

Расскажу о генезисе идеи самиздатного журнала «Часы», об организации работы по его изданию, о «часовщике» как типе общественного активиста. В заключение отвечу на вопрос, что представляет собой это издание в физических величинах и кратко обрисую деятельность нас, издателей, которую мы вели помимо выпуска журнала.

Мне было лет девять, когда я начал сочинять повесть про пиратов. Двоюродная сестра обещала мое сочинение переписать аккуратно в отдельную тетрадь. Мы хотели снять жатву славы у наших родителей и среди сверстников. Не была ли заключена в нашей затее главная идея самиздата? Сущность идеи самиздата — устранение посредника между автором и читателем, посредника, который присваивает себе право решать, что заслуживает издания, а что нет.

Когда я был студентом отделения журналистики филфака ЛГУ, прошел слух, что по мытнинскому общежитию ходит машинописный журнал «Голубой бутон». Я видел и листал этот журнал, когда его экземпляр оказался в партбюро филфака. На меня огромное впечатление произвел разговор в том же партбюро между автором и, вероятно, редактором журнала Аскольдом Богдановым и представителем обкома ВЛКСМ. На грубые наскоки «представителя» Аскольд отвечал умно, твердо, с достоинством. Эту беседу в ее основных поворотах я описал в повести «Поденок». Через десять лет я предложил начать выпуск самиздатного сборника литературному объединению при издательстве «Советский писатель», членом которого я являлся. Тогда в его состав входили А. Арьев, А. Битов, С. Вольф, М. Данини, В. Попов, Г. Шефф и другие талантливые прозаики. Сборник должен был состояться из вещей, которые читались на заседаниях ЛИТО, признавались его членами удачными, но, очевидно, не имевших больших шансов скоро дойти до читателя. Сборник-альманах под названием «Архив» должен был выдавать-

ся на руки желающим с ним познакомиться, а один экземпляр поступать в Публичную библиотеку, — так сделала другая группа ленинградских прозаиков со своим сборником «Горожане». Идея была поддержана. За альманах голосовал и руководитель ЛИТО Г. Гор. Но когда я начал собирать рукописи для первого номера «Архива», авторы стали выражать неуверенность в безопасности этого дела. Им представлялось, что все мы вскоре окажемся в тюрьме на Шпалерной¹.

Любая не одобренная официозом организованная акция представлялась крамольной. От идеи альманаха пришлось отказаться. Нужно было время, чтобы осознать необходимость культурного сопротивления в той коллективной форме, какой являлся периодический самиздат.

В 1971 году я и братья Ивановы — Константин и Михаил — решили начать выпуск газеты. Публиковались статьи братьев, мои вещи, стихи Владлена Гаврильчика и других авторов из круга общих знакомых. Но мы не были настолько солидарны, чтобы развить это начинание. После выхода двух номеров газета прекратила свое существование.

Издание «Архива», как я уже сказал, не было осуществлено, но кое-какие вещи я тогда собрал. В 1973 году было ясно, что политическая обстановка в стране такова, что время их публикации не приближалось. Коллекцию этих текстов я решил положить в основу антологии ленинградской неофициальной прозы и поэзии и издать ее машинописным способом. С прозой было просто — я хорошо знал многих прозаиков. Согласие на включение своих вещей в антологию я получил от Б. Вахтина, В. Нечаева, Ф. Чирскова, А. Арьева, В. Алексеева, А. Севостьянова и других. Поэтов я знал плохо. Стихи, которыми я располагал, создавали впечатление, что питерская поэзия уступает по качеству прозе. Знакомство со стихами Виктора Кривулина, которые произвели на меня сильнейшее впечатление, убеждало в том, что меня могут ожидать и другие приятные открытия, если сумею познакомиться с творчеством других не известных мне поэтов.

Я был знаком с Татьяной Горичевой, организатором ленинградского религиозно-философского семинара. Я рассказал ей о проекте антологии, Т. Г. предложила другой — издавать альманах. Я тотчас согласился, но по моему мнению, в его состав следовало бы включить перевод фундаментального сочинения. Мы остановились на книге К. Ясперса «Философская вера». Работа пошла довольно быстро. Татьяна переводила текст с

¹ Следственный изолятор КГБ.

листа, я с голоса печатал на машинке и тут же редактировал. Однако бурные события вмешались в наш план.

Осенью 1974 года весь культурный мир был потрясен «бульдозерной выставкой». В ответ на действия властей неофициальные художники Москвы и Ленинграда перешли в яростное наступление. В итоге власти пошли на уступки. В декабре состоялась выставка нонконформистских художников в ДК им. Газа. Литераторы также были возбуждены, особенно поэты. Меня пригласили в инициативную группу по составлению коллективного сборника стихов, который должен был стать аналогом вернисажу художников.

Работа была изнурительной. Каждый вечер дома у Юлии Вознесенской собиралась толпа пишущей братии. Здесь же в крошечной, насквозь прокуренной комнатухе инициативная группа рассматривала стихи, представленные к этому дню авторами. Были просмотрены тысячи и тысячи текстов. Споры, бурные сцены между недовольными отбором поэтами и инициативной группой происходили чуть ли не каждый день. К лету 1975 года сборник, получивший название «Лепта», был составлен. Инициативная группа вступила в переговоры с ЛО СПП, с Управлением культуры, с издательством «Советский писатель». Генералы от культуры нашу лепту отвергли. Сборник стал достоянием самиздата.

Я снова вернулся к идее альманаха. По моему мнению инициативная группа, составившая «Лепту», могла бы стать готовой редколлегией будущего издания. Но Господь распорядился иначе. Татьяна Горичева и Виктор Кривулин вступили в брак и решили начать издание журнала на семейной основе, о чем меня долгое время не оповещали. Как бы там ни было, в первой половине 1976 года в Ленинграде стали выходить сразу два «толстых» общественно-литературных издания — журнал «37», в редколлегию которого вошли, помимо Горичевой и Кривулина, Л. Рудкевич и Н. Шарымова, и альманах «Часы». Составил его я, поэтические подборки были подготовлены Юлией Вознесенской.

Концепция журнала «Часы» сложилась отчасти еще до выхода первого его номера, отчасти на опыте издания первых номеров. Основу концепции составляли четыре принципа.

Первый: составитель журнала не должен «заказывать» материалы, не должен делать журнал направленческим, не должен подгонять произведения путем редактирования к какому-то воображаемому эталону. Он должен действовать так, как сборщик грибов, который не сеет и не поливает, а собирает среди них «хорошие». Автор-неофициал пишет так, как считает нужным,

сообразно своему таланту, духу эпохи и стратегии культурного и социального выживания.

«Часы», считал я, должны были стать изданием культурного движения в целом, отражать естественным образом естественный ход литературного процесса. Нонконформизм и профессионализм — единственные критерии редакторского отбора.

Второй принцип: «не наклеивать бороду». В поисках славы, иллюзий защиты от преследований путем приобретения известности на Западе не стремиться к передаче журнала за рубеж, не разыгрывать детективные истории конспиративных встреч, переговоров и не ожидать по ночам, затаив дыхание, что скажут о твоём журнале «голоса». Рассчитывать нужно только на моральные силы и культурные возможности самой среды неофициальной гуманитарии. Не вздрагивать при каждом слухе об ужесточении режима, пренебрегать угрожающими фразами в речах «отцов отечества», но отдавать себе отчет в том, что делаешь. Этот принцип я называл «новым почвенничеством».

Третий принцип: «людям нужны лишь те «Часы», которые «ходят». У самиздатского редактора всегда был соблазн отложить выпуск очередного номера на неделю, месяц, три месяца, потому что не получены ожидаемые рукописи, потому что заболела машинистка, потому что наступило лето и нужно отдохнуть, потому что во время Олимпийских игр ожидаются репрессии против диссидентов и т. д. В зависимости от разных обстоятельств самиздатные журналы выходили то толстыми, то тонкими. Ход исторического времени необратим. «Часы» стремились олицетворять его.

«Часы» выпускались с жесткой периодичностью — каждые два месяца — номер, имели фиксированный объем — около 14—15 авторских листов. Принцип постоянства проводился и по другим параметрам — основным разделам журнала, по расположению, названию рубрик.

Четвертый принцип: «журнал должен покупаться». И не только потому, что у издателя нет денег на его напечатание, и не потому, что жертвования или не предлагались, или — в размерах символических. А потому что, если люди участвуют в складчине по выпуску журнала, следовательно, они нуждаются в нем, он им и их знакомым интересен. Нужно заметить, что внести 12—15 рублей за номер могли тогда лишь немногие, — дорого. Если же журнал не нужен людям, он не нужен и мне.

Организация работы. Я старался делать все, чтобы журнал выходил без сбоев: обещанные рукописи поступали, перепечатка производилась вовремя, материалы для изготовления переплетов имелись. Борис Останин, который присоединился ко мне после выхода первых номеров «Часов», был меньше

связан с рутинной стороной дела. Он мог год готовить свой номер журнала или настойчиво убеждать интересного автора преодолеть свой страх перед самиздатом. В частности, он установил контакты с Г. Померанцем, О. Седаковой, Е. Шифферсом и другими московскими неофициальными гуманитариями. Раздел переводов журнала своим благополучным существованием в основном обязан ему. Я называл себя «мотором» журнала, своего коллегу — душой «Часов».

С 11 номера с нами начал сотрудничать Юрий Новиков. Из номера в номер стали публиковаться его статьи о нонконформистском изобразительном искусстве: обзоры выставок, персоналии, публицистические реплики, — создавалась единственная в своем роде летопись культурного сопротивления художников режиму. Но дело было не только в этом. Судьбы художников-неофициалов и литераторов были тесно переплетены. Новиков, занимаясь организационной работой — он был одним из инициаторов и идеологом создания ТЭИИ (Товарищества экспериментального изобразительного искусства), — расширял представления журнала о культурном движении в целом.

На втором десятке номеров сформировалась редколлегия журнала. Формальных обязанностей у ее членов не было. Редколлегия собиралась раз в два месяца, чтобы обсудить вышедший номер и поговорить о новом. И тем не менее, ее значение было существенным. Это были и первые читатели журнала, и его свободные критики, и лучшие советчики. Наиболее постоянными участниками этих обсуждений были И. Адамацкий, Ю. Новиков, А. Драгомощенко, С. Коровин, в разное время заседания посещали С. Шефф, С. Завьялов, С. Стратановский, Д. Волчек, В. Долинин и многие другие.

Почти все номера «Часов» были напечатаны двумя пальцами Виктории Аптер. Оплата была минимальной, а закладка максимальной — 10 экземпляров — и больше. Я никогда не звонил ей по своему домашнему телефону, только из автомата. И был, кажется, в этой осторожности прав. Уезжая в отпуск, я однажды попросил Б. Останина прокурировать перепечатку номера другой машинисткой. Стоило ему поговорить на эту тему с ней по телефону, чтобы через несколько дней сотрудник КГБ навязал ей предупредительную беседу и расспросы о человеке, который ей дал рукописи «Часов». Напуганная машинистка уничтожила почти законченную работу.

...Но вот закладка в полпуда весом получена. В течение ночи я старался все экземпляры переплести и на следующий день хотя бы часть тиража доставить подписчикам. Я постоянно ожидал обыска и мне не хотелось, чтобы номер стал добычей героев «невидимого фронта».

Я говорил, что «Часы» нами мыслились журналом культурного движения в целом. Само движение мы стремились анализировать и его развитию способствовать. В журнале на темы неофициального искусства писал Ю. Новиков; Б. Останин в соавторстве с А. Кобаком выступал с интересными аналитическими статьями. Регулярно о культурном движении делал доклады и писал статьи я. Нас интересовало не только то, чем движение является, но и то, чего ему не доставало. «Часовщики» стремились привить неофициалам чувство общности, принадлежности к целостному культурному явлению. В ключе этой задачи возникла идея литературной премии имени Андрея Белого, которая вручалась поэтам и прозаикам, критикам и философам ленинградским и не только им. Остро ощущалась слабость исследовательской мысли, — новые явления в литературе и в изобразительном искусстве воспринимались на уровне самых общих приблизительных суждений. Для того, чтобы инициировать творчество в этом направлении, мы стали проводить конференции культурного движения.

Культурное движение становилось все более экспансивным. «Часовщики» стремились придать этой экспансии конструктивный характер. Мы выносили идею Клуба-81, по существу первого в стране неформального и легализованного объединения, осуществили все необходимые для этого организационные меры, провели все необходимые переговоры, составили устав, а затем, войдя в правление, продолжали поддерживать единство Клуба. «Часовщики» со всей серьезностью относились к тактике своего публичного поведения, чтобы, как писал А. Солженицын, «не перейти неизбежный уровень столкновения» («Бодался теленок с дубом»), сохраняя смысл культурного движения, не подвергнуть его участников репрессиям и раздвинуть дальше его границы. В рамках Клуба политика «часовщиков» сосредоточилась на выяснении новых возможностей развития движения. «Часовщики» «усыновили» театральную студию Э. Горошевского, «прописали» при клубе Б. Гребенщикова и С. Курёхина, чтобы иметь возможность защищать их от травли КГБ, а позднее — Совет по Экологии Культуры. Инициировали создание Общества христианского просвещения...

«Часовщики» принадлежали к тем, кто в эпоху безвременья брал на себя задачу рискованного представительства бесправного творческого люда. «Часы» и Клуб-81 способствовали возникновению нового самиздата. Членами клуба выпускались журналы «Обводный канал» (редакторы К. Бутырин и С. Стратановский), «Митин журнал» (Д. Волчек, О. Абрамович), «Предлог» издавал переводы (редактор С. Хренов), «ДиМ» («Девочкам и мальчи-

кам»), первый в стране детский самиздатный журнал, и «Меркурий» (Е. Зелинская), «Регулярные ведомости» (С. Коровин).

Рассмотрим журнал «Часы» в физических величинах. С 1976 по 1990 год вышло 80 номеров издания. Суммарный объем опубликованного — около 1200 печатных листов. Благодаря журналу увидели свет произведения более 600 авторов. География авторства — Саратов, Киев, Кишинев, Одесса, Львов, Екатеринбург, Самара, Сыктывкар, Рига, Псков, Ростов, Москва и т. д.

Были помещены переводы более ста произведений с английского, немецкого, французского, польского, чешского языков. Среди авторов — Ролан Барт, Самуэль Беккет, Хорхе-Луис Борхес, Мартин Бубер, Станислав Гроф, Эдмунд Гуссерль Альбер Камю, Конрад Лоренц, Жан Маритен, Славомир Мрожек, Эммануэль Мунье, Филип Слейтер, Жан-Поль Сартр, Эрих Фромм, Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс и другие.

На страницах журнала не могло уместиться все, что представляло интерес для его читателей. В качестве приложений к «Часам» были опубликованы объемные романы Аркадия Драгомощенко «Расположение среди домов и деревьев» и Михаила Берга «Отражение в зеркале с несколькими снами», сборники стихов Елены Шварц, Виктора Кривулина, Сергея Стратановского, Елены Игнатовой, Леонида Аронсона, три тома статей Григория Померанца, три тома справочного издания «Художники России за рубежом», составленные Д. Северюхиным и О. Лейкиндом, романы С. Беккета, О. Коннор, А. Роб-Грийе и некоторые другие крупные произведения зарубежных авторов.

В 1986 году при «Часах» стал выходить первый в России самиздатный сатирический журнал — «Красный Щедринец». Всего вышло девять номеров. В 1988 году я начал выпуск общественно-политического журнала «Демократия и мы». Со мной сотрудничали В. Долинин, С. Магид — члены Клуба-81 и другие. Всего вышло 16 номеров (по 3-4 печатных листа каждый). Этот журнал рассматривался как издание Ленинградского Народного Фронта — той организации, которая нанесла поражение КПСС на первых свободных выборах в нашем городе. Помимо журнала я организовал выпуск Информационного бюллетеня организации «За Народный Фронт».

Значение самиздата. Самиздат являлся частью процесса становления независимой культуры в условиях тоталитарного режима. Самиздат был формой самоутверждения несанкционированного творчества, гражданским действием, направленным в обход институтов власти, стоящих между творческой интеллигенцией и читателем, и был «надстройкой» над уже сложившимся культурным сопротивлением.

Самиздат мог успешно функционировать, когда оппозиция режиму приобрела вид культурных интересов и частного личного самовыражения, когда режим, подавив прямое идеологическое противодействие, не говоря уже о сопротивлении политическом, деградировал сам, отменял сам себя через бесполезность своего могущества и всевластия. Бесполезный, он занялся изобретением еще одной программы («перестройки»), никак не связанной с реальной действительностью. Он пытался управлять теми, с кем уже утратил контакт.

Культурное движение и его самиздатный опыт вместе с правозащитным движением сыграли важнейшую роль в создании таких общественно-значимых прецедентов, вокруг которых и опираясь на которые формировалась молодая российская демократия.

Сурен Тахтаджян

О ЖУРНАЛЕ «МЕТРОДОР»

«Метродор» был, наверно, одним из самых необычных неофициальных изданий, выходивших в конце 70-х — начале 80-х годов. Его трудно подвести под какую-то определенную рубрику или охарактеризовать одним словом. Журнал можно было бы назвать смеховым, однако и сугубо серьезные материалы постепенно заняли в нем заметное, а в последних номерах даже ведущее место. Необычайно разнообразным было содержание «Метродора»: от чуждейской тематики и комментированного издания корейских песен до статей о классических мотивах в поэзии О. Э. Мандельштама и об использовании А. М. Ремизовым фрагментов Гераклита; от серьезных дискуссий, посвященных современной гуманитарной науке, до писем с того света и попыток проникнуть в смысл загадочной фразы: «Этого хотел ты, рыбац Григорий?!».

Возникновению журнала «Метродор» предшествовала литературная мистификация: опубликование трагедии «Клопы» никогда не существовавшего древнегреческого драматурга Метродора Лемносского, осуществленное Д. В. Панченко и П. Д. Диатроповым. В этом произведении излагался новый вариант мифа о Прокрусте: оказывается, смерть его гостям приносили обитавшие в знаменитом ложе клопы; с ними, а затем и с самим Прокрустом сумел справиться Тесей. Конечно, новонайденную трагедию надо было прокомментировать, и «Клопы» действительно были снабжены обширным комментарием, в котором пародировался модный вздор тогдашней гуманитарной науки. Однако комментарий далеко не исчерпывал тех благодных возможностей для самых разных истолкований, которые предоставлял сюжет «Клопов». Неудивительно, что тут же появилось несколько статей, в которых трагедия Метродора анализировалась со структуралистских позиций; результаты такого анализа смелостью, неожиданностью и нелепостью своих выводов не уступали некоторым вполне серьезным исследованиям. Эти материалы и легли в основу вышедших в 1978 году двух первых номеров журнала «Метродор», названного так в честь автора «Клопов».

Журнал «Метродор» появился на свет по инициативе Д. В. Панченко. С самого начала деятельное участие в нем приняли П. Д. Диатроптов и автор этих строк. Нас троих объединяло, помимо дружеских чувств, общее увлечение античностью. П. Д. Диатроптов к тому времени закончил Педагогический институт в Москве по кафедре истории древнего мира и средних веков, Д. В. Панченко — кафедре истории древней Греции и Рима исторического факультета Петербургского (тогда Ленинградского) университета, а я был студентом V курса той же кафедры.

В журнале, возникшем как продолжение «Клюпов», первое время преобладало смеховое начало. Однако это было связано не только с обстоятельствами появления журнала. Смех каким-то естественным образом проникал на страницы «Метродора». Это во многом объяснялось атмосферой тех лет, гнетущим духом, исходившим от официального мира. Ему хотелось противопоставить смеховое, игровое начало. Этот выбор определялся, конечно, и нашими склонностями, и возрастом: участникам журнала было тогда немногим больше 20 лет. С другой стороны, столь характерные для «Метродора» смех и игра были одновременно и сознательной позицией. Ведь мы находились в то время под влиянием известных идей М. М. Бахтина о смеховой культуре, противостоящей официальной серьезности. Издание «Метродора» было в какой-то степени попыткой внести раскрепощенность, смех и веселье в ту действительность, которой этого так не доставало. Причем речь здесь идет не только об официальной культуре. Неофициальные издания тех лет — те, что были нам известны, также были сугубо серьезными. «Метродор», таким образом, сразу занял свое особое место в мире неофициальной периодики.

Звучавший в журнале смех был связан не только с Метродором. Были и другие поводы для веселья. Один из них необходимо назвать. Многим, наверно, памятен шедевр литературного и живописного китча того времени — журнал «Корея». Его полуграмотный русский язык, стопроцентная идеологическая выдержанность всех материалов, изображающих счастье и довольство, глянцевого фото с марширующими людьми — все это, написанное совершенно всерьез, вызывало неудержимый смех. Со страниц «Кореи» на нас глядело наше недавнее прошлое, доведенное уже до полного абсурда и приправленное восточной экзотикой. Разумеется, корейская тема стала одной из излюбленных в «Метродоре».

С ней перекликалось еще одно произведение Метродора Лемносского, «найденное» вскоре после «Клюпов», — трактат «О воспитании циклопов». Если верить Метродору, оказывалось, что в счастье и добродетели циклопы ничуть не уступают подданным Ким Ир Сена.

Из авторов смеховой части журнала я хотел бы выделить прежде всего П. Д. Диатроптова, а также Е. В. Афанасьеву и Е. М. Шварц.

История «Метродора» (журнал выходил с 1978 по 1982 г.) делится на два периода. Вначале он целиком был смеховым. Но начиная с 4 номера в журнале все большее место и значение начинает приобретать его серьезная часть, а с 8-го номера она уже решительно преобладает. С материалами первой части ее объединяло то, что в обеих центральное место занимала классическая древность. Но теперь она была предметом серьезного изучения и обсуждения.

Пожалуй, наиболее популярными и запомнившимися материалами этой части стали три дискуссии, прошедшие в рамках студенческого научного общества (СНО) кафедры истории древней Греции и Рима Петербургского университета в 1979 — 1980 годах Л. Я. Жмудь, по предложению которого и начались эти обсуждения, был тогда студентом кафедры и возглавлял ее СНО. Первая из дискуссий была посвящена творчеству О. М. Фрейденберг; затем состоялись обсуждение творчества А. Ф. Лосева и дискуссия о структурализме. Идея этих обсуждений возникла как своеобразная реакция на тогдашнюю научную моду. В те годы среди отечественной гуманитарной интеллигенции весьма популярными стали течения, шедшие вразрез с академической наукой.

Неудовлетворенность строгой наукой, стремление выйти за ее пределы — явление не новое, оно периодически возникает. В нашей стране действовала тогда еще одна особая причина, вызывавшая подобные устремления, — это жесткий идеологический пресс, особенно остро ощущавшийся как раз гуманитариями; возникало желание уйти от него, хотя бы в рамках своего творчества. Однако у тех, кому недоставало академической выучки и критического отношения к разного рода всяниям, это естественное стремление приводило к тому, что они оказывались в плену различных, зачастую не научных концепций. Так возникла настоящая научная мода. Нам хотелось разобраться в этих, ставших популярными, концепциях, причем изначально отношение к ним было у нас критическим. Во многом это была не столько наша заслуга, сколько заслуга общих для большинства участников «Метродора» учителей, замечательных ученых и преподавателей, филологов-классиков А. И. Зайцева и А. К. Гаврилова. А. И. Зайцев принял участие во всех трех дискуссиях и его суждения оказывались наиболее глубокими и взвешенными. Очень интересными на каждом из обсуждений были выступления А. К. Гаврилова. Всякий раз дискуссии открывались содержательными докладами Л. Я. Жмудя. Материалы этих обсуждений были опубликованы в трех последних номерах «Метродора» (№№ 8 — 10) и вызвали большой резонанс.

В серьезной части нашего журнала был опубликован также целый ряд статей и рецензий. Некоторые из них впоследствии попали в «большую» печать. Так, рецензия на работы И. М. Нахова о киниках, появившаяся в 9 номере «Метродора», была затем с некоторыми изменениями напечатана в журнале «Вопросы литературы».

В 1982 году на 10-м номере, прекратилось издание «Метродора». К смерти журнала был причастен КГБ. Нельзя сказать, что участники журнала подвергались настоящим преследованиям, но неприятности у них были. Однако это была не единственная и, пожалуй, даже не главная причина кончины журнала. Сыграло роль и то, что веселья и смеха стало не хватать: участники журнала в этом отношении начали выдыхаться. К тому же серьезные профессиональные занятия наукой требовали много времени и сил; да и их результаты хотелось видеть на страницах специальных изданий, выходящих большим тиражом, чем «Метродор». В общем, кончина журнала была в какой-то степени естественной. С другой стороны, перечитывая сейчас «Метродор», убеждаешься, что многие его материалы явно заслуживают более широкого распространения, чем метродоровские 7 или 14 машинописных экземпляров. Может быть, когда-нибудь это осуществится

1 Комплект номеров «Метродора» хранится в отделе рукописей Российской Национальной (бывшей Государственной Публичной) библиотеки в Петербурге.

Владимир Пореш

**«ОБЩИНА» —
ЖУРНАЛ ХРИСТИАНСКОГО СЕМИНАРА (1974-1980).**

Журнал «Община», единственный номер которого вышел осенью 1978 года, явился результатом нескольких лет работы и общения группы людей разного возраста (в основном, это была молодежь до 30 лет), которые назвали себя Христианским семинаром по проблемам религиозного возрождения. Под таким — может быть, слишком торжественным названием существовала и жила на самом деле община новообращенных христиан. Мы были, в основном, православными, хотя среди нас был и один протестант-баптист.

Я употребляю слово «община», потому, что община — особый род отношений между людьми в небольшой группе, накрепко связанными каким-то общим переживанием и общей судьбой. Таким переживанием для нас стала вновь обретенная вера, неожиданно открывшая нам неслыханные горизонты. Вера понималась нами как дар огромной свободы, которую несло в себе православное предание, русская религиозная философия, открывшая нам православие; опыт монахов-аскетов, святые отцы, хотя и в основном в чьем-то пересказе — все звало к творческой мысли и действию. Никто не понимал Церковь как готовый ответ на все проблемы, но как новую жизнь, где каждый сам должен находить ответ на свои вопросы. Именно так понималось нами церковное предание: как принципиально открытое к новому и только потому жизнеспособное.

Наша община складывалась в течение нескольких лет, начиная с 1974 года. В сентябре этого года мы впервые встретились в Москве, приехав из разных городов Союза на семинар, где собирались более упорядоченно обсуждать те же вопросы, которые и так были постоянной темой наших разговоров. Главный из этих вопросов: как жить дальше? Поначалу не было речи о Церкви. Единственное, что нас объединяло, — это решительное нежелание жить по-старому, «по-советски».

Центром этого кружка был Александр Огородников. Родом из г. Чистополя в Татарии, он к этому времени был исключен со 2-го курса киноведческого факультета ВГИКа и работал то дворником, то сторожем в различных местах Москвы. Учился он хорошо, а исключен был за то, что попал в картотеку КГБ из-за частых столкновений с милицией во время своих летних путешествий автостопом в «системе» хиппи. Именно Огородников впервые сформулировал задачу: построение общины, а впоследствии уточнил ее как создание зоны «свободной жизни» в несвободном обществе. Столкновение с КГБ было неизбежным, и привело через несколько лет к аресту семерых участников семинара: А. Огородникова, Татьяны Николаевны Щипковой, преподавателя-филолога из Смоленского пединститута, Владимира Бурцева из Москвы, Виктора Попкова из Смоленска, Сергея Ермолаева из Москвы, Льва Регельсона (которого арестовали, конечно, не только за участие в нашем семинаре) и автора этого рассказа. Почти все эти аресты были произведены осенью 1979 года.

Наш семинар был одним из многих молодежных христианских кружков, но в отличие от других, известных мне, он был междугородным: мы собирались, как правило, раз в месяц на одной из московских квартир. Участники приезжали из Чистополя, Казани, Смоленска, Минска, Риги, Кишинева, Ленинграда. В период «расцвета» нас было около 30 человек. Междугородный семинар мы стремились сделать «наднациональным». Первым представителем заграничного христианского движения был Леонардо Палеари из движения «Коммунионе э либерационе» в Италии. Мы написали письмо А. И. Солженицыну с просьбой связать нас с американскими молодыми христианами. Были попытки связаться с Францией и Чехословакией.

Через наш круг проходило большое количество религиозной литературы, по большей части изданной за границей или до революции. Но было, конечно, много и политических книг: Авторханова и др. Одним из самых важных для нас писателей был А. И. Солженицын. Его «Архипелаг ГУЛАГ» и «Бодался теленок с дубом» были книгами, к которым мы возвращались постоянно. «Теленок» истолковывался как эпическая песня Нового времени, поединок личности с тоталитарным государством. Именно потому, что порабощение личности являлось главной целью последнего, оно оказывалось наиболее чувствительным именно с этой стороны: всякая независимая позиция, имеющая общественное измерение, становилось для него всерьез опасной.

«Новое время» — это термин, введенный нами для обозначения наступления новой религиозной эпохи, ростки которой мы усматривали еще у ранних славянофилов. Мы были убеж-

дены, что впереди эпоха новой религиозной органической культуры, Нового средневековья, по выражению Бердяева. Оно должно было стать временем расцвета личности, но не индивидуалистической, а соборной в органичном общественном космосе, сверху донизу пронизанном смыслами. Мы плохо представляли себе, как это произойдет в реальности, предполагали, что процесс будет длительным, но верили, что православие несет в себе возможность новой христианской цивилизации. Коммунистическому режиму мы отводили на существование два-три года. Я помню разговор с одним ленинградским богословом, когда он поднял меня на смех, услышав такое утверждение, он заявил: «Два-три года? Я лет сто вам гарантирую». Дело было в конце 1978 года. До начала «перестройки» оставалось 7 лет.

Утопия Нового средневековья, радость обретения веры и исторического сознания, существование в открытой, хотя и очень небольшой общине (мы собирались раз в месяц, но вся жизнь, все интересы были связаны только с общиной), конфликты разной тяжести с теми, кто иначе понимал православие (например, с о. Дмитрием Дудко), — всем этим мы жили. Всякая акция КГБ против нас только углубляла нашу внутреннюю общность, но не делала, к сожалению, нас предусмотрительнее. Сейчас это звучит малоправдоподобно: кружок из 10 человек, сидя у себя в деревне Редкино (в Тверской области мы купили дом на деньги, которые нам дали монахи Почаевской лавры), преуменьшал жестокость КГБ! Семинар не был разгромлен, он уже сам начал изживать себя, и во многом из-за нашей внутренней неподготовленности к тем задачам, которые мы себе ставили. Для многих арест был тяжелым ударом. После освобождения наши пути разошлись, но большинство из нас и по сей день остаются добрыми друзьями.

Собственно говоря, община была намного важнее и интереснее журнала «Община», потому я так сравнительно много о ней рассказываю. Идея журнала обсуждалась в течение нескольких лет, начиная приблизительно с 1976 года. Дважды уже готовый корпус материалов арестовывался КГБ: в июне 1977 года в больнице в Москве, где на лечении находился А. Огородников, и в мае 1978 года в Смоленске на квартире у Т. Н. Щипковой. После обыска Щипкова была уволена из Смоленского пединститута, где она преподавала латынь и читала курс истории французского языка. Ее увольнению предшествовала безобразная кампания травли, в которую были вовлечены студенты. Решением ученого совета ЛО Института языкознания АН она была лишена степени кандидата филологических наук, а в январе 1980 года арестована и провела три года в зоне на Дальнем Востоке.

После обыска в Смоленске мы снова собрали и составили первый номер журнала и выпустили его осенью тиражом 19 экземпляров на машинке. В настоящее время в моем распоряжении находится ксерокопия журнала, изготовленная неизвестным мне лицом с одного из тех 19-ти экземпляров. Большая часть тиража была конфискована во время обысков КГБ. Местонахождение других экземпляров мне не известно.

В журнале 283 машинописных страницы, напечатанных через 1,5 интервала. В нем, как сказано в предисловии, «мы стремимся откликнуться на те проблемы, которые ставит жизнь перед современным христианским сознанием», и выразить «опыт больного молодого поколения, пришедшего в Церковь лечить свои раны», иначе говоря — путь молодого человека от марксизма к вере.

У нас не было утвержденной редакции, многое делалось сообща, например, Декларация принципов семинара. Но в основном журнал редактировали А. Огородников и я, а также поэт Олег Охупкин, который подготовил литературный раздел. В последний входили две небольших поэмы и подборка стихов самого Охупкина и большая поэма Даниила Андреева «Ленинградский апокалипсис».

Декларация принципов семинара является наиболее взвешенным и продуманным материалом журнала. Главный ее составитель — А. Огородников. В преамбуле утверждается, что «мы стоим на пороге новой эпохи, нового миропонимания и исторически нового сознания». Тоталитарная идеология не смогла перестроить человеческое сознание, но затмила его атмосферой страха. Вместе с тем приход в Церковь молодого поколения «имеет решающее значение для судеб русского христианства». Наша задача — «способствовать по мере сил освобождению Русской Церкви от оскорбительной опеки государства, способствовать высвобождению... строительной энергии». Мы стремимся построить общину как мир независимый, способный к творчеству, мир, полный Любви и Смысла.

Далее следовали разделы: «Построение православного миропозрения и получение богословского образования», «Долг миссионерского служения», «Об атеизме», «О человеке», «О молодежи», «О соборности», «О Западе». Освобождение плененной и молчащей Церкви, наведение мостов между Церковью и культурой, включение в опыт Церкви новых проблем, настоятельно требующих церковного осмысления, — для этого необходима работа над выработкой нового религиозного мировоззрения. И

снова: «Мы живем сознанием грандиозных исторических перемен»!

В своей статье «Культура катакомб. К опыту истории поколения» А. Огородников сделал попытку осмыслить идейные искания молодого человека, оторвавшегося от официальной идеологии и попавшего во «вторую культурную действительность»: «Мы видим рождение островов-общностей людей, несущих принципиально новую духовность и формирующих человека с несоветским сознанием и образом действий». Статья должна была получить продолжение, которое так и не появилось.

В разделе «Истоки и аналоги» были помещены тексты, опубликованные когда-то в малотиражных изданиях и забытые, но которые нам казались важными для понимания наших целей: записка историка К. Д. Кавелина Александру II о нигилизме, где утверждалось, что успех нигилистов во многом определяется удушливой атмосферой духовных училищ, статья художника В. Н. Чекрыгина из журнала «Маковец» (1921 г.) «О намечающемся этапе общеевропейского искусства» и отрывок из воспоминаний Андрея Белого о кружках символистов.

Следующий раздел назывался «Становление Нового времени» и включал в себя несколько писем С. Н. Булгакова к А. С. Глинке-Волжскому, статью В. Капитанчука «Онтологическая проблема в русской софиологии» и небольшой текст Л. Шестова «Борьба против очевидности» (я перевел его с французского из книги «Панорама современных идей»).

Далее следовали разделы «К межконфессиональному единству», где была помещена среди прочего молитва католиков о России, «Религиозное движение» (очерки и документы о положении Церкви и преследовании семинара КГБ).

Отдельно были опубликованы две страницы воспоминаний красногвардейца об убийстве царской семьи. Это были подлинные воспоминания, доставшиеся нам в копии, позднее я нигде не встречал упоминания о них.

Литературный раздел был последним.

Журнал заканчивался «Обращением к читателям», которое в моем экземпляре наполовину оторвано. В этом обращении мы признавали всю слабость и недостаточность нашего журнала для тех целей, ради которых он был затеян, и просили у читателей помощи, поддержки и сотрудничества в деле строительства будущей Новой России.

Общий эйфорический дух журнала вместе с тяжеловесным, неуклюжим языком, которым написана большая часть текстов и сквозь которые, тем не менее, прорывается молодая стреми-

тельность, дали повод сказать одному из наших друзей, что «Энергия здесь преобладает над мыслью». И все же этот журнал остается достаточно ярким свидетельством нескольких человеческих судеб. И самое важное: мы были на правильном пути. За исключением некоторых заблуждений и преувеличений, основные участники семинара в главном до сих пор разделяют те же взгляды.

В заключение следует сказать, что мои изложение и оценки неизбежно субъективны. Возможно, другие участники этой истории расскажут ее совершенно иначе.

Ростислав Евдокимов

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ СМОТа

Независимое профсоюзное движение, в сущности, никогда не затухало в нашей стране. Даже в сталинских концлагерях вспыхивали забастовки, а в периоды «оттепели» и «застоя» забастовочные комитеты возникали и у шахтеров и даже на оборонных предприятиях. Кассы взаимопомощи и кооперация в уходе за детьми тоже должны считаться традиционно профсоюзной деятельностью. Однако долгие десятилетия репрессивный коммунистический каток вдавливал в землю любые попытки привнесения организационного начала в рабочее движение.

Перелом наступил в конце 70-х годов, когда после неудачных попыток Владимира Клебанова и Владимира Сквирского создать свободные профсоюзы, наученные горьким опытом остатки активистов из разгромленных организаций поняли, что поддержки надо искать в тех кругах оппозиционного режиму интеллигенции, которые не имели либеральных иллюзий и предрассудков значительной части классического «диссидентства» и готовы были видеть в рабочих сознательную и грозную силу, значительно более радикальную и решительную, чем большинство столичных «инакомыслящих». Сотрудничество интеллигентов и рабочих активистов преодолевало традиционную разобщенность российского общества, обогащало инакомыслящих практическими навыками рабочих, а последних — теорией, связями с зарубежьем и навыками конспирации.

28 октября 1978 года иностранным корреспондентам в Москве были переданы Декларация о создании Свободного межпрофессионального объединения трудящихся СМОТ («Заявление»), «Организационные основы СМОТ» и «Заявление» в Международную конфедерацию свободных профсоюзов. Документы эти были подписаны Советом представителей (СП) в составе Л. Агаповой, В. Борисова, Л. Волохонского, А. Иванченко, Б. Николаева, В. Новодворской, В. Сквирского (на тот момент арестованного) и А. Якоревой. Согласно «Оргосновам» «СМОТ

является федерацией автономных групп», СП имеет только координационные функции, действия представителя группы в СП не обязательно зависят от воли группы, в СП сообщается только общая численность группы и ее возможности, но не персональный состав. Эти и почти все остальные достаточно необычные принципы были обусловлены трезвым осознанием особенностей действий в условиях коммунистического террора. С декабря 1978 года СП СМОТ приступил к выпуску Информационных бюллетеней СМОТа (ИБ).

Первые выпуски ИБ носили в значительной мере правозащитный характер. В них публиковались обращения в защиту арестованных членов СМОТ и других оппозиционеров. Так в ИБ № 1 мы находим материалы в защиту Владимира Сквирского, Марка Морозова, Валерии Новодворской, Михаила Кукобаки, информацию об обысках у А. Г. Иванченко и у А. Якоревой в Москве, М. В. Зотова в Тольятти, о задержаниях В. Борисова и Л. Волохонского в Москве и Ленинграде. В № 3 сообщается уже об аресте Л. Волохонского, об угрозах, допросах, обысках у Н. Никитина и А. Якоревой, в Москве и Ленинграде по делу «Хроники текущих событий», на Украине у тамошних диссидентов. Однако уже здесь появляется информация и о карточной системе, и о забастовке на ленинградском заводе «Ленинец» из-за убийства милиционерами старшего мастера Евгения Нилова, и о замораживании заработной платы у некоторых категорий трудящихся. Здесь же сообщается о распродаже картин члена СМОТ Л. Сергеева, средства от которой «направляются в фонд СМОТ и будут переданы вдове Е. Нилова».

ИБ № 4 и 5 практически полностью посвящены процессам В. Сквирского и Л. Волохонского, № 6 процессу Н. Никитина.

Тексты первых номеров ИБ готовились, как правило, несколькими петербуржцами: Л. Волохонским, В. Борисовым и Н. Никитиным, а также И. Каплун, которая была тогда женой В. Борисова и, будучи москвичкой, готовила ИБ № 1 в Петербурге. Перепечатывались и распространялись номера Н. Лесниченко и А. Якоревой, 4 — 6-ой номера ими же и составлялись. Характерной особенностью помещавшихся материалов являлся постоянный рост числа подписей под документами профсоюза, так, «Заявление СМОТ» из ИБ № 5 (июнь-июль 1979 г.) подписало уже 419 человек. В том же 1979 году эти выпуски ИБ были выпущены отдельной брошюрой в издаваемой НТС'овским издательством «Посев» серии «Вольное слово» (Самиздат. Избранное. Выпуск 34).

Автор этих строк услышал по радио «Свобода» о создании первых профсоюзов Клебанова и Сквирского зимой 1977-1978 года в санно-тракторном поезде на побережье Ледовитого океана

напротив Новой Земли, где он тогда работал взрывником. Естественно, в этих условиях связаться с кем-то из своих друзей в Петербурге или Москве возможности не было. Единственное, что удалось сделать, это под профсоюзными лозунгами сорвать в геологическом отряде выборы в совдепы и добиться расследования махинаций руководства и перерасчета с рабочими. После Крайнего Севера настал черед гор Закавказья, а помимо работы взрывником в геологических экспедициях приходилось заниматься судьбой отца, Бориса Дмитриевича Евдокимова, умиравшего от рака в спецпсихбольницах КГБ. В октябре 1979 г. Б. Д. Евдокимов умер, и сыну пришла пора оглядеться вокруг и решить, чем заниматься дальше.

К этому времени после первой волны репрессий против СМОТ сложилась ситуация, когда почти все активисты, способные составлять документы или редактировать ИБ, были либо арестованы (Сквирский, Новодворская, Волохонский, Никитин и др.), либо высланы из страны (В. Борисов). Большинство оставшихся были чисто профсоюзными деятелями и техническими исполнителями без журналистских навыков. Поэтому, когда автора настоящей статьи попросили сперва помочь в составлении нескольких документов, а потом возобновить и возглавить издание ИБ, он счел своим долгом согласиться. Тем более, что он еще в конце 1978 года вступил в СМОТ, а к началу 1980 года стал членом его СП.

Этому способствовали два важных обстоятельства: установившийся с конца 70-х годов тесный контакт с Народно-Трудовым Союзом российских солидаристов и знакомство с Вячеславом Долининым. Надежная постоянная связь с НТС давала гарантию того, что материалы ИБ будут быстро попадать в свободный мир и публиковаться там, значительно повышая таким образом пользу рискованного предприятия. В. Долинин имел диплом экономиста и дополнительно — социолога. Он был членом Советской Социологической Ассоциации (ССА) и благодаря этому имел доступ к полузакрытым данным («для служебного пользования»). Кроме того, В. Долинин обладал необходимыми литературными навыками. Мы с ним вдвоем и взялись в конце 1979 года возобновить выпуск ИБ.

Новая редакция столкнулась прежде всего с необходимостью выработать концепцию издания. Так как ИБ должен был распространяться прежде всего среди рабочих и служить практическим целям организации политически зрелого антикоммунистического рабочего движения, было решено прежде всего избавиться от правозащитного (или «самозащитного») характера бюллетеня. Только в самых неизбежных случаях, когда шла речь о преследованиях членов СМОТ, такие сведения крайне лако-

нично давались в разделе хроники. Даже освобождение после двухлетнего лагерного срока одного из основателей СМОТ и самого ИБ Льва Волохонского было прокомментировано буквально в трех строчках текста.

Во-вторых, редакция не сомневалась, что большинство рабочих просто не станет читать пухлый самиздатский журнал. Чудаки, конечно, бывают, но СМОТ был создан вовсе не для чудаков, а потому объем каждого выпуска не должен был превышать 12-15 машинописных страниц. Идеальным же считалось 10 страниц, что предполагало полный отказ от многословия, характерного для многих, доярвавшихся до пишущей машинки, свободомыслящих интеллигентов тех лет.

В стиле редакционных материалов было решено отказаться от академичности и писать так, чтобы читать было интересно «простому» человеку, — хлестко, раскованно, образно, не чуждаясь юмора, а порой и резкой издевки даже в изложении вполне серьезных тем. Наконец, редакция стремилась достаточно жестко соблюдать ежемесячную периодичность.

Так как в результате обысков и арестов оставалось неизвестным каким выпуском закончила издание предыдущая редакция, нумерацию продолжили условно с N 10.¹ На титульном листе продолжали писать «Москва», чтобы по возможности сбить чекистов со следа. Во избежание провалов решили все материалы печатать анонимно, снимая имя автора, даже если он сам готов был выступить под подлинным именем. Исключение делалось только для официальных документов, подписанных «открытыми» членами СП СМОТ.

Довольно своеобразно был налажен сбор материалов, технология издания и распространение журнала. Группы и отдельные члены СМОТ едва ли не со всего СССР передавали в СП СМОТ собственные заметки, хронику, статистику, информацию о том, где и на какие продукты введены карточки, сколько по ним можно «отоварить», каковы цены на рынке и тому подобное, не зная, к кому именно в конечном итоге все это попадет. Все эти данные попадали к Альбине Якоревой, которая свозила их ко мне, опять же не докладывая, от кого они поступили. Редакция соединяла их со своими материалами и отпечатывала макет выпуска в 4-х экземплярах. Первый экземпляр и копия незамедлительно сжигались, дабы исключить возможность достаточно надежного определения «почерка» пишущей машинки

¹ Издание ИБ прервалось на 6-м номере. Это стало известно нам позже. (Прим. автора).

(впоследствии гебисты были очень этим обстоятельством недовольны). Один экземпляр передавался А. Якоревой, которая увозила его в провинцию, где он перепечатывался местными машинистками, после чего тоже уничтожался. И только с таких, практически уже не определимых по «почерку» копий делались на ксероксах тиражи сперва в 100, потом в 200, 300 и более экземпляров, по обратной цепочке через СП СМОТ расходившиеся по всей стране. Конспиративная дисциплина была такова, что автор этих строк до сих пор точно не знает, в каких городах жили машинистки и где бюллетени ксерокопировались. Известно лишь, что города были самые разные и всегда существовало несколько запасных вариантов.

Один экземпляр передавался в НТС, постоянно печатавший в журнале «Посев» материалы из ИБ и обзоры Бюллетеней СМОТ. Бюллетени передавались по каналам НТС и моим собственным, ни одного провала ни разу не было. В «Посеве» работу с ИБ СМОТ вел известный писатель Владимир Мечиславович Рыбаков (Щетинский), а контакты со мной были в ведении Елизаветы Романовны Миркович (фон Кнорринг), многолетнего редактора «Посева». Последний экземпляр хранился в архиве редакции в надежном месте и, к сожалению, иногда давался читать кому-то из знакомых. Именно у одного из таких знакомых В. Долинина, Э. Пурмаля, несколько номеров бюллетеня было впоследствии обнаружено. Но меры предосторожности все же достигли своей цели, ибо КГБ так и не смог через тексты бюллетеней выйти на пишущую машинку и на авторов. Уже арестовав редакторов, гебисты лишь с большой долей условности посчитали, что найденные у Э.Пурмаля экземпляры ИБ отпечатаны на моей машинке.

Каждый номер бюллетеня состоял из двух редакционных статей по 3-4 страницы, одна из которых была посвящена какой-либо внутрисоюзной, обычно экономической или социальной теме («Итоги съезда», «Чего ожидать трудящимся от грядущей пятилетки»), а вторая, общеполитического характера, касалась более широких, часто международных вопросов («Что и сколько сделал Картер»). Социально-экономические статьи писались преимущественно В. Долининым, обзорные — мной. Впрочем, обычно в каждой из них была та или иная мера соавторства. Затем шли подборки о карточной системе, ценах и т.п. («Это не клевета, — говорили потом в КГБ, — мы могли бы вам таких фактов в 10 раз больше дать!»). Были материалы о внутренней жизни СМОТ и шире — рабочем движении (сообщения о забастовках, о разных местных инициативах).

Была, конечно, и любимая советскими журналистами рубрика «Свидетельствуют они сами», в которой перепечатывались характерно безумные заметки из советской прессы с подобающими комментариями. В ряде номеров появлялись переводы из польских изданий, переживавших тогда свой звездный час «Солидарности». Наконец, печатались официальные документы СМОТ, скажем, подготовленная редакцией и принятая СП СМОТ листовка о бойкоте «красных» (т. е. «ленинских») субботников (отдельно она печаталась тысячами экземпляров).

Как известно, история нашей независимой печати — это еще и история арестов. Насколько удалось нам в свое время узнать, обеспокоенный КГБ-Центр послал в ленинградский Комитет запрос с целью выяснить: не здесь ли «изготавливаются» мерзкие листки? Первоначально доблестные ленинградские чекисты генерала Калугина ответствовали «нет». Как же они так опозорились? Дело в том, что в петербургский СМОТ был заслан агент-provokator, некий Вадим Митрофанов, пару лет занимавшийся со мной каратэ. Этому агенту и было поручено аккуратно разузнать о степени моей причастности к выпуску ИБ. Но ленинградский КГБ не знал, что петербургский СМОТ вовремя разоблачил стукача, и я, не подавая виду, вел двойную игру, конфиденциально «проговариваясь» В. Митрофанову, что ИБ СМОТ вообще-то делаются где-то то ли в Калуге, то ли в Казани, а может быть, в Костроме, но мы в Питере тоже, конечно, иногда присылаем туда небольшие заметки...

Редакция подготовила около 10 номеров ИБ, когда через А. Якореву поступила настоятельная рекомендация СП СМОТ прекратить выпуск бюллетеней и передать дела другой редакции, так как дальнейшие «игры» становятся слишком опасны. Кто и в каком городе принимает эстафету, сообщено не было, но довольно скоро выяснилось, что это москвичи (Валерий Сендеров, Владимир Гершуни, Борис Каневский, Илья Гельцер), не умеющие (за исключением старого зэка В. Гершуни, племянника знаменитого эсера-террориста и друга А. Солженицына) и не очень-то желающие конспирироваться. К этому времени были уже подготовлены заготовки на несколько выпусков вперед, и после передачи редакционного портфеля новой редакции, сознательно перемешанные с ее не петербургскими материалами, они продолжали появляться в ИБ, выходявших даже после ареста и московской, и петербургской редакций. Отдельные заметки через А. Якореву передавались нами в очередную редакцию ИБ почти до самого нашего ареста в 1982 году. Так, их можно найти в выпусках № 23-24 и даже № 29, а то и в 30-х номерах (многие выпуски ИБ нам пока недоступны).

Еще в период работы петербургской редакции СП СМОТ стал предупреждать, что на основе «центральных» бюллетеней региональным группам разрешается и даже рекомендуется издавать собственные варианты ИБ, приспособленные для местных нужд. В ИБ № 28 (декабрь 1981 — январь 1982 гг.) уже говорится: «В случае невыхода очередного номера Информационного бюллетеня в течение более чем двух месяцев, любая группа, любой член СМОТ полномочны организовать новую редколлегию и продолжать издание Бюллетеня». Порой этот принцип приводил к курьезам: в Нижнем Новгороде бытовало одновременно два варианта ИБ с одинаковым порядковым номером, а в Самаре и Жигулях — целых три. Должен, причем, заметить, что достоверность этой информации бесспорна: эти варианты ИБ предъявлялись автору на допросах в КГБ. Сам СМОТ, как видим, действительно воспринял «молекулярную доктрину» НТС, став ассоциацией незнакомых друг с другом автономных групп, действующих сугубо подпольно и связанных между собой лишь через довольно-таки надежный СП.

Затруднительно назвать конкретные причины разгрома московской редакции. Скорее всего, из-за упомянутого уже отсутствия привычки к конспирации. Обыск у В. Сендерова состоялся 6 апреля 1982. 17 июня 1982 года он был арестован вместе с В. Гершуни, Б. Каневским и И. Гельцером. Тогда же прошли обыски у математика Юрия Шихановича, поэта Алексея Ивантера и нескольких студентов (Владимира Мандельштама, Николая Успенского и Нины Докучава). 15 июля обыски состоялись у Федора Финкеля и его сестры Лилии, Эдуарда Малышева, Александра Кораблева, Елены Кулинской и Светланы Маятниковой. Позднее В. Сендерову по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») дали 7 лет лагерей строгого режима, из которых он отбыл около 4 с половиной лет. Освобожден по амнистии.

14 июня 1982 г. начались «СМОТовские» обыски в Петербурге. По результатам обыска был арестован В. Долинин (у него нашли много сам- и тамиздата). Меня же арестовать не удалось: обыск не дал практически ничего, а на допросах я отрицал даже сам факт знакомства с В. Долининым. В тот же день прошли обыски у Э. Пурмаля и Б. Маниловича, тотчас покаявшегося и давшего исчерпывающие показания. Однако достаточных улик на меня не смогли дать даже они, не смог ничем помочь родному ЧК и В. Митрофанов. И тогда пришлось прибегнуть к «тяжелой артиллерии».

В «олимпийский» 1980 году у меня скопилось довольно много разнообразных материалов от разных людей, просивших передать их статьи и целые книги на Запад, так как они знали,

что у меня есть канал, а на Олимпиаду ожидался массовый наезд туристов, в том числе и «орлов»¹ Однако из-за бойкота Олимпиады Западом туристов оказалось меньше обычного, а по «олимпийским» городам прокатывались волны обысков. В этих условиях держать пакет с чужими материалами стало опасно, и я в первый и последний раз попробовал использовать чужой канал. Юрист московской организации СМОТ Всеволод Кувакин давно предлагал передавать материалы на Запад через него, так как он по 2-3 раза в неделю открыто встречался с иностранными журналистами. Ему и был передан пакет из Петербурга. Но он не сумел передать его иностранцам сразу и спрятал у кого-то из своих друзей. Туда пришли с обыском и пакет забрали. К сожалению, В. Кувакин не нашел в себе мужества признать свой промах, стал утверждать, что не помнит: пропали ли пакет на обыске или он все же успел его передать. Теперь на очередном допросе (22 июля 1982 года) пакет мне был предъявлен заместителем прокурора города по надзору за деятельностью КГБ Инессой Васильевной Катукковой (бывшей за 10 лет до этого обвинителем на последнем процессе моего отца Бориса Евдокимова) и майором госбезопасности Владимиром Васильевичем Егеревым. Я отказался давать пояснения по пакету и был, наконец, арестован.

Однако накануне я успел встретиться с А. Якоревой, которую под угрозой ареста КГБ заставлял тогда эмигрировать с двумя маленькими детьми. Мы договорились об условном вложении в передачу, получив которое я узнаю, что А. Якорева пересекла границу СССР. До получения этой передачи я полностью отказывался от участия в процессе, после — получил возможность выстроить непротиворечивую версию, в которой все, что не удавалось взять на себя и не признавалось другими арестованными, можно было приписать А. Якоревой. Позднее недосмотр КГБ привел меня в московском «Лефортово» в камеру, из которой за час до меня забрали В. Сендерова на экспертизу в «Серпы» (Институт судебной психиатрии им. Сербского). Когда я сам туда попал, то в политпалате нашел и продолжил летопись палаты, которая затем была вывезена в лагерь А. Смирновым и передана оттуда на волю мной. Там же удалось передать записку с «последними известиями» содержащемуся в «общей» палате В. Гершуни. А вот как оценили нашу деятельность гебисты: мне — 5 лет строгого режима и 3 года ссылки, В. Долинину — 4 года и 2 соответственно, В. Гершуни — прину-

¹ «Орлы» — связанные НТС (Прим. автора).

длительное «лечение» в «психушке». Осенью 1982 года был повторно арестован Л. Волохонский, получивший 5 лет строгого режима и 4 года ссылки. Все мы освободились в 1987 года по перестроечной полуамнистии-полуреабилитации.

Остается добавить, что ИБ СМОТ издается и сейчас перебранным в Москву Л. Волохонским и О. Корзининой под эгидой ИАС — Информационного Агентства СМОТа. Общее число вышедших выпусков — около 100.

Александр Скобов

«ПЕРСПЕКТИВА» — ЖУРНАЛ НОВЫХ ЛЕВЫХ

В 1978 году группой ленинградской молодежи были выпущены два номера небольшого машинописного журнала. Ядро группы составили бывшие ученики 121-й физико-математической школы — Андрей Резников, Аркадий Цурков и я. В группу входили, помимо выпускников 121-й школы, две Ирины, которые потом стали женами Резникова и Цуркова, а также наш друг Алексей Хавин, с которым я познакомился при весьма примечательных обстоятельствах. 14 декабря 1976 года мы оба пришли на Сенатскую площадь посмотреть, не будет ли попытки повторить разогнанную властями год назад диссидентскую демонстрацию по случаю годовщины восстания декабристов. Разговорились. Оказались во многом единомышленниками...

Итак, было выпущено два номера. Готовился к выходу третий, но выпустить его мы не успели. В октябре 1978 года в результате тщательно подготовленной и блестяще проведенной широкомасштабной операции Управлением комитета госбезопасности Ленинградской области наша деятельность была пресечена.

Объем нашего журнала — 30-40 страниц форматом в половину стандартного машинописного листа. Тираж — 10-12 экземпляров. Две закладки на машинке. Пару экземпляров второго номера я успел дополнительно отпечатать фотоспособом.

Первый номер вышел без названия, по поводу которого никак не смогли договориться. Ко второму номеру все же сошлись на названии «Перспектива». Издание имело подзаголовок: «общественно-политический журнал ленинградских левых». И мы действительно были очень левыми. Не в нынешнем, а в традиционном, общепринятом в те времена значении этого слова. Основой нашего мировоззрения была своеобразная смесь из идей марксизма и анархизма. Именно такая смесь идей была характерна для леворадикального движения на Западе в 60-70-е годы, которое именовалось «новые левые». И мы сознательно подчеркивали наше идейное родство с этим движением. Главными моментами, определявшими наши взгляды, были:

1) неприятие западных «буржуазных» ценностей и вера в торжество коммунизма;

2) сознательная установка на активную политическую борьбу за изменение существующего в СССР строя;

3) неверие в способность этого строя совершенствоваться и надежда на свержение существующей власти в результате народной революции

Сегодня приходится сталкиваться с утверждениями, что подобные установки были характерны лишь для самого раннего периода советского инакомыслия — периода 50-х — начала 60-х годов. Инакомыслие же 70-х базировалось на ценностях западного либерализма и не стремилось к политической борьбе. Диссиденты-правозащитники лишь защищали от существующей власти свою интеллектуальную свободу. Подобные утверждения часто бывают основаны на ставшем сейчас весьма модным отрицании за леворадикальной идеологией права на существование в цивилизованном обществе.

При такой установке все получается очень просто: леворадикальные взгляды — отрывка советского идеологического воспитания и последствие информационной блокады, результат существования «железного занавеса», когда люди просто не имели возможности ознакомиться с какими бы то ни было альтернативными идеями. Как только кругозор стал чуть пошире, эту «детскую болезнь» тут же преодолели.

Но, во-первых, упомянутые факторы продолжали действовать и в 70-е, и даже в 80-е годы. Я, например, до своего первого ареста в октябре 1978 года из там- и самиздата держал в руках лишь отрывок почти «слепого» машинописного экземпляра сборника «Из-под глыб» да фотоконию одного из номеров журнала «Континент» (тоже, кажется, не целиком).

Во-вторых. Последнее время много и, в общем, правильно говорят и пишут о том, из каких темных глубин человеческой души рождается отрицание частной собственности. Я же полагаю, что темные глубины — не единственный источник подобного отрицания. Это попытка, пусть и неудачная, ответить на извечный вопрос: как людям достичь братства между собой? Я уверен, что это был главный и самый глубинный побудительный мотив у каждого из участников группы, объединившейся вокруг журнала «Перспектива».

Именно потому, что не все в этом вопросе так просто, мне представляются наиболее интересными в истории журнала наши идейные искания. На них я и сосредоточусь.

Действительно, многое в наших взглядах было «отрывкой советского воспитания». Мы разделяли утопическую веру в то, что с помощью политических и экономических преобразований можно решить все человеческие проблемы. Сознаемся, что наши представления о современном капитализме основывались на том

образе, который создавался официальной пропагандой. Мы в полной мере испытали также воздействие известного обаяния культивировавшейся революционной героики и революционной романтики. Нам с детства внушались идеализированные, лубочные представления о революции вообще. Понимание, что любая революция имеет и темные стороны, приходило не сразу, а марксизм с его претензией на универсальность, казался стройной и целостной, научно обоснованной системой и этим привлекал. Привлекала сама его безапелляционность, всегда действующая на неокрепшие умы. Казалось, что с помощью марксистских схем можно все разложить по полочкам и ответить на все волнующие нас вопросы.

С другой стороны, было очевидно, что существующая власть в своих явно корыстных интересах обращается с марксизмом, мягко говоря, некорректно. И мы решили, что достаточно очистить марксизм от искажений, внесенных в него реакционной властью, творчески развить его, то есть дать истинно марксистский анализ существующего положения, и всем сразу станет очевидна порочность нашей общественной системы, и будет указан единственно верный путь в будущее.

Эту задачу — задачу развития передового учения и вооружения этим учением оппозиционных существующему режиму сил — и ставил наш журнал. В этом вопросе мы целиком шли за Лениным. Наш печатный орган должен был стать коллективным пропагандистом и коллективным организатором.

Марксистскую оценку существующему в СССР строю мы дали довольно быстро. Мы определили его как высшую стадию государственно-монополистического капитализма, когда само государство становится единым и единственным коллективным капиталистом. Некоторые из нас считали целесообразным для этой формации ее самоназвание «социализм», пополнив его новым содержанием. Споры о названии занимали не последнее место в процессе творческого развития «передового учения».

Быстро мы нашли и господствующий, эксплуататорский класс в советском обществе. Назвали его партийно-государственной бюрократией. Слово «номенклатура» нам было тогда еще не знакомо, и про Джиласа мы ничего не слыхали. Вообще, мы пребывали в приятном заблуждении, что до всех этих истин додумались первыми в мире.

Несколько дольше мы искали передовой класс, класс — «авангард всех трудящихся», класс-гегемон будущей коммунистической революции. Но в конце концов нашли и его. Им оказалась современная интеллигенция. На нее мы просто перенесли все характеристики, данные в «Манифесте коммунистической партии» тогдашнему пролетариату. И самая быстро растущая, и связанная с наиболее передовыми знаниями, и терять ей вроде бы особенно нечего.

Насколько мы были в плену у догм, видно хотя бы из того, что мы вынуждены были признать наш строй исторически прогрессивным по сравнению с капитализмом. Из теории железно следовало, что каждая новая формация прогрессивнее предыдущей.

Дальше встал вопрос: способен ли еще этот строй к дальнейшему развитию, или он исчерпал свои прогрессивные возможности, и тогда на повестке дня стоит коммунистическая революция? Решили, что исчерпал. Во-первых, потому что поскорее хотелось революции, во-вторых, потому что, как известно, советский режим никаких легальных возможностей бороться за его развитие и совершенствование не предоставлял. Этим он превращал в крайних радикалов людей, которые при других условиях, возможно, такими радикалами не были бы.

Как мы представляли себе тот коммунизм, к которому так стремились? Это общество, в котором не будет никакой собственности и никакой государственной власти. Организовано оно будет в добровольные самоуправляющиеся ассоциации, вступающие в свободные соглашения между собой. При этом мы весьма туманно представляли себе, как станет действовать экономика такого общества. Должен сказать, что идея рыночной экономики была нам совершенно чужда и непонятна. Идею групповой собственности рабочих коллективов на свои предприятия кое-кто из нас разделял, но большинство относилось к ней весьма прохладно и считало ее мелкобуржуазной.

Сложнее обстояло дело с вопросом, надо ли бороться за демократические свободы. В глубине души, конечно, каждому из нас хотелось и многопартийности, и свободы печати, и свободы собраний. Но догмы обязывали относиться к этим вопросам, как к второстепенным, ибо они — чисто «надстроечные». Кроме того, было достаточно понятно, что советской системе демократия не свойственна. Из монополизма экономического неизбежно следовал и монополизм политический. А по нашей схеме сразу после советской социалистической (или госкапиталистической) формации должен был наступить непосредственно коммунизм. Демократии без коммунизма взяться было неоткуда. Так что за чрезмерное увлечение общедемократическими требованиями в нашей компании можно было запросто схлопотать кличку ревизиониста и оппортуниста.

Эту проблему после долгих мучений, наконец, решили по-ленински: ввели в нашу теорию тезис о перерастании демократической революции в коммунистическую. И надо сказать, что этот ленинский тезис нам сильно помог. Во-первых, он позволил нам, хотя и со скрипом, с оговорками, но все же признать теоретическую допустимость мирного пути развития революции:

возможно, удастся сначала добиться от существующей власти политических свобод, а потом в условиях этой относительной свободы свергнуть господствующий класс без кровопролития (или почти без кровопролития). Во-вторых, этот замечательный ход позволил нам решить самую болезненную для нас проблему — проблему взаимоотношений с немарксистскими оппозиционными силами.

Первоначально мы все страдали своеобразным марксистским идеологическим снобизмом. На других смотрели свысока: не владеют, мол, передовым учением, старались подчеркивать свою особость, в других видели соперников, с которыми надо вести идейную борьбу. Но постепенно пробивало себе дорогу чувство солидарности, чувство единения и общности со всеми гонимыми и преследуемыми советским режимом. С братьями по несчастью хотелось дружить, а не бороться.

Гениальный ленинский тезис позволил нам хотя бы временно увязать концы с концами в наших мятущихся душах. Полностью мы преодолели снобизм и сектантство лишь много позже — уже после прекращения издания журнала и арестов. Дорога к признанию общечеловеческих ценностей была неблизкой. И каждый из нас пошел своим путем к этой цели.

Теперь о содержании журнала. Первый номер был чисто теоретический. Второй — чуть разнообразнее. Там уже была страничка юмора (два маленьких сатирических «антисоветских» стихотворения) и подборка воспоминаний очевидцев о молодежных волнениях 4 июля 1978 года в Ленинграде. Дело в том, что летом этого года власти пообещали провести на Дворцовой площади концерт под открытым небом нескольких западных рок-групп. В последний момент концерт отменили, но народ все же собрался. В основном это была хиппующая молодежь — страстные поклонники рок-музыки. Стихийно возникла демонстрация, которую разгоняли на Невском с помощью поливальных машин. Все это было достаточно необычно для того времени.

Мы, конечно, увидели в этом пробуждение независимого общественного движения. Мы вообще возлагали чрезмерные надежды на революционность хиппи, сильно нами преувеличивавшуюся. Так вот именно для наведения мостов с хиппующей публикой мы собрали и напечатали эти рассказы.

В третьем номере, который мы так и не успели выпустить, планировалось дальнейшее «наведение мостов», на этот раз с буржуазно-либеральной оппозицией. И чтобы показать презренным либералам, какие мы терпимые, демократичные и лояльные партнеры, мы намеревались напечатать письмо одного из

них с критикой в наш адрес. Естественно, предполагался и наш ответ.

Что случилось дальше, после того, как нас «замели»? Двоим — мне и Аркадию Цуркову — была предъявлена статья 70-я УК — антисоветская пропаганда и агитация с целью подрыва и ослабления существующего строя. Мы и не пытались отрицать, что стремились его подорвать и ослабить, о чем не сожалеем и сейчас. Аркадий получил 5 лет лагерей и два года ссылки (в лагере ему добавили еще 2 года заключения), меня же после суда «сплавили» в психушку. Выпуск журнала «Перспектива» больше не возобновлялся.

Сергей Левин

«СУММА» С ПОЗИЦИЙ СЛАГАЕМОГО

Сегодня, когда так ярко выявилась политическая, национальная, религиозная, идейная разобщенность интеллектуальных сил страны, призыв журнала «Сумма» к СИНТЕЗУ, к общению, духовному взаимообогащению и интеграции приобретает то особое значение, которое только сама жизнь и может придать общественной мысли.

«Сумма» не только взывала к общению — и это в период, когда, освобождаясь от насильственной общности и пустой обобщенности социализма, все начинало дробиться, мельчать, обособливаться, отделяться — она вышла из общения, родилась в общении. Ей предшествовал и сопутствовал возникший еще в конце шестидесятых философский, точнее, наверное, мировоззренческий семинар, проводившийся сперва в стенах математико-механического факультета Ленинградского университета, а затем на квартире одного из его инициаторов и будущего редактора журнала, Сергея Юрьевича Маслова.¹

Однако, прежде чем обратиться к личности основателя журнала, хотелось бы выделить ту особую роль, которую играло в советском «андергаунде» шестидесятых-семидесятых годов, научное и, в частности, математическое сообщество. Активный интерес ученых к общественной мысли известен, здесь достаточно добавить к имени Маслова такие известные имена, как Р. Пименов, И. Шафаревич, Ю. Шиханович и другие. Открывая, как Америку, правовые основания современной цивилизации, духовные ее корни, собственными, пусть неуклюжими усилиями, вскрывая многослойную проблематику тоталитаризма, смело подступая к самым непостижимым тайнам истории, они не просто одушевляли сомнамбулическое общественное сознание, но и укрепляли веру во всеобщее, единое, сообщаемое, когда все расплзлось на частное, фрагментарное, нечленораздельное. В этом сообществе исследовались философские проблемы личности и

¹ Двое других инициаторов семинара: ныне живущие в Америке математики Михаил Гельфонд и Владимир Лившиц.

общества, подвергался суровому суду социализм как некая вне-историческая интеллигентная субстанция зла, на чрезвычайно скудной информационной базе производились сложные исторические изыскания, анализировалась политическая действительность, делались экономические прогнозы, строились замысловатые эстетические теории. Во всем этом было немало и экстравагантного, и забавного, но главное, при этом всерьез с научной методичностью и на высоком интеллектуальном уровне возрождались русская духовная традиция споров о вещах самых общих и отвлеченных как самых важных и самых насущных, традиция, отрицающая как узкопрофессиональный снобизм, мистифицирующий особым жаргоном простую суть философии, так и обывательское равнодушие, отсылающее философов напрямик к психоаналитику для лечения.

Конечно, логик по специальности Сергей Маслов и по складу ума, и по всем своим пристрастиям рационалиста принадлежал к этому сообществу. Конечно, дефиниции и формулы он предпочитал образам и метафорам. Конечно, он стоял ближе к «западникам», чем к «почвенникам», когда в очередной раз русское общественное сознание раскололось на два этих традиционных течения. Все это, однако, не только не препятствовало его общению с людьми иных стран, пристрастий и взглядов, но даже, будучи осознано как неполное, недостаточное, напрогив, притягивало к иному, если это иное не навязывало себя как единственное, способное поглотить и интерпретировать все остальное. Отсюда широкий спектр интересов семинара: от истории сектантства в России до неотомистской теории государства, от исследования зависимости архитектурных стилей от форм правления до концепции эволюции Тейяра де Шардена. Отсюда и идея журнала «Сумма».

В своего рода кратком манифесте, открывавшем почти каждый ее номер, следующим образом декларировались цели журнала: «Скромная цель этого издания — способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная — искать пути к СИНТЕЗУ. Это стремление и составляет главный содержательный принцип журнала.» Я не знаю, понимал ли автор этой декларации синтез по Гегелю, как снятие противоречий или как метод исследования обобщением, но я убежден, что, стремясь к синтезу, сам он никогда и никаким образом не претендовал на роль «синтезатора». «Сумма» скорее издавалась с позиций слагаемого, расположенного к суммированию.

Это и потянуло участвовать в «Сумме» с такой охотой необычайно широкий круг авторов от истовых диссидентов до благонамеренных конформистов, от социальных изгоев без постоянных источников средств к существованию до солидных представителей научного «истеблишмента». Ведь, можно сказать,

единственное, что от них требовалось, — это приличное и достойное поведение на предоставленных им страницах. Мало ли этого? Как показал опыт издания «Суммы» и последующий сегодняшний «разгул демократии», очень и очень много. Оскорбления и брань в печати с неотвратимостью предвещают кровь в жизни. Жанр рецензии, реферата, обзора требует особой тактичности — умения ограничить себя и проникнуть в духовный мир другого, особенно если критика обращена в среду запрещенных и анонимных авторов. Только величайшая щепетильность может предохранить реферативный журнал от превращения его в поле склок и взаимных наветов противоборствующих сторон или монополю на истину редакции. Как раз эта высокая щепетильность и характеризовала «Сумму», хотя в число ее авторов входило немало страстных полемистов и добросовестных педантов. Когда критический пафос рецензируемых работ уже сам по себе достигал той точки, где эмоциональный заряд превалировал над смыслом, как было, например, в случае известной полемики между Бернштамом и Максудовым, на специальном совещании с участием сочувствующих той и другой из противоборствующих позиций вырабатывался если не consensus по предмету спора, то уважительное взаимопонимание и уж, во всяком случае, корректный тон рецензии.

Что касается ведения журнала, то кроме щепетильности, я бы отметил еще особую гражданскую чувствительность его главного редактора. Следуя своей «скромной цели», журнал реферировал широчайший для условий нелегального существования круг произведений, газет и журналов самиздата и тамиздата. Должное внимание уделялось всем сторонам духовной и культурной жизни несоветской России. Но искусственного нивелирующего равенства не было: в разгар войны на уничтожение, которую вел Комитет Государственной Безопасности против правозащитного движения — а журнал, следует помнить, выходил именно в эти годы повальных арестов, с 1979 по 1982 год, — «Сумма» предоставляла приоритет материалам по правам человека в СССР. Регулярно выражалась солидарность с узниками совести, преследуемыми властями за убеждения, специальная большая подборка, легшая в основу сдвоенного 7-8 номера «Суммы», была посвящена ссылке в Горький Андрея Дмитриевича Сахарова. «Сумма» не была безразлична к значительным явлениям и событиям за рубежом. Ее волновали успехи польского рабочего движения, интересовала философская «новая волна» во Франции. Она была любопытна и хорошо эрудированна. Ею реферировалось более 20 журналов, включая обязательные «Континент», «Вестник русского христианского движения», «Хронику текущих событий» и т. д. Авторы, как, правило

печатались под псевдонимами. И сегодня, хотя у меня и сохранились некоторые автографы, мне не расшифровать имена большинства сотрудников журнала. Хотя имена самых активных участников издания мне, конечно, известны. Большую помощь Сергею Маслову оказывала его жена Нина, тоже математик, активный участник и гостеприимная хозяйка семинаров. Под псевдонимом Нестор легко распознать другого известного математика, известного диссидента, дожившего до депутатства, но ныне, к сожалению, покойного Революта Пименова, а под псевдонимом Кукушкин — его друга патентоведа и, конечно, математика, а вдобавок правозащитника Эрнста Орловского. Р. Г. — нехитро маскировался опять же математик Роман Гордеев. Известно мне также об участии в журнале Сергея Дедюлина, Вячеслава Долиннина, о технической помощи Валерия Репина и Натальи Лесниченко. А вот об Анатолии Вершике, докторе физико-математических наук и профессоре ЛГУ, я узнал только благодаря недавно опубликованной им в «Звезде» заметке, посвященной памяти Маслова, о нашем, как он выразился «потайном дайджесте времен застоя».

Насколько он в действительности был тайным, что знал о журнале Комитет и как к нему относился, судить с нашей стороны очень трудно. Насколько мне известно, «Сумма» никому не инкриминировалась и в допросах — а в те годы добрая половина сотрудников журнала прошла через аресты, допросы и обыски — если и упоминалась, то очень редко и ненавязчиво. Что было тому причиной — малый ли его тираж — редакцией печатались 5-6 номеров в Ленинграде и 5-6 в Москве, — приписываемый ли ему с колокольни Большого дома малый вред /ведь журнал не перепечатывался, понятно, за границей/ или запланированная бесшумная акция, устраняющая его незаменимого лидера, державшего в своих руках все необходимые связи, мы сможем узнать только с помощью той стороны, буде у нее вдруг появится охота к покаянию и гласности. Напомним только, что серьезного расследования автомобильной катастрофы, в которой погиб в июле 1982 года Сергей Маслов, произведено не было.

Гибель Маслова и череда арестов 1981-82 гг. прервали попытку ленинградского «андеграунда» выбраться из своего одинокого катакомбного существования через информацию и свободное общение. Журнал быстро стал библиографической редкостью. К счастью, сегодня одна из его полных копий передана на хранение в университет в Беркли. Другой располагает Нина Маслова. Итак, журнал сохранился, осталась о нем добрая память у всех тех, кто в нем работал. Осталось и сожаление,

что такое важное дело преждевременно прервалось трагической гибелью его редактора.

Оценить общественное значение машинописного журнала, вышедшего всего восемью номерами и крайне ограниченным тиражом, очень трудно. Но многим из нас кажется бесценным его значение как фактор личной биографии. Идея синтезировать, идя от себя, а не к себе и в себе, синтеза в общении, а не в объединении, через инакомыслие, а не единомыслие, представляется мне весьма плодотворной и еще мало разработанной. Надеждой на возобновление подобного издания в наши более благоприятные для такой деятельности времена мне и хочется закончить мое сегодняшнее выступление.

Галина Григорьева

К ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Альманах «Женщина и Россия», журнал «Мария».

В семидесятые годы на небосводе неформальной культуры Питера выделилось несколько ярких женских дарований. Из них назовем здесь тех, кто принял участие в женском движении 80-х годов. Это Татьяна Горичева — философ, эссеист, в дальнейшем теолог, вернее, православный богослов. Юлия Вознесенская — поэтесса, правозащитница, в дальнейшем писательница и журналистка. Татьяна Мамонова — художница, поэтесса, преподает в колледже США курс по истории женского движения в России.

Круг творчески одаренных женщин, проявивших себя во «второй» неформальной культуре, конечно, этими именами далеко не исчерпывался, однако не все из художниц, поэтесс, основательниц и хозяек домашних салонов сознательно вошли в совершенно новое в нашей послевоенной культуре движение, которое позволю себе назвать «новым русским феминизмом». Мы сами не осознавали женского начала в нашей «подпольной» культуре до того случая, когда вырвавшаяся из Союза одной из первых Наталья Шарымова, как нам стало известно, прочла в Италии лекцию о феминизации культуры в Ленинграде. Итак, явление было названо...

Первый номер альманаха «Женщина и Россия» я держала в руках в ноябре 1979 года, сидя на скамейке бульвара на улице Правды, возле дома, в котором жила Татьяна Мамонова. Она сделала все сама: перепечатала материал, переплела, оформила, а, главное, нашла женщин-авторов, которые с готовностью откликнулись на ее проект. Привела меня сюда, представила и рекомендовала как возможную сотрудницу Татьяна Горичева, чья статья «Радуйся, слез Евиных избавление» приблизила мне этот далеко не однородный и противоречивый сборник.

Думаю, бесспорным и для читательниц-женщин и для читателей-мужчин, и для власть предержащих, было то, что альманах нелицеприятен, беспощаден в критике, «срывании масок». Пожалуй, он казался более взрывоопасным, чем «мужской» — политический, правозащитный самиздат. Такое впечатление складыва-

лось благодаря эмоциональной напряженности, сгущенности и предельной искренности, открытости собранных женских произведений, будь то религиозно-философское эссе Татьяны Горичевой, поэтические переводы Елены Шварц или стихи и рисунки Татьяны Мамоновой. Бытовые зарисовки, критические заметки, письма, искусствоведческие статьи — все это женский вопль.

Стоит привести полностью содержание первого номера альманаха «Женщина и Россия», который с легкой руки парижских феминисток, уже в декабре был перепечатан в их еженедельнике. И стал широко известным и общезначимым фактом международной политической и культурной жизни.

ЖЕНЩИНА и РОССИЯ

Альманах
ЖЕНЩИНАМ О ЖЕНЩИНАХ

Выпуск I

10 декабря 1979 г.
Ленинград

«Эти добрые патриархальные устои» — Редакция Альм.
«Радуйся, слез Евиных избавление» — Т. Горичева
«Материнская семья» — Н. Малаховская
«Роды человеческие» — Р. Баталова
«Обратная сторона медали» — В. Голубева
«Золотое детство» — Ваня Пазухин
«Письмо из Новосибирска» — Ю. Вознесенская
«Расклейщица афиш» (новелла) — И. Тищенко
«Летающие ящеры» (рассказ) — С. Соколова
«Поэзия» — Т. Мамонова
«Махалеви» (перевод) — Е. Шварц
«С гомеровским величием и сафической чистотой» — Ж. Ивина

ВОЗЗВАНИЕ

Здесь не названа моя статья-интервью «Женщина в тюрьме». Ее я передала Мамоновой лишь в декабре, поэтому ее включили как приложение в книжный вариант первого номера альманаха. Нелегально переправленная к нам в количестве 10 экземпляров,

эта зелененькая книжечка безжалостно конфисковывалась при обысках. А через месяц после ее выхода в свет моя статья была опубликована в еженедельнике «Юманите Диманш» в рубрике «Документ недели», из соображений конспирации, без указания автора. Хочу отметить, что это была одна из первых публикаций, рассказывающих об обыденных ужасах советского тюремного существования, при этом была приоткрыта завеса над запретной в печати темой лесбийских отношений в наших женских тюрьмах.

Одна немаловажная черта женского самиздата: большинство его авторов, за исключением разве что таких признанных как Татьяна Горичева, Юлия Вознесенская, Елена Шварц, не смогли реализовать свой творческий потенциал не только в официальной культуре, но и в «традиционном» самиздате из-за якобы «непрофессиональности», «второсортности» своих сочинений. На самом же деле эта непрофессиональность была ярко выраженной «женской спецификой» их творчества.

Какова же дальнейшая эпопея женского самиздата? Сразу же после первого номера позиции авторов расходятся и возникают две группировки, два течения в женском движении. Первое — «Женщина и Россия», а в дальнейшем «Россиянка» во главе с Татьяной Мамоновой, а после ее отъезда на Запад — Верой Голубевой (псевдоним Наташи Мальцевой), арестованной, но через несколько месяцев освобожденной. Позиция этих авторов была чисто феминистической, близкой западному феминизму. Второе — совершенно новое, повергшее в изумление даже издававший виды Запад — направление журнала и клуба «Мария», в котором парадоксально, но органично сочетались феминизм и христианство, остро приправленные правозащитным пафосом и резкой социальной критикой всех реалий «совдепа».

Противостояние этих группировок лично меня огорчало. Делая попытки их примирить, я сотрудничала и писала для одной и для другой.

Напомню, что шел печально знаменитый год московской Олимпиады. После весеннего отъезда Юлии Вознесенской летом под давлением КГБ отбыли на Запад Татьяна Горичева, Татьяна Мамонова, Наталья Малаховская. Подготовленная многочисленными публикациями общественность Запада встречала их как героинь и изгнанниц.

После отъезда наших вдохновительниц клуб и журнал «Мария» продолжал существовать в течение двух лет нелегально — до ареста Натальи Лазаревой весной 1982 года. Это явление на Западе получило название «христианизация феминизма в России». И даже сейчас во время «демократической» вседозволенности, круг тем и материалов «Марии» поражает каким-то необычным предвидением ныне начавшихся и, возможно, еще грядущих процессов в России.

Не имея достаточного воображения, необходимого для эмиграции, я пребывала некоторое время в полулегальном состоянии

в небезызвестном белорусском городе Речица — на родине художника Саши Исачева, ныне покойного, и его ныне здравствующего друга Валерия Коновалова, журналиста радиостанции «Свобода».

Трудно обозреть массив материалов, частью изданных на Западе, частью конфискованных и утраченных, однако, общую концепцию «Марии» можно охарактеризовать как активное осознание своего положения современной женщины-христианки. Причем, авторами были не только женщины. Так из мужчин стоит назвать небезызвестного журналиста Сергея Шолохова, писателя Дмитрия Аксельрода, вслед за тем посаженного на 18 месяцев по статье 190-1 за свой роман «Братья Красовские», оригинального фотографа и драматурга Бориса Кудрякова, художника Кирилла Миллера.

За два года было выпущено шесть номеров, готовился седьмой. Но опустошительная эмиграция продолжалась. Из Союза выехала Татьяна Беляева, ныне сотрудница Международного Общества Прав Человека, — выехала с сыном, ожидая второго ребенка. Елена Шаныгина покинула Союз с мужем и двумя детьми, так же как Анна Малонго. Далее, Алла Сарибан, кандидат наук, физико-химик, ныне преуспевающий ученый в Германии, Ирина Жосан с мужем, Наталья Савельева, Рената Сычева и многие другие, причастные к женскому движению.

Оставшиеся участники, их родственники, друзья и знакомые подвергались непрестанному давлению: обыски, допросы, увольнения с работы, помещения в «психушки» и всевозможные угрозы. Дело Лазаревой вообще не имеет себе равных по абсурдности, натянутости предъявленных обвинений и жестокости наказания, примененного к одинокой, беззащитной женщине, способной художнице, а также массовости «охвата» привлеченных свидетелей из среды творческой интеллигенции. Составляли досье на всех, кого обнаруживали в конфискованных записных книжках.

Обличающие статьи появились в журнале «Советская женщина», в ленинградских газетах, а также в оригинальном издании, ставшем бестселлером 80-х годов, — «Приглашение в западню».

Ныне, когда волна разоблачений застойного времени уже идет на убыль, информация о женском движении 80-х годов время от времени всплывает в печати, но даже эти скудные сведения вызывают большой интерес, так как многие из обозначенных тогда проблем встали теперь во главу угла общественной жизни.

Поэтому пора обнародовать эти материалы, рассказать историю изломов человеческих судеб, вернуть нашим читателям утраченные свидетельства.

Кирилл Бутырин

У ИСТОКОВ «ОБВОДНОГО КАНАЛА»

Признаюсь, для меня есть нечто парадоксальное в том, что редактор самиздатского, т. е. по основному смыслу этого слова — неофициального, журнала должен делать доклад, посвященный истории своего издания, и делать его не где-нибудь, на частной квартире, например, и не в Клубе-81, а в стенах официального учреждения под названием Государственный Музей политической истории /вчера еще Музей Октябрьской революции/ в рамках конференции почти научного характера.

Если самиздат стал — для верного ему в течение многих лет читателя и, главное, для самого себя — историей, приятным воспоминанием, но не более, просто официальным музейным экспонатом, пусть с положительной окраской, то это по существу означает, что свое существование он прекратил, что его покинул дух бунтарства и критического отношения к любому официозу, без которого невозможно не только его бытование, но, думается мне, и воссоздание собственной истории. При этом не имеет значения: прекратилось издание журнала в 1980 году / под давлением обстоятельств/ или в 1990 /вследствие эйфории демократических перемен/. Одно из двух: или сохраняется дух самиздата со всеми присущими ему качествами, в числе которых и способность, если нужно, идти «против течения», или происходит отказ от него, оправдываемый тем, что самиздат «свою задачу выполнил», ибо «вторая», неофициальная литература, являвшаяся его содержанием, победила, получила права культурного гражданства, если не более...

Нельзя не сказать об этих вещах, если хотим говорить о самиздате всерьез. Ведь несмотря на то, что многое, особенно за последние пять лет, изменилось, основная коллизия, заставлявшая людей обращаться к самиздату, продолжает существовать. Это, в самых общих чертах, противостояние самобытно живущей личностной стихии правды и обладающей поразительной способностью к самоорганизации, к разрастанию и к тому же технически хорошо оснащенной сферой идеологии.

И в этом отношении журнал «Обводный канал», о котором пойдет речь, не собирается сдаваться. Хотя последний /18-й/ его номер вышел в конце 1991 года, а когда выйдет следующий, пока неясно, сама культурная и общественная ситуация заставляет нас, его издателей, и наших авторов сохранять веру в самиздат, в новые его возможности в новых и не менее трудных, чем десять лет назад, обстоятельствах. Одна из проблем, стоящих перед нами, и далеко не самая главная, это осмысление своего самиздатского, диссидентского прошлого, своих истоков. Сейчас представился случай вкратце рассказать историю журнала «Обводный канал» тем, кто знаком с ним понаслышке.

Многое в специфике «Обводного канала», в его эволюции — а о последней есть основания говорить — станет понятнее, если посмотреть на какой культурной почве и при каких обстоятельствах он возник. Было бы ошибкой представлять «вторую культуру», всю совокупность духовных проявлений, существовавших под, над и рядом с официально санкционированной культурной деятельностью, в виде какой-то однородной массы, противостоявшей господствующему режиму и объединенной некоей общей идеей. Общим объединяющим моментом было отталкивание от официальной идеологии — омертвевшей и насильственно навязываемой. Степень интеграции, причем бессознательной, вкусов, симпатий, установок, как сейчас становится понятным, была очень высокой во второкультурной среде. И все же, как бы ни провоцировали такие термины, как «андеграунд» на, тогализацию второй и, по существу, невидимой культурной действительности, она, к счастью, была и пестрее, и неоднородней, и сложнее. Дух протеста не только против внешнего принуждения, но и против господствующих мнений и вкусов в своей, неофициальной среде давал о себе знать. Сужу по взглядам тех, кто сплотился десять лет назад вокруг «Обводного канала». В качестве конкретного примера направления мысли, одинаково неприемлемого как для официоза, так и для «андеграунда» в основной его массе, я бы назвал славянофильско-почвенническое умонастроение, без которого трудно представить себе атмосферу того времени, но которое почти не нашло отражения на страницах ленинградской самиздатской периодики.

Предшественником «Обводного канала» следует считать куда менее известный журнал «Диалог». Журнал полемики и критики, как значилось в подзаголовке. Первый номер вышел осенью 1979-го, третий и последний — в феврале 1981-го. О «Диалоге» после выхода первых номеров «Обводного канала» забыли, но свою роль он сыграл и, в частности, снабдил необходимым редакторским опытом Сергея Стратановского и автора этих строк, будущих издателей и редакторов «Обводного канала». Забегая вперед, отмечу, что «Диалог» позднее ожил в виде философско-публицистической половины литературно-критического «Обвод-

ного». «Диалог» был характерно домашним и, скажу более, дилетантским, осознанно дилетантским, изданием. (Дилетантизм как форма оппозиции официальной, институализированной культуре — особая и, на мой взгляд, важная в контексте нашего разговора тема). Что означает эпитет «дилетантский» применительно к «Диалогу»? Это и смелость, с какой авторы брались за темы, которые, строго говоря, лежали за пределами их профессиональной компетенции, — так, филологи по образованию, С. Стратановский и К. Бутырин обсуждали проблему нации и национализма, группа биологов и инженеров выясняла идейный смысл пьесы Ибсена «Бранд». Журнал обращался к жанровым формам, предельно открытым для любого желающего (обмен письмами, круглый стол, реплики). Характерен был и сам состав участников — людей в целом далеких от «центральной», если так можно выразиться, жизни тогдашнего «андеграунда» и просто новичков в литературе, хотя далеко уже не юношей по возрасту. Что-то заставляло тогда десятки людей, не имеющих профессиональной подготовки, браться за перо, за кисть, за гитару или вести полубогемно-полудиссидентское существование в эти ленинградские 70-е годы, время, условно говоря, между отъездом Бродского и высылкой Татьяны Горичевой в 1980 году.

К концу 70-х годов «вторая культурная действительность» образовывала как бы несколько концентрических кругов. Был центр, или, вернее сказать, эпицентр неофициальной культуры с тесными и постоянными контактами и обменом идей, и была расширяющаяся периферия, знакомая с жизнью центра, иначе — элиты, только понаслышке, через случайно доходившие машинописные тексты, через поношение ее в газетах — источник информации и рекламы, который не следует недооценивать историком той эпохи, наконец, через случайные личные связи. Трудно сказать, случайно или закономерно я познакомился на одном из занятий знаменитого в 60-е годы Блоковского, или, что то же самое, — Максимовского, семинара, сначала с Виктором Кривулиным, а потом уже через него с Сергеем Стратановским, но так или иначе к концу 70-х наши взаимоотношения принесли свои плоды в виде некоторых идей и предприятий, в том числе журнальных. Мы стали также принимать участие в работе знаменитого религиозно-философского семинара, деятельность которого связана с именем Т. Горичевой, публиковать статьи в журнале «37» (1976 — 1981). В качестве одного из редакторов этого журнала и хозяина открытого для всех дома Виктор Кривулин, я думаю, «раскачал» многих и внушил им веру в свои творческие возможности, во всяком случае, лично я благодарен ему за ту роль, которую он сыграл в моей жизни, хотя во взглядах на искусство и жизнь я с ним все более расходился.

Для большинства же моих друзей, будущих авторов «Диалога» и «Обводного канала», — людей по стилю жизни отнюдь не

«центровых», Кривулин и его среда были окружены аурой, которая столь же увеличивала их авторитет, сколь и создавала определенную дистанцию, если даже не отталкивала. «Не вокруг творцов нового шума вращается мир, а вокруг творцов новых ценностей неслышно вращается он», — эти слова Ницше, часто повторявшиеся одним из моих друзей, лучше всего выражали подоплеку намечавшейся культурной несовместимости. Становилось ясно, что нам нужен был свой журнал, причем не литературно-художественный, а «философский», аналитический, широкого гуманитарного профиля, журнал в котором можно было бы поразмышлять, забыв об идеологической этикете, на любую волнующую вольного мыслителя, дилетанта тему, будь то «жизнь после смерти» или живопись Ильи Глазунова.

«Диалог», мне думается, и был в своем идеале выразителем умонастроений и жизненного стиля той широкой и в основном безымянной культурной периферии обломовых и тентетниковых брежневской России, существовавших в молчаливой оппозиции к коммунистическому режиму и санкционированной им либерально-марксистской культуре, но вместе с тем достаточно скептически смотревших на продукцию и стиль жизни признанных диссидентских центров. Было ощущение, что диссидентствующая богема профанирует дело культурно-духовного, а тем самым в конечном счете и политического сопротивления коммунистическому Левиафану, что ставить дело нужно спокойнее, серьезнее и принципиальнее, кладя в основу культурной работы не разрушение ради разрушения и творчество ради творчества, а возрождение великой русской традиции как единственной альтернативы существующему злу. Внутренняя близость либерального, цивилизованного, боготворимого образованщиной Запада коммунистическому и нецивилизованному лагерю социализма — близость и родство на основе веры в материальные ценности прежде всего — уже тогда прозревалась немногими благородными умами. Были и образцы правильной, как казалось, постановки дела в ситуациях, аналогичных переживаемой нами. Ближайший образец для подражания — Польша «Солидарности», т. е. опыт прямой, открытой, легальной оппозиции партократии, своего рода отделение общества, «земли» от партократического государства (начиная с сентября 1980 все вокруг нас воспринималось на фоне происходящего в Польше), отдаленный и заветный — опыт русского раскола, т. е. отделение народной религии и культуры от насильственно насаждаемой государственной.

И тот, и другой опыт, естественно, переводились для начала в культурную плоскость. Мне скажут, что это была утопия. Возможно, но, в конце концов, утопия представляет собой воплощение нонконформистского отношения к жизни, а кто из нас исповедовал тогда конформизм? Те же, кто исповедовал, сидели в редакциях и печатались в журналах типа «Невы», «Авроры» и т.

д., и с этим было все ясно, ибо каждому свое. Ведь был, наконец, совсем недавно провозглашен прекрасный девиз: «Жить не по лжи» — трудноосуществимый, но оттого не менее убедительный. Убедительный, как исходивший от него импульс был, пожалуй, наиболее важным, хотя вслух эти магические слова произносились очень редко, впрочем, настороженное отношение к Солженицыну уже становилось модным среди либеральной, т.е. тем самым в значительной степени и андеграундной интеллигенции.

В жизни самиздатского журнала после выхода одного-другого номера происходит, как я убедился, качественный скачок. Резонанс на появление нового журнала выражался в появлении новых авторов, в расширении тематического диапазона. Очень популярны были обсуждения каждого нового, только что вышедшего номера — с участием авторов (тех, кто выражал желание участвовать), избранных читателей и, само собой, редакторов. Происходило это где-нибудь на квартире, с соблюдением известной конспирации: ни авторы, ни читатели, ни редакторы не представлялись друг другу, просто по кругу делились своими впечатлениями от прочитанного.

После выхода третьего «Диалога» весной 1981-го года мы с Сергеем Стратановским поняли, что наш журнал перерастает рамки домашнего, что у него появилось объективно-культурное измерение. Особенно показательным в этом плане был успех Блоковской анкеты, организованной нами к столетнему юбилею поэта. В самой идее анкеты ничего оригинального не было: она, если не ошибаюсь, проводилась и журналом «Вопросы литературы». Важно было, какие задавались вопросы и кто на эти вопросы отвечал. Не менее важен был и герой анкеты — Александр Блок. Насколько его творчество к этому времени оказали в офисиозе, настолько же равнодушно или косо смотрели на него в андеграунде. Мы же хотели отразить эту ситуацию и, по крайней мере, воздать Блоку должное. В анкете приняло участие человек пятнадцать поэтов и критиков — от Виктора Антонова (в будущем одного из лидеров «Памяти») и Андрея Арьева (в будущем одного из редакторов «Звезды») до Виктора Кривулина и Олега Охупкина. Смело могу утверждать, что наша анкета была и живее, и весомее всего появившегося к юбилею в подцензурной прессе, включая ее литературоведческий сектор. Часть анкеты была перепечатана в лучшем на тот день эмигрантском журнале «Вестник РХД», вместе с публикацией другого оригинального материала из этого же номера — статьи С. Юрьева «Марфа и Мария», посвященной проблемам философии культуры, в парижской «Русской мысли.» Это многое значило для нас, требовало расширения культурного плацдарма свободы. Ориентиры для такого расширения в голове, конечно, были, ведь одно из самых приятных занятий для редактора, тем более начинающего, — мечтать. Напомню хотя бы польскую тему. Простая

информация о происходящем там — в виде перевода статей из варшавской «Культуры» — могла дать очень много. Были и другие идеи, но не буду о них рассказывать, потому что провидению было угодно, чтобы осенью 1981-го года в Ленинграде появился новый самиздатовский журнал, на сей раз литературно-критический, под названием «Обводный канал». Редакторами и составителями его были (о чем, естественно, нигде в журнале не объявлялось) уже известные вам К. Бутырин, принявший на себя обязанности главного редактора, С. Стратановский, редактор отдела поэзии, и прозаик Борис Рохлин, взявший на свое попечение отдел прозы. Как это произошло, и какие перипетии были суждены журналу, существующему и по сей день, — особая и обширная тема, говорить о которой, вероятно, рано — ведь журнал еще жив.

В разделе «Приложение» публикуются программные заявления нескольких ленинградских периодических изданий. В этих заявлениях, написанных в разные годы, получило отражение стремление творческой интеллигенции к духовной, интеллектуальной и эстетической свободе.

Вступительная статья

«ГОЛУБОЙ БУТОН»

Что такое «Голубой бутон»?

Голубой — это имеющий цвет ясного неба; светло-синий, лазоревый, лазурный. Это цвет, бывший издавна любимым цветом русского народа. Любить, приголубить, голуба душа, голубка — слова одного корня.

Бутон — это распускающаяся цветочная почка, то, что будет в скором времени благоухающим цветком, голубым цветком.

Не нами придумано, а давно повелось считать голубой цветок символом истины и высокого искусства. Но дать своему журналу название «Голубой цветок» мы не имели права, так как объединяет тех, кто лишь начинает пробовать свои силы в искусстве, кто еще не владеет истиной, а только хочет стремиться к ней.

Нашему журналу более подходит название «Голубой бутон», как символ утренней свежести, молодости, роста, светлого искусства и распускающегося прекрасного цветка истины.

Журнал будет выходить раз в месяц. Он должен будет дать то, что необходимо начинающему, — стимул к сознательному литературному творчеству и возможность в получении сравнительно большого количества отзывов читателей.

Наша насущная задача — овладеть мастерством. Мы будем бороться с серостью в форме и с пошлостью в содержании. Вот единственные ограничения для творчества, которое во всем остальном должно быть свободно.

Чем меньше мы будем стеснять себя, и чем больше будем искать и пробовать, тем лучше. Не исключена возможность, что эти пробы иногда будут доходить до абсурда — особенно с точки зрения читателей, и за это нам будет попадать. Но все же быть обруганным лучше, чем хранить спокойное самодовольство и не

двигаться, молясь на авторитеты. Как известно, корень учения горек. К тому же, «кто не боится сказать абсурда — часто говорит истину» (К. Эрберг.).

При всем том, мы не будем терять перспективы. «Литература должна возбуждать читателя; прививать ему желание жить празднично, красиво, чисто, учить выдумке». (А. Грин). Поэтому, безусловно, будут поощряться те произведения, которые одинаково прекрасны как по форме, так и по содержанию.

Мы знаем слова А. Блока: «Только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить себе писатель; ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами».

Мы не против этой мысли.

Но все-таки, прежде всего — свобода во всем!

Из альманаха «Fioretti»

ОТ РЕДАКТОРА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Трудно дать четкое объяснение назначению и цели выхода в свет первого, а затем и последующих номеров этого литературного альманаха. Любая социальная ситуация имеет свои сложные морально-этические требования и соответствующие формы их удовлетворения... Трудно также сказать, пустое ли желание ублажить таким способом свое теребящее душу тщеславие или же мы руководствовались иными, более благородными и дерзкими намерениями. Но факт совершился.

Все мы, авторы, давние свои сочинения в этот сборник, льстим себя надеждой, что образованная, читающая ново-петербургская публика сумеет должным образом оценить этот смелый шаг, т.е. напечатание и издание данного альманаха по собственному почину, не затрудняя при этом официальные издательства и редакции. Несомненно, что каждый человек имеет полное право свободно высказаться в любой форме, как свободная его, перво-зданная, непреходящая драгоценнейшая сущность, как позволяет ему его совесть, ... как записано в нашей истинно демократической конституции.

Души и чаяния любого из тех нас, кто носит гордое имя — Человек, тем более важно отдать на суд других людей, ибо в самой этой сущности каждого отдельного индивида заложены бесценные крупницы Логоса!.. Слово — дар, слово — движущее начало, целительный нектар, разящий меч и ...как Феникс вновь и вновь возрождающийся из пепла...

Отцы ели кислый виноград,
а у детей на зубах — оскомины.

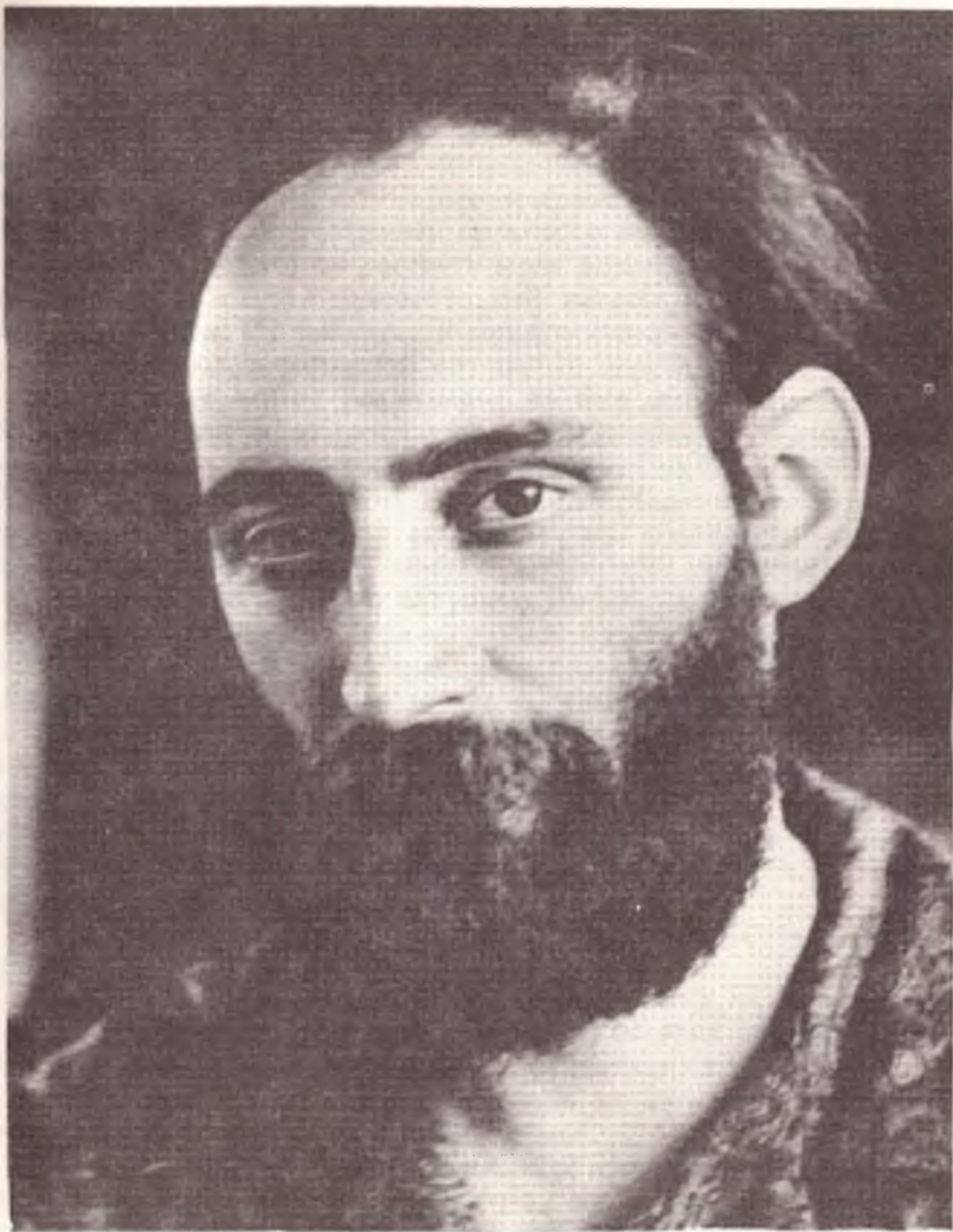
Иеремия 31.29

Нам дано жить в роковую эпоху, во время грозных апокалиптических предчувствий и всеобщего идеологического кризиса. Человечество переживает особый период своей истории. На наших глазах происходит закат великого века «позднего Просвещения»¹, окончательно воплотившего свой попечительский порыв в тоталитарные режимы XX столетия. Современный глобальный кризис, разламывающий то духовно-историческое пространство, в поле которого и разворачивалась политико-благотворительная патетика Просвещения, привел мир на грань распада. В пламени эпохального пожара испепеляются обветшавшие формы подвигавших на огромные жертвы мироустроительных идеологий и гибнут социальные утопии, а дым этого пожара застигает мировоззренческий горизонт истории мутным потоком.

Идеологические конфликты, как метастазы, разрывают общественные организмы, заставляя народы расплачиваться далеко не призрачной кровью. Несмотря на кризис существующих идеологий, судорожно изыскивается совершенный идеал социального устройства вне обретения подлинных духовных ценностей. И в то время, когда люди жаждут свободы, беспрецедентного развития достигли формы духовного и социального рабства. Вместе с тем люди тяжелым опытом открывают, что свобода, которой так пламенно жаждет воздыхающий мир, взятая в качестве абсолютного принципа, становится разрушением и небытием. Современная цивилизация, поглощая и перемалывая все новые и новые нации, создает безликий космос вненациональной жизни. В то же время вспыхивают по-новому острые национальные чувства, возрождается национальное самосознание и возникают активные национальные движения.

Мы стоим на пороге новой эпохи, нового миропонимания и исторически нового сознания. России в этих событиях отведено особое место. Первой она испытала на себе наиболее яростное действие позднепросвещенческой идеологии, охватившей сейчас глобальной стратегией весь мир. Ей же предстоит играть роковую роль в грядущей мировой катастрофе. И под этим эсхатологическим знаком разворачивается русская история.

¹ Выражение А. И. Солженицына.

Сергей Маслов – доктор математических наук, организатор семинара по проблемам науки, культуры, религии, главный редактор реферативного журнала „Сумма“

Причина этой грозной катастрофы — воплощение социалистических утопий Просвещения в плоть современной жизни. Человек Просвещения саркастически отринул Бога и поставил себя на его место. Он осознал себя чуть ли не божественным обладателем абсолютных истин и вместилищем мировой совести. Эта уверенность вдохновила его на просвещение масс и стала источником колоссальной внутренней силы того патерналистского порыва, который стремился рассеять мрак церковно-национальных «предрассудков» светом ослепительной истины единственно научной идеологии. Поскольку эти «предрассудки» были онтологически укоренены в истории, освящены церковью и обладали глубинным жизненным реализмом, то они плохо поддавались просвещенческому преобразованию, и просвещенец в стремлении быть властителем народных дум создал действенные инструменты демагогии, подкрепляя их для большей убедительности ошеломляющим террором. Так позднее просвещенческий мессианиззм стал государственной властью. Эта власть стала приносить в жертву идолу прекрасного будущего миллионы своих соотечественников. В то время, когда мир рукоплескал гигантским просветительским усилиям, коснеющие в своей неспособности воспринять великую спасительную идеологию, орошали кровью зоны Архипелага. Но государственный волюнтаризм не смог заставить людей перестроить свой внутренний мир по своему образу и не создал новой онтологии, но затмил народное сознание атмосферой страха. Россия замолчала. Рядом с нами живут немые поколения. Они тихо проходят по жизни, унося с собой в могилы задушенный крик.

А над охваченным тревогой миром как атомный гриб встал туманный фантом социализма.

И мы, живущие в тени этих страшных событий, прорываемся из мира социалистических призраков к реальности истории. Отказываясь от приспособленчества, мы решаемся на крайнюю меру — отщепенство, спасая наши души от саморазложения и смерти под священными сводами Церкви.

Но эти же трагические события, обрушившиеся на Русскую Православную Церковь беспримерным в истории злом и варварством, основательно потрясли ее здание и наложили тягостную печать на церковный лик. Исключительный духовный опыт, мученичеством и исповедничеством обретенный церковью в XX веке и преданный официально забвению, через память о новомучениках раскрывает свою полноту и встает перед нами мучительным вопрошанием, тревожащим нашу религиозную совесть. Приход в Церковь молодого поколения имеет определяющее значение для судеб русского христианства. Это поколение прикоснулось к кровоточащим ранам Церкви и столкнулось с молчанием плененного клира. И в точках этих соприкосновений

напрягается русская религиозная совесть, являя в молитвах и размышлениях новый дух.

Мы верные чада Православной Церкви, и чем больше проникаем мы в смысл Церкви и нашего исторического существования, тем более осознаем нравственную необходимость действовать: способствовать по мере наших сил освобождению Русской Церкви от оскорбительной опеки государства, способствовать высвобождению столь необходимой и уже очевидно себя обнаруживающей строительной энергии.

Сейчас мы живем в странном мире, разрываясь между внешней незначительностью наших усилий и грандиозностью обетований, рождающей в нас мощь христианского мироощущения. Осознавая свою немощь, мы чувствуем, какая великая ответственность ложится на наши плечи в выборе наших путей и воплощении нашей энергии. Избранные из предыдущего поколения сказали свое слово, теперь очередь за нами. Слаб и тих наш голос, но силен голос Того, о Ком мы свидетельствуем. Сложность церковной ситуации определяет тактическую сдержанность наших решений и накладывает особую ответственность на каждый наш шаг в выборе пути. Дерзость же нашей инициативы соответствует нашему религиозному вдохновению, а напряженность условий жизни только укрепляет наше единство.

В этом разделенном мире мы стремимся явить общину как искомое «единство духа в союзе мира»/Еф. 4.3./. Отведя требовательную и жадную до наших душ государственную руку, мы хотим построить мир независимый: способный к творчеству и самозащите; мир полный Любви и Смысла. Отстаивая человеческое достоинство, возвещая надежду отчаявшимся братьям, мы чувствуем, насколько устремление Церкви созвучно глубочайшим устремлениям человеческих сердец.

Предисловие к журналу «Сумма»

СУММА

РЖ

№ 1 — 1979

Всему свое время. Сегодня — время насаждать и врачевать, время собирать камни...

Скромная цель этого издания — способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная — искать пути к СИНТЕЗУ. Это стремление и составляет главный содержательный принцип журнала.

Раздел А по замыслу максимально близок к обычным реферативным журналам, раздел Б — «Точки зрения» — гораздо более свободен по жанру. Редакция будет, по возможности, стремиться к оперативности и полноте охвата Самиздата (хотя бы на уровне названий и оглавлений в разделе В), отчасти имеется в виду реферирование тамиздата, помещение информации о нетривиальной подцензурной литературе, постепенное обсуждение наиболее интересных публикаций предыдущих лет. Возможны перепечатки соответствующих материалов других изданий. Периодичность журнала — 4 номера в год.

Важный технический принцип журнала — лаконичность, редакция разрешает себе производить сокращения (отмечая их знаком /./). Редакция заинтересована в авторефератах и других подходящих материалах. Если при чтении какого-нибудь произведения Вам захотелось откликнуться, поспорить, сделать небольшую выписку — не поленитесь, сделайте, передайте нам. Допускаются любые псевдонимы, отсутствие подписи рассматривается как разрешение свободной обработки поступившего текста.

Подпись редакции — Р.

АДАМАЦКИЙ Игорь Алексеевич родился в Ленинграде в 1937 году. Закончил филологический факультет ЛГУ. Печатался в самиздатских журналах «Ересь», «Часы» и «Красный щедринец». Был председателем Клуба-81. Подвергался допросам в КГБ по политическим делам.

В настоящее время — главный редактор литературных журналов «Петербургские чтения» и «Стебок».

БУТЫРИН Кирилл Михайлович родился в 1940 году в г. Пушкине (Царском Селе). Закончил филологический факультет ЛГУ. Редактировал вместе с Сергеем Стратановским журналы «Диалог» и «Обводный канал». Печатался в журнале «37».

Работает в Библиотеке Академии Наук.

ВЕРБЛОВСКАЯ Ирина Савельевна родилась в Ленинграде в 1932 году. Закончила исторический факультет ЛГУ. В 1957 году арестована и приговорена к 5 годам лагерей по 58-й ст. УК. Срок отбывала в Сиблаге и Озерлаге.

Смогла вернуться в Ленинград в 1964 году. Работала экскурсоводом. В настоящее время на пенсии.

ГРИГОРЬЕВА Галина Валентиновна родилась в Ленинграде в 1948 году. Закончила психологический факультет ЛГУ. Печаталась в журнале «37», альманахах «Мистерии» (г. Речица) и «Женщина и Россия», журнале «Мария». Одна из составительниц «Антологии женской поэзии». Неоднократно подвергалась обыскам и допросам в КГБ по политическим делам.

В настоящее время преподает в школе, является общественным консультантом Комиссии Петросовета по семье, детству и здоровому образу жизни.

Имеет семерых детей.

ДИМИТРИН Юрий Георгиевич родился в Ленинграде в 1934 году. Закончил Химико-технологический институт им. Ленсовета. Участвовал в выпуске студенческой газеты «Культура». С 1963 года начал профессионализироваться в области театральной драматургии. Заведовал литературной и музыкальной частями в театре Ленинского комсомола г. Красноярска, работал на Ленин-

градском телевидении. С авторским участием Димитрина на сценах музыкальных театров страны было поставлено около 30 спектаклей. В настоящее время он — зам. художественного руководителя театра «Санктъ-Петербургъ Опера». Димитрин активно участвовал в работе редакционного совета комитета «Демократические выборы — 90».

ДОЛИНИН Вячеслав Эммануилович родился в Ленинграде в 1946 году. По образованию экономист, закончил ЛТИ Целлюлозно-бумажной промышленности. С 60-х годов участвовал в размножении и распространении самиздата. В 70-е — начале 80-х сотрудничал с журналами «Посев», «Сумма», «Часы» и др. Вместе с С. Коровиным начал издание «Регулярных ведомостей» Клуба-81, входил в состав редколлегии, подготовившей антологию неофициальной поэзии Ленинграда «Острова».

Вместе с Р. Евдокимовым в 1980-82 гг. издавал Информационный бюллетень СМОТа. Арестован в 1982 году, осужден по 70-й статье УК. Срок отбывал в Пермских лагерях.

После освобождения в 1987 году вернулся в Ленинград и включился в работу демократических организаций. Избирался членом Координационного совета Ленинградского Народного Фронта, председателем районного отделения «Демократической России». Входил в состав редколлегии Информационного бюллетеня «Организации за Народный Фронт» и журнала «Демократия и мы». Печатался во многих независимых изданиях («Петербург», «Топка» и др.).

Работает в котельной.

ЕВДОКИМОВ Ростислав Борисович родился в Ленинграде в 1950 году. Закончил истфак С-ПГУ. В конце 70-х сотрудничал с Информационным бюллетенем Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, печатался в «Посеве» и «Гранях». В 1980-82 годах вместе с В. Долининым издавал Информационный бюллетень СМОТа.

Арестован в 1982 году и осужден по 70-й ст. УК. Срок отбывал в Пермском лагере. В 1987 году освобожден, вернулся в Ленинград и возобновил политическую деятельность. Печатался во многих демократических изданиях.

В настоящее время председатель Санкт-Петербургской группы Народно-Трудового Союза, член Совета НТС, входит в состав редколлегии журнала «Посев».

ИВАНОВ Борис Иванович родился в Ленинграде в 1928 году. Во время войны учился в ремесленном училище, трудился на заводе, бродяжничал по стране. С 1947 по 1948 работал на Севере боровиком. С 1948 по 1953 находился в армии. Закончил отделение журналистики ЛГУ. Работал в областной и районной га-

зетах Псковской области, а после возвращения в Ленинград — в заводской и вузовской многотиражной печати.

В начале 60-х годов публикует рассказы в альманахе «Молодой Ленинград» и журнале «Звезда». В 1965 году выходит сборник его повестей и рассказов.

В 1968 году был исключен из КПСС и уволен с работы как автор коллективного письма-протеста против осуждения группы московских диссидентов.

С 1972 года — автор самиздатских статей о культурном движении в стране, о нонконформистском изобразительном искусстве, поэзии. («Две ориентации: общество», «Этический абстракционизм», «Каноническое и неканоническое искусство», «Часы культуры» и др.). Участвовал в работе Религиозно-философского семинара (1974 — 1980 г.г.), входил в инициативную группу по составлению коллективного поэтического сборника неофициальной поэзии «Лепта» (1975 г.). В 1976 году начинает выпуск журнала «Часы» (выходил до 1990 г.). Один из инициаторов создания литературного объединения «КЛУБ-81» (1981 г.) и Общества Христианского просвещения (1988 г.).

В 1986 году организует выпуск первого сатирического самиздатского журнала «Красный щедринец», в 1988 году — информационно-публицистического издания «Демократия и мы».

Входил в инициативную группу по созданию Ленинградского Народного Фронта. Был членом правления этой первой массовой демократической организации города. Участвовал в организации первой в Ленинграде политической демонстрации под лозунгом объединения всех демократических сил (25 июня 1988 г.).

Входит в правление Религиозно-философского фонда Владимира Соловьева.

Работает в котельной.

КОНОСОВ Михаил Борисович родился в 1937 году. Учился в Педагогическом институте им. Герцена, оттуда исключен за участие в выпуске «Литфронта литфака» в 1956 году. Отслужив 3 года в армии, учился в Литературном институте им. Горького. В 1967 году арестован по делу ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа), осужден на 4 года лишения свободы. Срок отбывал в мордовских лагерях. После освобождения работал грузчиком, закончил заочное отделение Литинститута. С конца 70-ых годов выступает в печати как литературный критик («Звезда», «Нева», «Аврора», «ЛГ» и др.).

КРИВУЛИН Виктор Борисович родился в 1944 году в г. Кадиевка Луганской области. Закончил филологический факультет ЛГУ. Много печатался в сам- и тамиздате — «Часы», «Обводный канал», «Звенья», «Континент», «Грани», «Вестник РХД» и т. д. Первая книжка вышла в Париже в 1981 году.

Редактировал журналы «37» и «Северная почта». За свою издательскую деятельность неоднократно подвергался обыскам и допросам в КГБ.

Первая официальная публикация на родине в 1962 году (журнал «Советский Союз»), вторая в 1985-м (сборник «Круг»).

В последние годы печатается в журналах и газетах России, Латвии, Эстонии, Германии и других стран. Стихи Кривулина переведены на основные европейские языки. Кривулин — лауреат премии им. Андрея Белого и Пушкинской премии (Гамбург).

В настоящее время преподает в Санкт-Петербургской гимназии, член Союза Писателей и французской секции Пен-Клуба.

ЛЕВИН Сергей Исаевич родился в Ленинграде в 1946 году. Учился на экономическом и математическом факультетах ЛГУ. С 60-х годов участвовал в демократическом движении, занимался размножением и распространением самиздата. Подвергался обыскам и допросам по политическим делам. Как автор и редактор участвовал в выпуске журнала «Сумма». Участвовал в подготовке сборника «Маятник», который не удалось выпустить. Статья Левина «Социализм?», предназначенная для «Маятника», распространялась в самиздате. Работал в котельной.

В настоящее время работает завучем экспериментальных классов при обществе «Встреча. Церковь и культура».

ПОРЕШ Владимир Юрьевич родился в Ленинграде в 1949 году. Закончил филологический факультет ЛГУ. Работал переводчиком и научным сотрудником в БАНе. С середины 70-х один из организаторов и лидеров религиозно-философского семинара, действовавшего в Москве, Смоленске, Ленинграде и других городах.

Вместе с А. Огородниковым редактировал журнал «Община». Арестован органами КГБ в 1979 году и осужден по 70-ой ст. УК. Срок отбывал в Пермских лагерях и Чистопольской тюрьме.

После освобождения в 1986 году работал в котельной. В настоящее время — Председатель Дома прав человека в Санкт-Петербурге.

РОНКИН Валерий Ефимович родился в 1936 году. Закончил Ленинградский Технологический институт им. Ленсовета, работал инженером в институте синтетического каучука (ВНИИСК им. Лебедева). В 1962 — 64 гг. совместно с С. Хахаевым написал работу «От диктатуры бюрократии — к диктатуре пролетариата», а в 1964 г. вместе с группой единомышленников начал издание самиздатского общественно-политического журнала «Колокол». По делу журнала «Колокол» арестован в 1965 году. Приговорен к 7 годам лагеря и 3 годам ссылки. Лагерный срок отбывал в мордовских лагерях, ссылку в Коми АССР. После освобождения

живет в Луге, работает инженером на заводе. Автор многих публикаций по широкому кругу общественно-политических проблем (социология, культурология и т. д.) в петербургской и центральной периодической печати.

САЖИН Валерий Николаевич родился в 1946 году, закончил Ленинградский Государственный Педагогический институт им. А. И. Герцена. Издавал журнал «Альманах», сборник «Старовер», выпустил газету «Vita». Служил в Отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (1968 — 1992). Участвовал в независимых изданиях «Память» и «Минувшее» (в 1975 — 1982). Подвергался обыскам и допросам в КГБ по политическим делам.

СКОБОВ Александр Валерьевич родился в Ленинграде в 1957 году. В 1975 году поступил на исторический факультет ЛГУ. В 1976 году становится одним из организаторов и руководителей молодежной коммуны, члены которой изучали и обсуждали актуальные философские и политические проблемы. Скобов — один из редакторов журнала «Перспектива».

В 1978 году был арестован и помещен в психбольницу, в которой провел более двух лет. После освобождения активно включился в работу СМОТа. Вторично арестован в 1982 году и снова помещен в психбольницу. Освобожден в 1987 году.

В настоящее время заканчивает обучение на истфаке Петербургского университета и преподает историю в школе.

СОЛОХИН Николай Дмитриевич родился в Вологодской области в 1930 году. Закончил отделение журналистики филфака ЛГУ. В 1958 г. был арестован органами КГБ и осужден по ст. ст. 58-10 ч.1 и 58-11 УК на 6 лет лагерей. Срок отбывал в Озерлаге и Мордовии.

Солохин — автор книг: сборника рассказов «Замело следы» (Л., 1990), романа «Сны для любимой» (Л., 1991) и других, пока не напечатанных. В 1975 году в Лениздате вышла в серии «Города Ленинградской области» книга «Всеволожск», написанная Солохиным в соавторстве с И. В. Венцелем. А в 1990 году сборник «Ладога» — литературно-художественные произведения поэтов и прозаиков г. Всеволожска, в котором Солохин принимал участие.

Солохин — редактор вестника «Мызы и музы» — журнала Всеволожского государственного историко-краеведческого музея.

ТАХТАДЖЯН Сурен Арменович родился в Ленинграде в 1956 году. Закончил филологический факультет ЛГУ. Принимал участие в издании журнала «Метродор» и непродолжительное время входил в состав редколлегии журнала «37». Подвергался допросам в КГБ по политическим делам.

В настоящее время работает на кафедре классической филологии Петербургского университета.

ШНЕЙДЕРМАН Эдуард Моисеевич родился в Ленинграде в 1936 году. Учился в музыкальной школе при Ленинградской консерватории, закончил кинотехникум, а после службы в армии поступил на вечернее отделение филфака ЛГУ. Переменил несколько специальностей — грузчик, упаковщик, товаровед, редактор издательства, библиограф. Стихи писать начал рано. Первые публичные выступления — перед студенческой аудиторией. Активно сотрудничал в самиздате: «Зов», «Оптима», сборнике «Лепта», журнале «Часы», в зарубежных изданиях: «Время и мы», «Мулета» и др. Написал книгу о поэте Н. Рубцове «Слово и слава поэта», 1984 год. Входил в состав литературного объединения Клуб-81. Выполнил ряд текстологических работ для издательства «Библиотека поэта». Редактор-составитель антологии ленинградской неофициальной поэзии «Острова» /1982 год/.

В настоящее время работает архивистом.

ЭРЛЬ Владимир Ибрагимович родился в Ленинграде в 1947 году. Поэт, прозаик, автор ряда историко-литературных статей и заметок, а также многочисленных комментариев. В 60-80-е гг. публиковался в самиздатских журналах и сборниках «Fiogetti», «Живое зеркало», «Лепта», «Лепрозорий-23», «Часы», «Северная почта», «Острова», «Обводный канал», «ДИМ», «Транспонанс», «Стихи для Верблюдов», «Митин журнал», и некоторых других, а также за рубежом — в сборниках «Сфинксы», «Аполлонь-77», «Wiener Slawistischer Almanach», «Черновик» и антологии К. Кузьминского «У голубой лагуны». С 1989 г. стихотворения и проза В. Эрля стали появляться в официальной российской прессе — в газетах и журналах Архангельска, Санкт-Петербурга и Тамбова.

Кроме того, В. Эрль известен и как текстолог — им подготовлены к печати, откомментированы и изданы произведения Л. Аронсона, К. Вагинова, А. Введенского и Д. Хармса.

Владимир Эрль — лауреат премии им. Андрея Белого (1986) и международной Отметины им. Давида Бурлюка (1991).

Работал в котельной.

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Долинин. Ленинградский периодический самиздат середины 50-х — 80-х годов	3
Николай Солохин. Подснежники «оттепели»	22
Ирина Вербловская. К истории возникновения самиздата 50-х годов.	32
Игорь Адамацкий. Все начинается с ереси	34
Юрий Димитрин. Газета «Культура»	37
Михаил Коносов. «Литфронт литфака». Как мы хоронили социалистический реализм	40
Эдуард Шнейдерман. Что я издавал, в чем участвовал.	46
Владимир Эрль. Несколько дополнений/«Fioretti», Историко-литера- турные чтения; издательства «Польза» и «Палата мер и весов»/, мелкие замечания	58
Валерий Ронкин. «Колокол».	64
Валерий Сажин. Самиздат в ЛПИ. Газета «Vita»	70
Виктор Кривулин. «37», «Северная почта»	74
Борис Иванов. По ту сторону официальности.	82
Сурен Тахтаджян. О журнале «Метродор»	
Владимир Пореш. «Община» — журнал христианского семинара/1974-1980/	94
Ростислав Евдокимов. Информационный бюллетень СМОТа.	100
Александр Скобов. «Перспектива» — журнал Новых Левых.	109
Сергей Левин. «Сумма» с позиции «слагаемого».	115
Галина Григорьева. К истории женского движения 80-х годов. Альманах «Женщины и Россия», журнал «Мария».	120
Кирилл Бутырин. У истоков «Обводного канала».	124
Приложение	130
Программные заявления журналов «Голубой бутон», «Fioretti», «Община», «Сумма».	132
Коротко об авторах	136

